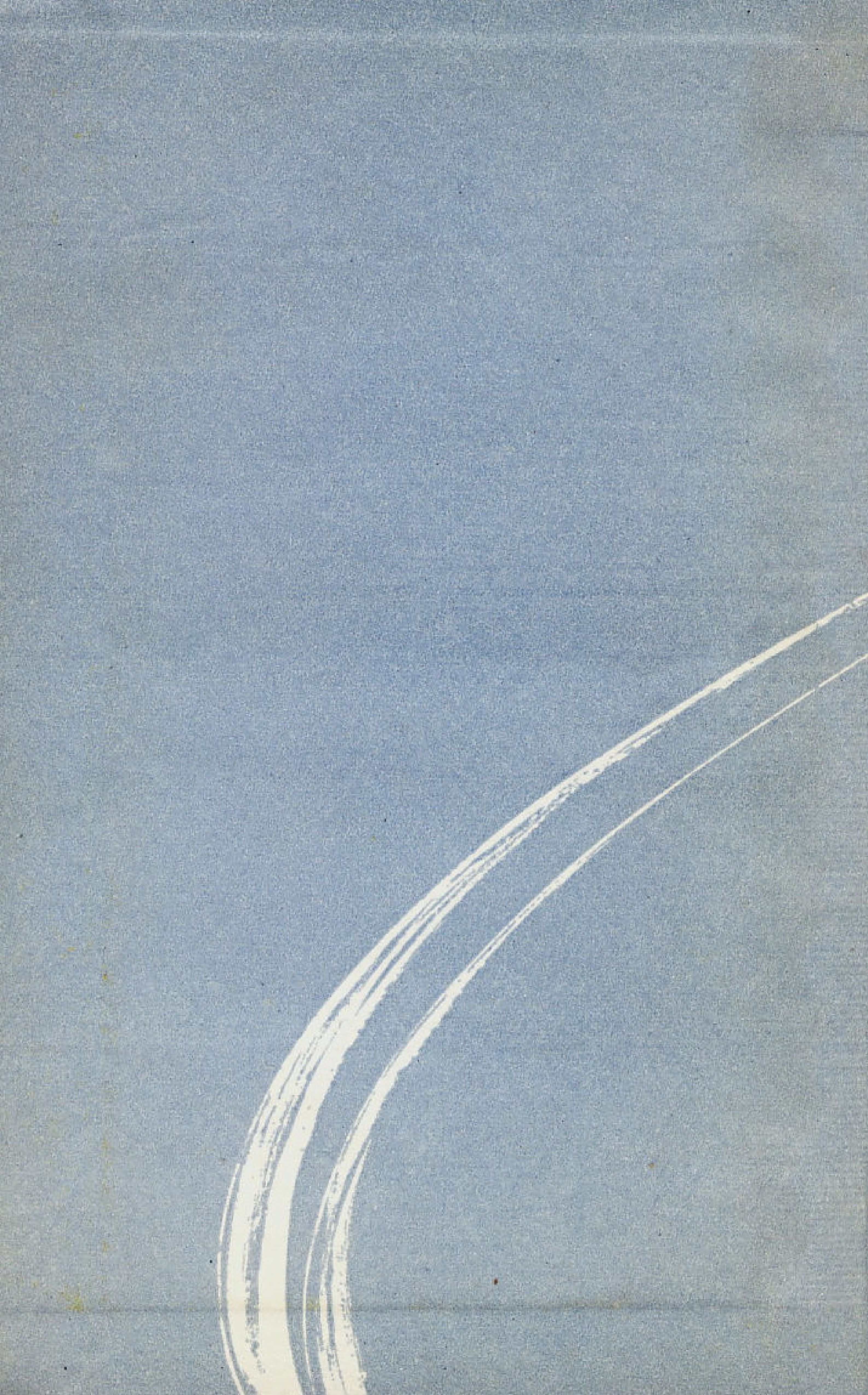
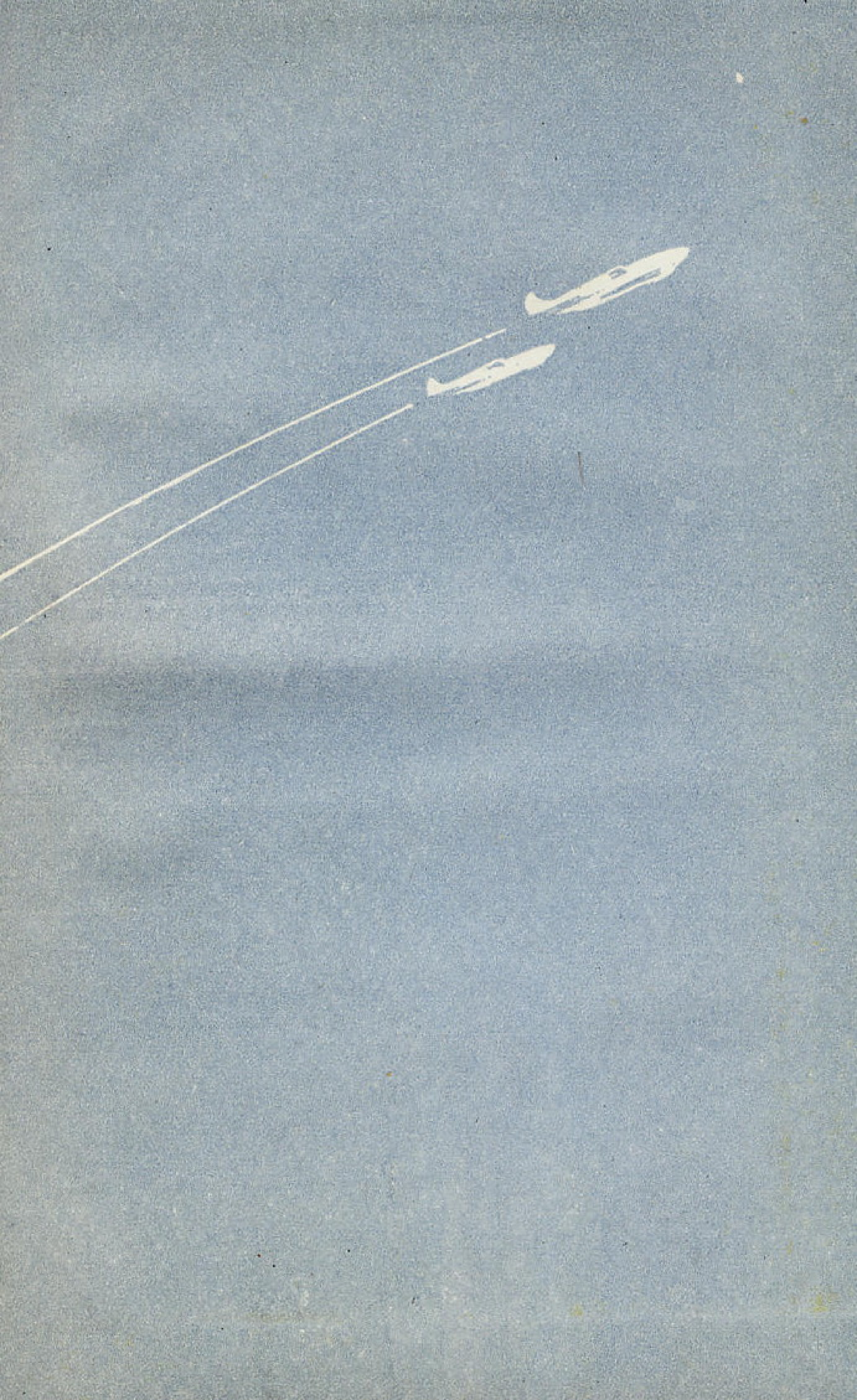
Николай Скоморохов

Боем живет истребитель

Николай Михайлович
СКОМОРОХОВ

Николай
СКОМОРОХОВ

БОЕМ ЖИВЕТ ИСТРЕБИТЕЛЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1981

Р2
С44

Литературная запись
Н. БЕЛОВОЛА

С $\frac{70302\text{-}192}{068(02)\text{-}81}$ БЗ-79-14-80.4702010200
БЗВ № 18-4-1980 г.

КАК РОДИЛАСЬ ПОВЕСТЬ

Однажды, разбирая почту, я прочел не совсем обычное письмо, присланное мне курсантами Харьковского Высшего военного авиационного училища летчиков имени С. И. Грицевца. Они писали:

«Здравствуйте, товарищ генерал!

Обратиться к Вам нас побудило следующее.

Нам, будущим летчикам-истребителям, часто говорят: «Равняйтесь на героев!», «Учитесь у них мужеству и отваге!», «Вырабатывайте у себя качества, необходимые в бою!».

Мы, безусловно, внимаем этим призывам. Но одновременно задумываемся: а как учиться у героев мужеству?

Нам кажется, что, прежде чем ответить на этот вопрос, надо хорошенько разобраться в том, с чего, собственно, начинается мужество.

Подвиг — это высшее проявление мужества. Но оно ведь не возникает из ничего — с чего-то начинается, имеет свои первоначальные истоки? Мы знаем, что есть Каспийское море. Но есть ведь и Волга, которая несет в него свои воды, и маленький родник, из которого она сама начинается...

Где же истоки мужества?

Известно, что прославленные герои-летчики вступили в битву с фашистами в 20-летнем возрасте. Большинству наших сверстников сейчас примерно столько же лет. Но никому из нас и в голову не приходит сопоставить себя с отважными асами минувшей войны. Выходит, мы теперь не такие — люди старшего поколения были другими? Если это так, то для проявления мужества нужно обладать какими-то исключительными качествами? Или все дело в особых обстоятельствах? Согласиться с тем или другим — значит остановиться на том, что в каждом из нас «дремлют» зачатки мужества и они раскроются, когда этого потребует ситуация... А если «дремлют» — то как заботиться об их развитии?

Вместе с Александром Покрышкиным и Иваном Кожедубом сражались тысячи их одногодков. Но многие ли отличились так, как они? Значит, не у всех обнаружилось

мужество высшей пробы? Получается, что не всем оно и дано. Может, это своеобразный талант, которым сама природа награждает человека? И если его нет — так нет.

Вспомним Алексея Маресьева. Хватило у него воли, будучи тяжело раненным, переползти линию фронта... Хватило сил научиться летать с протезами... Мужество, которому нельзя не позавидовать. Но откуда оно взялось?

Может, большое мужество рождает большая цель?

Мы читали о том, что космонавт Шаталов и во втором полете в космос испытывал волнение. Но внешне он оставался спокойным. Видимо, силы ему придавала исключительность поставленной перед ним цели.

Но вот смотрим мы на наших некоторых курсантов. Перед ними тоже большая, заманчивая цель — стать летчиками-истребителями. Чтобы овладеть этой сложной профессией, нужна сила воли. А что мы видим? Одни успешно овладевают учебной программой, другие перебиваются с двоек на тройки. А летать хотят. Почему же их не делает сильнее цель, которую они поставили перед собой?

Если не считать мужество врожденным качеством, если не соглашаться с тем, что для его проявления нужны особые условия, то, видно, нужно остановиться на том, что оно может быть приобретено каждым и стать постоянным спутником в жизни.

В таком случае, как его приобретать? С чего начинать?

Вот какие вопросы волнуют нас. Нам хотелось бы получить на них ответ. Вы вступили в войну в двадцать лет и завершили ее дважды Героем Советского Союза».

Письмо это заставило меня глубоко задуматься, осмыслить всю жизнь. И чем больше я размышлял, тем яснее становилось, что ответить на вопросы курсантов не так просто. Я стал вспоминать свою жизнь, фронтовые годы, боевых друзей, с чего все начиналось, как мы учились мастерству, какой ценой доставались нам победы, и таким вот образом постепенно рождалась эта повесть.

Автор

НАМ БЫЛО ДВАДЦАТЬ...

Мои отец и мать — потомственные волгари. Оба трудились на великой русской реке — матросили, рыбачили. С малых лет и меня — единственного сына — приобщали к своему делу. И думалось, что с Волгой, с родным селом Лапоть, позже переименованным в Белогорское, Золотовского района Саратовской области, будет связана вся моя жизнь. Мне нравилось наше село, неоглядная ширь реки, привольные просторы, по которым гулял Степан Разин. Все здесь дышало разинской вольницей. Почему село называлось Лапоть? В нем бурлаки меняли лапти — в оврагах в изобилии росли липы, и местные жители искусно плели из лыка эту «обувь». Недалеко от деревни находится знаменитый обросший мохом утес, о котором поется в известной русской песне, в этих же местах находится и тюрьма, в которую Разин сажал бояр. Фамилии многих наших жителей тоже отражали события давно минувших дней. Взять хотя бы нашу семью Скомороховых. Рассказывают, что при Степане Разине были скоморохи. Когда восстание подавили, они и осели в нашем селе. От них и пошли Скомороховы.

С детства я полюбил свой край, его славное прошлое, его суровую природу, нравы и обычаи волжан, и всегда, когда бы я ни вспоминал о нем, томительно щемит мое сердце. Это щемящее чувство порой наплывало во время жестоких испытаний минувшей войны, но оно не расслабляло моей воли, а лишь закаляло ее.

Каждому из нас дорого детство и все, что в нем было. И неважно, что оно промелькнуло в одних латаных-перелатаных штанишках, что с малых лет узнал голод и холод, обиды и несправедливости. Ведь все плохое в памяти со временем затушевывается, а хорошее она хранит цепко. Редкая материнская ласка, строгая, но справедливая требовательность отца, внимательность, душевная теплота и забота сестрички Пани — все это навсегда запечатлелось в моем сознании, согревало меня в тяжелые минуты жизни.

Когда я закончил третий класс сельской школы, семья переехала в Астрахань. Отец стал работать на барже матросом, я плавал вместе с ним в качестве заготовителя продуктов и повара. Часто ловили рыбу. Ее в Волге тогда было гораздо больше, чем сейчас, каждого улова хватало и для еды, и для продажи на рынке. Торговать рыбой запрещалось, но мне, мальчугану, это прощалось, в крайнем случае я отделывался легким подзатыльником. Потом отец научил меня вязать сети, в пять утра будил, я брался за работу, бежал в школу, возвращался, делал уроки — и снова за сети. И так день за днем. Даже во сне мне казалось, что я продолжаю вязать иглицей.

Астрахань — не село Лапоть. Самобытный, многоязычный город со своим знаменитым Кремлем, пестрым татарским базаром, шумной волжской набережной не мог не покорить деревенского мальчишку, не втянуть его в орбиту своеобразной городской жизни.

Здесь я сделал одно удивившее меня открытие. Оказывается, в Астрахани жили предки Владимира Ильича — его дед Николай Васильевич Ульянов и отец Илья Николаевич, закончивший местную гимназию. В городе сохранился и дом, в котором они обитали.

За свою жизнь я побываю во многих городах — наших и зарубежных — и каждый раз буду убеждаться в том, что особой гордостью жителей являются известные миру их земляки. И я не могу не воздать должное астраханцам, сумевшим разыскать любопытный документ, касающийся предков Владимира Ильича Ленина. Это — ревизская сказка (перепись). Она экспонируется в настоящее время в местном музее. Из нее следует, что дед В. И. Ленина был женат на дочери астраханского мещанина Алексея Смирнова — Анне Алексеевне, у них появилось четверо детей, кроме дома, ничего у них не имелось, семья жила заработками ее главы — работника портняжного цеха.

Большой город да еще такой необыкновенный, как Астрахань,— хорошая школа для мальчишки. Здесь я узнал много интересного, за короткое время мой кругозор намного расширился, я обзавелся новыми товарищами, с которыми пропадал на Волге в свободное от работы и учебы время.

Волга — река моего детства и юности. И когда сейчас я слышу в исполнении Людмилы Зыкиной песню «Издалека долго течет река Волга», мысленно переношусь на

ее крутые берега. Много и радостного, и горького, и озорного связано у меня с этой великой русской рекой. На ее берегах я рос, мужал, выходил в люди.

Я закончил ФЗО, стал работать слесарем, потом токарем на заводе имени III Интернационала, где и получил семиклассное образование. Затем был еще библиотечный техникум, где меня избрали секретарем комитета комсомола.

Но настоящая моя жизнь началась лишь с поступлением в Астраханский аэроклуб.

Мое сердце давно было покорено людьми в темно-синих костюмах, пилотках, портупеях, которых я однажды увидел. Помню, позавидовал этим ребятам: их выправке, молодцеватости, здоровью и... форме. Я потом не раз убеждался, что внешний вид специалистов той или иной профессии играет далеко не последнюю роль в пробуждении интереса к ней у молодых ребят. Летчика мальчишки замечали издалека, гурьбой встречали и провожали его.

В войну и после существовали спецшколы ВВС, где ребята тоже носили красивую форму: темно-синие брюки с голубыми кантами, защитного цвета кителя с золотыми погонами, пилотки или авиационные фуражки с «капустой» и «крабом». Я знаю нынешних военных летчиков, которых в авиацию привели эти спецшколы.

Ну так что ж, спросит дотошный читатель, значит, и вас прельстила красивая форма?

Это не совсем так. Дело в том, что в те времена авиация и ее люди были окружены ореолом героизма. И меня, как и других юношей, не могли не волновать подвиги М. В. Водопьянова, И. В. Доронина, Н. П. Каманина, С. А. Леваневского, А. В. Ляпидевского, В. С. Молокова, М. Т. Слепнева, которым первым в стране было присвоено звание Героя Советского Союза.

И мы не могли не восхищаться беспосадочным перелетом из Москвы через Северный полюс в США экипажа в составе В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова, а затем — М. М. Громова, А. Б. Юмашева и С. А. Данилина, смелостью советских летчиц В. С. Гризодубовой, М. М. Расковой, П. Д. Осипенко.

Тогда на всю страну прозвучал клич: «Комсомолец, на самолет!»

Отсюда понятно, что на летчиков, приезжавших в отпуск в Астрахань, мы смотрели как на людей иного мира.

И многие из нас потянулись в этот неведомый нам удивительный мир. Потянулся туда и я.

У летчиков, окончивших аэроклуб, всегда остаются самые лучшие воспоминания о первых полетах. Таково не только мое мнение — многие прославленные асы находят самые яркие слова, когда говорят о своей учебе в аэроклубе.

В чем тут дело?

Я думаю, все объясняется необычностью и новизной впечатлений, которые приходится переживать в аэроклубе. Взять первый самостоятельный полет. Он производит столь сильное эмоциональное впечатление, которое трудно с чем-либо сравнить. Ты — обыкновенный земной человек, и вдруг становишься хозяином высоты! Чувство высоты — необычное, оно вызывает в душе трепетное волнение и остается незабываемым на всю жизнь.

Вот почему то, что окружало тебя в аэроклубе, приобщало к чувству высоты, навсегда остается самым дорогим воспоминанием.

Для меня нет лучшего аэроклуба, чем Астраханский, и нет лучшего инструктора-летчика, чем Лев Иванов, у которого я учился.

Это был человек завидной выдержки.

При первом же ознакомительном полете нам показывали штопор. Зона находилась почти над моим заводом. Помню, взлетели мы, набрали высоту. Глядя вниз, я размечтался о том, как было бы хорошо, если бы мой отец, мои товарищи знали, что я сейчас лечу над Волгой. И вдруг наш самолет задрал нос, потом завалился на крыло и, вращаясь, устремился к земле. Забыв обо всем, я одной рукой уцепился за сиденье, второй — за борт кабины. Мне и невдомек, что инструктор в зеркало наблюдает за мной.

— Спокойно, Скоморохов, возьмись мягко за ручку управления, смотри, что я буду делать.

Я «взялся» за ручку так, что инструктор с места не мог ее сдвинуть.

— Отпусти, не напрягайся,— снова слышу спокойный голос.

Постепенно прихожу в себя и вижу, что мы снова в горизонтальном полете.

Нет, хорошо, что меня не видят ни отец, ни друзья...

А потом потекли учебные будни. Научиться летать оказалось непросто. Но вот что мне давалось без труда —

так это пространственная ориентировка. Я всегда знал, где нахожусь, куда нужно лететь. Другим такое умение не сразу давалось. Меня же оно не раз выручало потом в самых невероятных ситуациях.

Лев Иванов всячески развивал во мне эту способность, подчеркивая, что летчику-истребителю надеяться не на кого — он сам себе и штурман, и пилот. Почему он решил, что мне быть истребителем,— не знаю. Я в то время просто с увлечением летал. А он нас изучал, прикидывал, кто на что способен.

Я и сейчас вижу Льва Иванова: он в «квадрате», откуда ведется наблюдение за курсантами, совершающими первые самостоятельные посадки. Вот он чуть приседает,— значит, самолет подходит к началу полосы. Затем Лев Иванов весь устремлен к посадочному «Т», к которому приближается машина. Его пальцы теребят ремешок упавшего на траву планшета. «Ниже, ниже, еще ниже»,— шепчут его губы, а сам он все приседает и приседает, его правая рука как бы подтягивает ручку управления, и он неожиданно для себя садится на землю...

Говорят, что артистов быстро старят чрезмерные эмоциональные нагрузки. Не ошибусь, если скажу, что с летчиками-инструкторами происходит то же самое. И подчас ни в какое сравнение не идут физические перегрузки, которые они переносят в воздухе, с теми психологическими, что выпадают на их долю на земле.

Сороковой взлет я совершил самостоятельно. Один над Астраханью, над Волгой! В душе — песня. Потом я проведу в воздухе тысячи часов, но больше никогда не испытаю такого радостного, возвышенного чувства.

Вот почему так дорог мне аэроклуб!

Вечером в комбинезоне, шлеме, очках отправился домой. Это разрешалось тем, кому утром взлетать первым. Шел по городу, плыл на пароходе и всюду замечал восторженные взгляды людей, особенно молодых парней — моих сверстников. Мне было немного не по себе от такого внимания — я смущался и краснел.

Пришел домой. Отец знал, что я посещаю аэроклуб, матери пока об этом не говорили. Она не сразу и поняла, почему я появился в таком виде.

— Мама, поздравь меня, я сегодня впервые, понимаешь, сам поднял самолет в воздух...

И тут до нее все дошло, она прижалась к моей груди, заплакала.

Мама, мама...

Много перенесла ты и выстрадала, мало радостей выпало на твою долю. Думала, что хоть сын будет рядом — утешение в жизни. А его потянуло в небо. И тут ничего не изменишь, раз небо, на которое раньше лишь богу молились, властно влечет к себе людей, покоряется им.

Небо действительно разлучило нас. Осенью 1940 года начальник аэроклуба майор Палло поздравил нас с успешным окончанием учебы, впереди — летное училище. С той поры я редко виделся с родителями. Сейчас в живых только мать — Елена Лазаревна. Ей девятый десяток, живет она в нашем родном селе. Отец умер после войны, прожив восемьдесят лет.

Я получил назначение в Батайскую авиационную школу. Здесь готовили летчиков-истребителей.

С декабря 1940 года началась моя действительная военная служба.

Батайск — тогда небольшой уютный городишко, неподалеку от Ростова-на-Дону. Это второй новый город в моей жизни. Потом их будет много. Но Астрахань и Батайск займут особое место в памяти — здесь я преодолевал первые ступеньки на тернистом пути в небо.

В школе летчиков порядок строже. Выросшему на привольных волжских берегах к нему не просто приспособиться. Я вначале пошел было «в гору» — назначили командиром отделения, затем — старшиной звена. А потом — бац — пять суток гауптвахты. Пострадал за доверие и простодушие. Дело было так. Старшина отряда Цоколаев не любил сам проводить строевые занятия — поручал это иногда мне. А какой у меня командирский опыт? Пожалуются один-другой из курсантов, что ноги натерли,— верю, освобождаю их от занятий. Командир эскадрильи вдруг взял и проверил — все оказались здоровыми. Их на гауптвахту и меня вместе с ними. Даже не поговорил со мной. Возможно, что такой крутой мерой он хотел меня научить непреложному командирскому правилу: доверяй подчиненным, но не забывай проверять их. Только все это больно ударило меня, оставив в душе глубокий и болезненный след. С той поры я всю жизнь избегаю крутых решений там, где они касаются людей. Ситуации бывали всякие, вынуждали быть жестким, крайне требовательным, но «внутренний сторож» всегда

страховал меня там, где легко ошибиться, нанести человеку незаслуженную душевную травму.

Программа школы летчиков ни в какое сравнение не шла с аэроклубовской. Тут мы получали основательные теоретические знания и много летали. Преподаватели, летчики-инструкторы были опытные. Помню, младший лейтенант Костырко показывал мне фигуры высшего пилотажа — они получались у него мастерски. И мне захотелось так же овладеть техникой пилотирования.

Мы проучились в школе год и три месяца.

За это время произошли события, которые круто изменили судьбу миллионов людей.

22 июня 1941 года мы были в лагерях.

Воскресенье — день не летный, подъем не чуть свет, а нормальный, в семь утра.

Вставало яркое летнее солнце, мы занялись физзарядкой, начали готовиться к завтраку... Возможно, мы были в числе тех не очень многих людей, которые прожили мирной довоенной жизнью на несколько часов больше, чем другие, — у нас в лагере отсутствовало радио.

Потом в штабе раздался телефонный звонок, он принес страшную весть — война!

Вначале все же подумали: произошла какая-то ошибка. Недоразумение — решили многие.

Но все оказалось правдой.

Эта тяжелая весть нас не ошеломила. «Лезут? Хорошо — сотрем в порошок!» Такое убеждение было у всех. Потом откуда-то пришла весть, что Сталин приказал Тимошенко в течение пяти часов вышибить гитлеровцев за пределы нашего государства. Мы, наивные люди, смотрели на часы и ждали, когда телефон сообщит, что с наглыми захватчиками покончено.

От наших иллюзий не осталось и следа после митинга, на котором выступил приехавший из школы политработник. То, что мы от него услышали, поразило нас. Как же случилось, что фашист топчет нашу землю, а мы не можем его остановить? Ведь мы думали, что готовы дать сокрушительный отпор любому агрессору, если он посмеет на нас напасть. Мы свято верили в нашу силу и мощь. И вот что теперь получается...

Хоть мы были далеко от войны, но весть о ней сразу всех преобразила. От ударов военной грозы люди как бы стали яснее, проще. Мелкие обиды, дрязги, недовольство — все это бесследно ушло. Каждого из нас охватило

одно стремление — побыстрее и получше подготовиться к встрече с врагом.

Нам предстояло овладеть боевым истребителем И-16. Я впервые увидел эту машину в Батайске, когда мы проходили Курс молодого бойца. И потом мне даже приснилось, что я на ней летаю.

И вот теперь не сон — явь...

«Маша, если бы ты знала, на каких машинах мы сейчас летаем. Какая скорость, высота!» — писал я взволнованно тихой, ласковой девушке, с которой дружил, когда учился в Астраханском библиотечном техникуме. Писал, зная, что она поймет и разделит мою радость, как верный и хороший друг. Мои первые письма были скупыми, лаконичными, без лиричных строчек.

Истребитель И-16 представлялся нам мощной и грозной машиной. И, конечно, перед первым самостоятельным полетом многих из нас даже охватывала робость. Но сознание, что на этом самолете придется воевать, придавало решительности.

Нам придется воевать... Мы верили и не верили в это. Нас не покидала мысль, что отступление Красной Армии происходит вследствие каких-то временных неудач и скоро-скоро все обернется нашей победой. Некоторые даже сокрушались о том, что им так и не доведется увидеть живого фрица, не то что сразиться с ним.

Наивные, мы ничего не знали о настоящей войне, не сознавали, насколько серьезная опасность нависла над нашей страной, не могли предвидеть, что и мы вдосталь хлебнем военных невзгод, и многим из нас никогда не придется узнать, когда и как война завершится.

А немец продвигался к Москве, и нас все больше и больше охватывала тревога.

И окончательно рухнули все наши иллюзии, когда в начале октября 1941 года два наших «ишака» вылетели навстречу «юнкерсам», шедшим бомбить мост через Дон у Ростова. Одним И-16 управлял летчик-инструктор из соседней эскадрильи. «Юнкерс» так полоснул по нему очередью, что он едва вернулся на свой аэродром.

Мы окружили машину. И война глянула на нас реальными рваными пробоинами на плоскостях «ишака».

Вот как оно все оборачивается...

Мы расходились по эскадрильям в угнетенном состоянии.

Но вскоре нас всех собрали у палаточного городка.

Снова приехал политработник из школы. Какую весть привез он на этот раз?

Мы внимательно слушали его и постепенно начинали совсем по-иному смотреть на то, что произошло над мостом через Дон. И впервые поняли, что на войне бывают ситуации, когда успех определяется вовсе не числом уничтоженных врагов или сбитых самолетов, что есть еще более высокие и важные цели, достижение которых может многое оправдать.

Задачей первого боевого вылета с нашего аэродрома было: прикрыть, не дать разрушить важный стратегический мост через Дон. Взлетевшие товарищи справились с этой задачей — бомбы прошли мимо цели. И это несмотря на то, что слабовооруженному И-16 трудно было противоборствовать «юнкерсам». Воздушный бой мог вообще кончиться трагично для наших летчиков-инструкторов. Они это знали и тем не менее упорно атаковали фашистов, расстраивали их ряды, мешали прицельному бомбометанию.

Так мы получили первый урок настоящего мужества.

Он вызвал в курсантской среде бурный обмен мнениями. Смогли бы мы так действовать? Хватило бы у нас духу так рисковать? Одни петушились: «Да пусть только пошлют!» Другие молчаливо раздумывали, взвешивали все, делали выводы для себя.

Война подкатывалась к нам. Каждый день приносил все более тревожные вести, а иногда распространялись и панические слухи. Было поймано несколько немецких диверсантов, переодетых в милицейскую форму, что заставило потом нас при патрулировании в городе пристально присматриваться к милиционерам. Все это действовало угнетающе и в то же время ожесточало наши сердца. В те тяжелые времена особая роль отводилась партийным, комсомольским активистам, агитаторам. Они умели найти такие слова, такие доводы, которые укрепляли в нашем сознании убеждение в том, что все будет хорошо, наше дело правое, мы победим. Из многолетнего опыта знаю теперь, как важно, чтобы люди в периоды кризиса, неудач видели светлую перспективу, верили в нее.

В начале октября поступил неожиданный приказ: срочно эвакуироваться в Закавказье. Группа инструкторов вскоре вылетела в указанный по ту сторону Главного Кавказского хребта город. Часть курсантов направили на центральную базу помочь собраться в дорогу семьям

офицеров. Все завертелось-закрутилось, у нас не оставалось времени на размышление над тем, что происходит, почему мы так срочно должны перебазироваться. Возили на вокзал тюки, ящики, грузили их в вагоны в таком темпе, что некогда было даже в небо взглянуть. А смотреть надо было. Неожиданно появились фашистские самолеты, на землю обрушились бомбы. Протяжный завывающий свист, сильные взрывы, столбы пыли — все это возникло внезапно, не успев даже как следует нас напугать. Притаившись кто где, ждали окончания налета, а он длился два часа. Самолеты шли небольшими группами. И никто не преграждал им путь. Именно это больше всего нас удивляло. Где наша авиация? Почему враг безнаказанно творит свое черное дело?

Много, очень много возникло вопросов, и трудно было найти на них вразумительный ответ. Только вера в то, что и мы будем бить фашистов, не давала падать духом, отчаиваться.

Мы вернулись в лагерь, отправили оттуда последнюю группу инструкторов, а на нашем аэродроме появились фронтовые Су-2, затем МиГ-3, И-16. Наши войска отступали...

У многих летчиков-фронтовиков были боевые медали, ордена. Мы окружали их, расспрашивали о воздушных боях. Они отвечали неохотно, раздраженно.

Когда кто-то из нас заявил, что нам не терпится скорей стать в боевой строй, небритый хозяин одного из «мигов» сказал:

— Не торопитесь, ребята. Все равно машин нет. У нас и то пол-эскадрильи безлошадных...

Мы не отставали от фронтовиков: знали, что наши бои впереди, и старались расспросить поподробнее о гитлеровской авиации, ее тактике, вооружении. То, что узнали, было малоутешительным: немец сильнее нас, а потому нахальнее, господствует в воздухе...

В конце октября пришла очередь эвакуировать курсантов. Летчики боевых полков с сожалением расстались с нами — мы помогали им обслуживать, заправлять машины, крепко сдружились.

— Учитесь, ребята, придет ваш черед — поможете нам. Уверены, что вам дадут совсем другие самолеты...

На это очень надеялись и мы сами.

Последний, с кем мы прощались, был дед Анисим — старожил приаэродромной зоны. Он всегда нас чем-ни-

будь угощал, был с нами ласков, приветлив. Встретишься, бывало, с ним — и чем-то родным, домашним повеет на тебя. Мы любили его.

И вот прощание.

Молчим. Все понятно без слов.

— Когда вы летали — мы были спокойны,— говорит дед Анисим.

Понятно: курсантские полеты — учебные. А сейчас начнутся боевые.

Уходим грустные.

— Мы вернемся, дедушка! — говорим на прощание.

— По-иному быть не может — супостат сломает себе хребет,— отвечает дед.

В его словах — твердая убежденность. Она передается нам.

— До встречи, дедушка!

— До встречи, сынки!

Когда потом оглянулись — дед Анисим стоял у забора и смахивал ладонями слезы с морщинистых щек.

Его образ много раз оживал в моей памяти. Я испытывал чувство ответственности перед простым человеком-тружеником. Наверное, он олицетворял для меня весь наш великий народ...

Покидали Батайск с тяжелым чувством. Фашисты уже под Ростовом. Туда идут один за другим эшелоны с техникой, воинскими частями. Все — на фронт, а мы — в тыл, да еще глубокий. От сознания этого на душе становилось как-то неуютно. Но мы не распоряжались своей судьбой.

Нам оставалось лишь завидовать летчикам-инструкторам, которые отправились на передний край. Одну из эскадрилий возглавлял капитан Богданов — глубоко уважаемый мною человек.

Мы ехали долго. Наконец прибыли в пункт назначения. Вышли из теплушек — жарко, горы вокруг, внизу — ярко-зеленая долина.

Это был Азербайджан.

Вот куда занесли меня курсантские пути-дороги!

Там, где нас высадили, не было ничего, кроме ровной площадки.

— Начнем с нуля,— сказал летчик-инструктор Виктор Коноваленко.

Так оно и было. Сами заготавливали лес, строили жилые помещения, оборудовали летное поле.

В это время к нам редко и с большим опозданием поступали газеты, радио не было.

А слухов всевозможных — хоть отбавляй. Я потом не раз убеждался: где отсутствуют официальные источники информации — там властвуют слухи. Кем они распространяются — трудно сказать; только замечена одна общая особенность: слухи почти всегда тревожат людей, приводят их в уныние, а порой даже сеют панику.

Когда мы уже освобождали Украину, мне жители села Близнецы показали сохранившийся у них агитплакат первых дней войны, на котором была изображена старуха с выпученными от страха глазами, возбужденно шептавшая что-то на ухо другой такой же старухе. За их спинами виднелась лужа, в которой плавают детские кораблики. Стихотворная подтекстовка высмеивала распространительницу слухов, выдающую эти кораблики за немецкие миноносцы.

Сейчас наивность такого плаката очевидна. Но жители рассказывали, что и такие формы агитации оказывали свое воздействие. Ведь фашисты не брезговали ничем. С помощью лазутчиков они распространяли такие слухи, над которыми иной раз можно только посмеяться. Но когда враг приближался, самый нелепый слух был способен деморализовать человека.

А теперь представьте наше состояние, когда пополз зловещий слух: «Немец прет, вот-вот Москву возьмет!» Мы знали, что уже идут бои на окраине Ростова. Ну как тут не встревожишься?

Мы — к инструкторам. Они утверждают: под Москвой фашист сломает зубы. Но толком никто ничего не знает...

Мы работали, строили, а у нас все валилось из рук, и ничего нельзя было поделать. Вот тот случай, когда отсутствие информации угнетает волю, лишает душевного равновесия.

Из состояния уныния были выведены самым неожиданным образом: к нам на аэродром примчался весь взмокший, но с сияющим лицом местный почтальон Рахим. Он, как правило, появлялся, когда узнавал что-то новое. На этот раз в его руках, как флаг, развевалась газета.

— Сталин, Сталин выступил на параде! — радостно кричал он, произнося слова с восточным акцентом.

— Какой парад? Что? Где?

— Смотри, дорогой, вот фотография...

Никогда еще нам не были так дороги газетные строки. Мы с жадностью читали и перечитывали их, стараясь запомнить каждую фразу, каждое слово.

7 ноября в Москве состоялся парад.

С трибуны Мавзолея выступил Сталин.

Все как до войны.

Но... фашистские орды стояли у стен Москвы.

Газета произвела чудо: раз был парад, раз выступал Сталин, войска с Красной площади пошли на фронт — враг будет разбит!

Мы все словно очнулись, за несколько минут стали совсем другими. Все плохое теперь исключалось.

С нами радовался и Рахим. Торжествовал потому, что он, как и мы, томился и страдал от неизвестности. И не только он — все его односельчане. Судьба Москвы была всем дорога.

...И вот наш полевой аэродром готов. Первыми «опробовали» его летчики-инструкторы. А мы тем временем изучали район полетов, который существенно отличался от прежних своим горным рельефом и незнакомыми названиями населенных пунктов и рек.

Вскоре начали летать и курсанты. Когда инструкторы убедились, что наши летные навыки восстановлены, сами стали отрабатывать ночные посадки и взлеты. Некоторым из нас, в том числе и мне, «крупно» повезло — нас брали пассажирами. На этом, собственно, и завершилась наша «ночная» подготовка, но позже и она пригодилась.

Ушел от нас комэск Друзь. Его сменил отличнейший командир Сергей Сергеевич Левашов. Он оставил о себе у всех нас исключительную память своей человечностью, заботливой требовательностью, пониманием людей, горячим участием в их судьбе.

С уходом старого комэска мне стало легче жить. Попадало мне от него часто, но не всегда заслуженно.

Как-то после окончания полетов все отправились в столовую, а я со стартовым нарядом остался сдавать наше немудреное имущество. К столовой мы подошли позже остальных. Встретивший нас старшина Кузнецов скомандовал:

— Кругом, марш!

Несправедливость была очевидной. Я к старшине, начал ему все объяснять. Тот злится, не дает слова сказать. И надо же было подойти капитану Друзю.

— За пререкание со старшим — пять суток гауптвахты! — не став разбираться, объявил он.

Вот так у меня снова появилось достаточно времени для размышлений. А они были не из приятных. Да еще навещавшие друзья подливали масла в огонь.

— Прав тот, у кого больше прав,— говорили они, выражая мне сочувствие.

Я не мог с этим согласиться, потому что уже успел узнать разных командиров и понял: все зависит от человека, наделенного властью, от его личных свойств и качеств. Была уверенность: человек, севший не в свои сани, долго в них не продержится. Эта уверенность основывалась на той школе воспитания, которую я успел пройти. Отец мой, идеал честности и справедливости, учил меня никогда не кривить душой.

— Иначе не знать тебе людского уважения, а без него — жизнь не жизнь.

Эти же истины постигал я и от учителей, рабочих. И видел, что непорядочность, душевная глухота, черствость, мстительность, как правило, не прощались, не оставались безнаказанными.

Одного не знал я еще тогда, что такие люди, прежде чем сама жизнь выведет их на чистую воду, способны принести немало зла. Война и в этом отношении преподнесет мне весьма поучительные уроки.

Вторичный арест мог закончиться исключением из училища. Этого я больше всего боялся, переживал. Конец моим душевным страданиям положил капитан Богданов.

— Летать будешь, Скоморохов,— сказал он.— Все уладится...

Мы продолжали раскалывать тишину окрестных гор непрерывным гулом своих самолетов. Летали без ограничений, сколько могли — время торопило нас. Летали и пристально следили за всем происходящим на фронтах, в стране.

Здесь, вдали от кровопролитной войны, произошло событие, глубоко растревожившее нас, наполнившее наши сердца еще более острой ненавистью к фашистам.

Мы прочли очерк Петра Лидова «Таня», увидели снимок казненной отважной партизанки.

Мы читали очерк все вместе, переживали, вдумывались в каждую строку.

Таня! Где ты взяла силы, чтобы совершить столь высокий подвиг? Кто научил тебя такой отваге, стойкости, такому мужеству? Смог бы я поступить так, окажись на твоем месте?

Такие вопросы задавал себе каждый из нас. И каждый находил ответ. Это чувствовалось в разговорах, в речах на митинге, посвященном памяти партизанки Тани. Все говорили:

— Попадем на фронт — страшной ценой заплатят фашисты за ее гибель...

Некоторые давали клятву сбить не менее десяти самолетов. Я тоже мысленно дал себе такую клятву.

Смерть Тани пробудила к активной борьбе тысячи и тысячи юношей и девушек, людей старшего поколения. Я, обыкновенный простой парень, до сих пор мечтавший лишь о полетах, воздушных боях, теперь стал жить одной-единственной целью: скорее на фронт, а там — в бой, да так, чтобы ни один фашистский изверг не ушел от возмездия.

В это время пришло распоряжение — часть курсантов отправить в наземные войска. Мы понимали, что самолетов нет, а летчиков — в избытке, поэтому многие охотно изъявили желание пойти в пехоту, чтобы наконец сразиться с ненавистными оккупантами. Командование отобрало нужных людей и отправило их на фронт защищать Кавказ. Сборы и проводы были недолгими. Оставшиеся, в их числе был и я, желали отправлявшимся на передний край боевого солдатского счастья и возвращения в авиацию.

Вскоре пришли первые весточки от наших фронтовиков — они дрались смело и мужественно. Только вот не всем, кто хотел, довелось вернуться в небо — часть из них полегла на подступах к Кавказу, иные получили серьезные ранения и демобилизовались.

Как только наши товарищи ушли на фронт, нам сказали, что горючего нет, летать не будем всю зиму. И мы снова оказались вроде бы не у дел в столь суровое, напряженное для Родины время.

Правда, спустя некоторое время пришла весть, которая несколько успокоила и утешила: нам пообещали пригнать самолеты ЛаГГ-3, и мы приступим к изучению новой материальной части.

Нужно ли говорить, с каким рвением взялись мы за дело? Времени у нас было достаточно — разобрались в

самолете и моторе до последнего винтика. Экзамены сдали блестяще. И не только по материальной части, но и по всем другим предметам.

Как нас выручали потом наши старания! Недаром говорится: знания — не камни, плечи не давят.

Экзамены сданы — ждем технику.

И тут новое указание: часть курсантов направить в запасный полк. Отбирают группу — меня в нее не включают. Я спешу к командиру звена, тот — к начальнику штаба эскадрильи капитану Горобцу:

— Этого хлопца нельзя больше томить, пусть едет.

Повезло: меня включили в группу!

8 марта 1942 года я отправил праздничное поздравление с Международным женским днем Маше, матери и сестре и заодно предупредил, что мой адрес меняется.

Эшелон двинулся к Баку. Но до столицы Азербайджана мы не доехали — нас высадили на одном из полустанков. Здесь все было более благоустроено. Небольшой городок, хорошая столовая. Полоса — грунтовая. Но зато самолеты — ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-7у.

Чувствовалось, что тут мы долго не задержимся. Запасный полк — последняя черта на пути к фронту. Скорей бы ее перейти!

К этому времени всему миру стало ясно, что пресловутый гитлеровский «блицкриг» провалился. Победа под Москвой, успехи наших войск на всех направлениях, крах фашистского замысла — овладеть Кавказом показали, что силы Красной Армии не истощены, она может не только обороняться, но и наступать.

Еще трудно было предугадать, как сложатся события дальше, но было ясно: война приняла затяжной характер.

Мы хорошо сознавали, что сейчас фронту очень и очень нужны наши крылья. И как только освоили ЛаГГ-3, начали требовать: отправьте нас на фронт, сколько можно сидеть в тылу! Нам отвечали: всему свое время, готовьтесь, еще многое впереди.

Двадцатилетние нетерпеливы. Ожидание казалось бесконечным, было для нас пыткой. Но оно имело и свой смысл. Одержимые, мы накапливали знания, умение, в наших сердцах зрели гроздья гнева к фашистским поработителям.

В запасном полку частыми гостями были лекторы, пропагандисты, известные деятели литературы, культуры. Я не могу вспомнить сейчас фамилии выступавших

перед нами людей, но в моей душе остались их страстные речи.

Однажды майским днем мы услышали звуки духового оркестра. В недоумении высыпали на улицу, увидели приближающуюся к городу колонну. Что это значит? Кто идет?

Колонна ближе, ближе... Умолк оркестр, и тут же в небо взлетела песня:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Когда колонна подошла поближе, нам представилась совершенно необычная для этого города картина: четким строем, чеканя шаг, шли авиаторы, чью грудь украшали ордена и медали. Впереди — коренастый, с волевым лицом, в красивой довоенной летной форме командир, Герой Советского Союза.

— Гвардейцы-шестаковцы, — послышались голоса.

Да, это был прославившийся в боях при обороне Одессы 69-й (позже 9-й гвардейский истребительный) полк майора Льва Львовича Шестакова. Он прибыл к нам на переформирование после изнурительных боев в Крыму. О героических делах шестаковцев писалось тогда в газетах. Мы знали об их беспримерном мастерстве и мужестве.

Но то, что мы увидели сами, превзошло все ожидания. Полк, переживший оборону Одессы, крымские бои, появился перед нами как на параде — все в хорошем обмундировании, в начищенных до блеска сапогах, выбритые, подтянутые, с бодрой маршевой песней...

Какое высокое состояние морального духа! Разве можно было поверить, что эти люди пережили страшную трагедию отступления? Весь их вид, все их поведение свидетельствовали о несгибаемой воле, о неукротимом стремлении к победе.

Нам много рассказывали о стойкости и мужестве фронтовиков. Нам приводили примеры удивительных подвигов. Но колонна шестаковцев сказала нам обо всем этом в тысячу и тысячу раз больше. Глядя на Шестакова и его орлов-гвардейцев, мы воочию убеждались, что нет на земле силы, которая могла бы сломить советского человека, пошатнуть его веру в непобедимость нашего великого дела. Случись тогда такое, что Шестаков решил бы пополнить ряды своих бойцов за счет нашего запасного

полка,— для любого из нас не было бы большего счастья в жизни. Но такого не случилось. Нам оставалось лишь завидовать этому сплоченному боевому коллективу. И не только тогда, но и позже, когда шестаковцы освобождали Ростов-на-Дону, Крым, дрались в Восточной Пруссии, под Берлином. В полку — двадцать шесть Героев Советского Союза, четыре человека — Владимир Лавриненков, Алексей Алелюхин, Павел Головачев, Амет-Хан Султан удостоились этого высокого звания дважды. Слава полка гремела всю войну. Жаль только, сам Лев Львович не дожил до победы — 14 марта 1944 года он погиб у села Давыдковцы Хмельницкой области. Погиб от взрывной волны подбитого им стервятника. Сейчас на том месте, где упал самолет замечательного воздушного бойца, установлен обелиск. У памятника бывает сын героя — военный летчик первого класса Лев Львович Шестаков.

Перед моими глазами его отец и сейчас стоит как живой — русоволосый, среднего роста, широкоплечий, стройный, подтянутый, с энергичными, но экономными движениями рук, хорошо поставленным голосом. При редких встречах с ним мы, молодые, вытягивались в струнку, а в свободное время только и говорили о нем и его людях. Впрочем, о них говорил весь гарнизон. Такова сила, таково воздействие на умы и сердца подлинного мужества, истинного героизма.

После встреч с шестаковцами, после их рассказов о боевых делах мы снова стали требовать отправить нас на фронт. Дело идет к тому, что уже некоторым пахнет гауптвахтой. Но до этого не доходит, самые энергичные и настойчивые направлены на курсы командиров звеньев, организованные прямо при запасном полку. Я тоже попал туда.

Начальник курсов старший лейтенант А. Туманцев сказал нам:

— Кто такой командир звена? Это прежде всего мастер своего дела. В бою некогда учить подчиненных словом, там надо учить личным примером. Отлично летать, стрелять — вот чему вы будете учиться у нас.

Это было именно то, к чему мы стремились.

Июль, август, сентябрь 1942 года — последний этап нашей учебы. Не все понимали, что столь длительная подготовка вызывалась необходимостью сохранить и воспитать кадры молодых летчиков для будущих решающих

ожесточенных боев. Порой казалось, о нашем существовании просто забывали.

Но мы многого не знали и знать не могли.

В октябре на И-16 прилетел военный комиссар ВВС Закавказского фронта полковой комиссар П. Яковенко. Собрав весь личный состав полка, он рассказал нам о нависшей, после Новороссийска, опасности над Туапсе, о героической борьбе воинов на земле, море и в воздухе. В его словах чувствовалась озабоченность, когда он рассказывал о воздушных боях наших летчиков, которые нередко заканчивались не в нашу пользу. Прорыв немцев к Туапсе грозил чрезвычайно тяжелыми последствиями — он открывал врагу перспективу дальнейшего удара вдоль Черноморского побережья и проникновения в Закавказье. В связи с этим, объяснил Яковенко, Ставка принимает экстренные меры по укреплению подступов к Туапсе. В том числе, сказал он далее, решено усилить авиацию на туапсинском направлении. Для этого потребуются молодые, хорошо подготовленные летчики...

Наконец-то, кажется, пробил и наш час! «Кажется» — потому, что опыт длительного томления в ожидании отправки на фронт научил нас: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Утешало лишь то, что мы сможем перейти в настоящий боевой полк.

Полк этот оказался на одном с нами аэродроме — маршевый 164-й истребительный. Десять человек — Николай Кузнецов, Николай Аверкин, Алексей Липатов, Владимир Петровский, Лев Шиманчик, Сергей Лаптев, Александр Девкин, Сергей Шахбазян, Анатолий Мартынов и я были теми счастливчиками, которые пополнили ряды успевшего изрядно повоевать полка. Его боевой путь начался в Прибалтике, в первые дни войны, потом он сражался на харьковском направлении в составе ВВС 38-й армии. И вот теперь небольшая передышка, доукомплектование и снова — на фронт. Теперь уже вместе с нами. Долго же ожидали мы тебя, маршевый 164-й!

С нами, молодыми, познакомились командир полка майор А. Д. Мелентьев, военком — батальонный комиссар И. И. Егоров, заместитель командира полка майор В. В. Ермилов, начальник штаба майор Г. А. Горнов.

Мы на них смотрели с восторгом — бывалые фронтовики, люди, заслуживающие уважения.

Пройдет время — будем еще больше восторгаться Мелентьевым, оставит свой след в наших сердцах Егоров, но мы разочаруемся в Ермилове, невзлюбим Горнова. Война есть война, в ней вся суть человеческая проявляется без какой бы то ни было ретуши.

Сразу всем по душе пришелся заместитель Горнова майор Георгий Бравиков. Ему было за сорок. Он не выделялся своей внешностью, однако к нему почему-то все тянулись с первой встречи. Он жил как-то легко и просто, открыто для всех. Не было у него своей, потаенной жизни. Все на людях, весь — для них. Особенно нравились его шутки. Где ни появится — там вспыхивает смех. А между тем было у него большое личное горе — без вести пропала семья. Он переживал это, но виду не показывал: знал, война многим принесла беду.

Я попал во 2-ю эскадрилью, которой командовал майор Я. И. Микитченко. Яков Иванович был единственным в полку офицером, который имел до войны высшее военное образование. Он обладал глубокими знаниями и всегда охотно отвечал на все наши «почему». Всем нам — Толе Мартынову, Сергею Шахбазяну, Сергею Лаптеву, Саше Девкину и мне, попавшим к нему в подчинение, очень повезло.

Мы с Мартыновым составляли звено, которым командовал лейтенант Владимир Евтодиенко.

Юность хороша еще тем, что иной раз сводит нас с людьми, которые светят потом тебе маяком всю жизнь. Я благодарен своей юности за то, что она свела меня с Евтодиенко. Уроженец местечка Томашполь, Винницкой области, коммунист, он вначале был командиром звена в 25-м запасном авиационном полку, а с декабря 1942 года уже вместе с нами участвовал в боях в составе 164-го полка 5-й воздушной армии.

Очень интересным человеком был в полку и командир 1-й эскадрильи капитан Михаил Дмитриев, родом из Ивановской области; он тоже сражался с первых дней войны. Был награжден тремя орденами Красного Знамени.

Мне лично Дмитриев нравился тем, что в интересах дела смело шел на ломку отживших летных традиций. Так, он, а за ним и я были единственными в полку, кто летал с закрытыми фонарями. Это улучшало аэродинамические качества самолета, повышало его скорость. Все остальные, привыкшие летать на бесфонарном УТИ-4,

так и не могли заставить себя закрывать кабину ЛаГГ-3. Правда, тут был один секрет: то и дело нарушалась герметика винтов, козырек забрызгивался маслом, нередко приходилось высовываться из кабины, чтобы вести наблюдение за воздухом при взлете и посадке. Надо было следить за винтами на земле, а для этого не у всех хватало терпения. Дмитриев и я не считались с этим. Возможно, потому, что оба оказались хорошими знатоками техники, не боялись черновой работы, когда требовалось — с удовольствием хлопотали у машин. Этому вначале немало удивлялись техник звена Николай Тонкоглаз и мой механик Петр Мартюшев. Но потом привыкли и вместе с нами дружно, быстро обслуживали машины.

В боевом полку была совсем иная жизнь — динамичная, наполненная всевозможными событиями. Здесь поиному — живее, интереснее строилась и партийно-политическая, комсомольская работа, собрания носили конкретный, деловой характер, особую активность проявляли коммунисты-фронтовики: они знали, чему нас учить, чтобы в первом же бою мы не сложили свои собственные крылья. Старшие товарищи присматривались к нам, молодым, проявляли заботу о том, чтобы мы пополняли ряды партии. Нам давались всевозможные поручения, которые мы с радостью выполняли, стараясь заслужить похвалу наших бывалых командиров. Вообще мы не могли жаловаться на невнимание к нам. И это окрыляло, умножало наши силы. Если что кому и не удавалось — знали: старшие помогут, все будет отлично.

Такая атмосфера дружбы и взаимопомощи способствовала быстрому вхождению летчика в новый коллектив. Мы часто собирались поэскадрильно, а то и всем полком, начинались шутки-прибаутки, веселый обмен колкостями. Постепенно у нас выявились таланты, будущие звезды полковой самодеятельности. Все это было настолько интересно, что даже я, не отличавшийся ни музыкальным слухом, ни голосом, пел в хоре с товарищами. Аккомпанировал нам на гармошке четырнадцатилетний сын полка Ваня Калишенко. Его, ободранного, изможденного, подобрали где-то на Украине, приютили, выходили, обучили специальности авиационного механика, присвоили звание ефрейтора — так появилась у хлопчика новая семья, началась новая жизнь, сделавшая из него хорошего человека. Недавно мы встретились с Иваном Ильичом Калишенко — ныне он директор музыкального училища в го-

роде Днепропетровске. Воспоминаниям нашим не было конца...

Радовали всех нас своими песнями и танцами и дочери полка — Точиленко Катя и Нина Орлова. Их судьба сходна с той, что пережил Ваня Калишенко. Только они стали не авиационными механиками, а парашютоукладчицами. Причем такими, что все летчики хотели, чтобы парашюты для них укладывали именно Катя и Нина. Катя живет сейчас в Ленинграде, вырастила троих детей, воспитывает уже внуков. Нина, повзрослев, полюбила Гришу Онискевича — тогда командира звена первой эскадрильи. Он тоже всем сердцем потянулся к ней. По окончании войны они поженились — это была первая свадьба в нашем полку после победы.

Жизнь в новом коллективе увлекла нас подготовкой к боям. Прошло некоторое время — мы уже чувствовали себя такими же, как те, кто побывал в схватках. Как нас потом подвела эта ранняя уверенность!

Но об этом — позже.

Передохнув, личный состав полка стал жить одним стремлением — скорее снова на фронт.

И вдруг неожиданное — нас направляют на юг. Да еще поездом. Утешило лишь то, что едем за новой материальной частью.

Там, вопреки ожиданию, мы пробыли недолго. И запомнился он нам больше всего тем, что на наш концерт самодеятельности собралась огромная масса местных жителей. Они хлопали в ладоши, подпевали нам, подбадривали темпераментными восклицаниями. Очень хорошо принимали здесь летчиков-фронтовиков, но мы, новички в полку, чувствовали себя случайными гостями на балу. Когда пришла очередь петь и нам — неловкость прошла, мы с большим подъемом исполнили «Авиационный марш», «Эх, махорочка-махорка» и другие популярные тогда песни.

Это были наши последние часы сравнительно мирной жизни в далеком тылу. Завтрашний день даст нам в руки новенькие ЛаГГ-3 и принесет долгожданную весть: мы отправляемся на фронт.

Полк повел Мелентьев.

Радио тогда только еще вводилось на истребителях, хотя немцы им пользовались уже давно и успешно, что во многом помогало им в боях.

У нас приемо-передатчики имелись лишь на командирских самолетах, а у ведомых — приемники. Связь была отвратительной, слышимость — слабая.

Перед взлетом майор Мелентьев предупредил молодых:

— Товарищи сержанты, на радио надейтесь, но с меня глаз не спускайте. Я буду команды дублировать покачиванием крыльев.

Не сводя глаз с командирского самолета, боясь отстать, потеряться над бесконечными горами, мы покидали солнечную Грузию.

В конце ноября 1942 года наш полк приземлился на адлеровском аэродроме.

Сразу же возник митинг.

Батальонный комиссар Егоров, открыв его, дал краткую характеристику военной обстановки на нашем участке фронта, призвал не щадить своей крови и самой жизни для победы над врагом.

Майор Мелентьев сказал, что озверевшим фашистам, рвущимся к кавказской нефти, мы должны противопоставить свое мастерство, мужество, стойкость и волю. В заключение он произнес фразу, которая навсегда врезалась в мою память:

— Сражайтесь так, дорогие друзья, чтобы Кавказские горы навсегда запомнили советских воздушных бойцов, помните: «адлер» — это значит «орел»!

Глава II

«АДЛЕР» — ЭТО ЗНАЧИТ «ОРЕЛ»!

В горниле войны — миллионы судеб. В ее водовороте каждая судьба — как песчинка, капля в море. Но эти «песчинки», «капли в море» решали судьбу самой войны.

1942 год... Фронт гремит от Баренцева до Черного моря. И вот нам, необстрелянным птенцам, выпала доля встать в боевой строй на краю огненной черты на Черноморском побережье Кавказа — в Адлере.

Адлер...

Это сейчас он приобрел всеобщую известность — стал воздушными воротами Кавказа.

А до войны о нем мало кто слышал, здесь не было аэродрома, легкомоторные самолеты приземлялись прямо в Сочи.

Мы увидели в Адлере добротную по тем временам взлетную полосу, неплохо оборудованные стоянки, заполненные боевыми самолетами различных марок, приземистые постройки для личного состава и штаба.

Было похоже, что аэродром здесь существует давным-давно. Но оказалось, он построен год тому назад. Создавался ударно, как некогда знаменитая корчагинская стройка железнодорожной ветви в Боярке. О подробностях этого подвига сочинцев мы узнали не сразу, я расскажу о нем позже. А сейчас несколько слов о Сочи военной поры.

Любуясь сегодняшним великолепным южным курортом, немногие люди, приезжающие в Сочи со всех концов страны, задумываются о том, что и этого чудесного края коснулось черное крыло войны. Разве только памятные таблички на санаторных зданиях с номерами располагавшихся здесь военных госпиталей заставляют остановиться и задуматься над судьбой этого прекрасного города. Да и то нередко услышишь:

— Конечно, раненым здесь было хорошо — далеко ведь от фронта...

А фронт-то находился совсем рядом: передовые части врага сумели пробиться к долине реки Туапсинка — это не так уж далеко от Сочи.

Вот что рассказывает бывший в те годы председателем Сочинского горсовета, ныне почетный гражданин города А. Л. Белоус:

— Тревожные дни лета и осени 1942 года навсегда сохранятся в памяти трудящихся Сочи. Пали Краснодар, Майкоп, Черкесск, Кисловодск. Гитлеровцы овладели некоторыми перевалами Главного Кавказского хребта. Ожесточенные бои идут под Новороссийском и Туапсе. Фашисты пробиваются на перевал Псешхо, стремясь выйти на Красную Поляну, занять Адлер и ударом через Белореченский перевал — Дагомыс — Сочи отрезать Черноморскую группу советских войск.

Вражеские самолеты и подводные лодки преследовали в море транспорты, доставлявшие в Сочи продовольствие, бомбили город.

Это было трудное время. В Сочи объявлено военное положение. Бойцы городского истребительного отряда и

народные ополченцы перешли на казарменное положение. Началась эвакуация. Все предприятия стали производить продукцию для фронта. В портовых мастерских наладили ремонт дизельных двигателей, здесь же выпускали саперные лопаты, снарядные ящики, железные печки для блиндажей и землянок. Литейщик Г. Кирчо и токарь Л. Ихно приспособились изготовлять ручные гранаты и мины, которые на ишаках по узким тропам доставлялись отрядам, сражавшимся в горах. На заводе «Бродпром» наладили выпуск бутылок с горючей смесью. В гараже санатория Совета Министров СССР, а также в подвижных мастерских, расположившихся в парке «Ривьера», изготовлялись разборные станины для горных «катюш».

Первые образцы облегченных горных «катюш» были испытаны в городском парке, стреляли в море. Результаты превзошли все наши ожидания. Доложили об этом командующему войсками Северо-Кавказского фронта Маршалу Советского Союза С. М. Буденному. Он лично прибыл проверить работу сочинских «катюш». Убедившись в их эффективности, приказал срочно изготовить серию таких установок. В конце октября наши «катюши» успешно выдержали испытание боем на высоте Семашко.

За их разработку старшего техника-лейтенанта Х. Суляева наградили орденом Ленина, начальника мастерских А. Алферова — орденом Красного Знамени. Были также награждены местные жители — рабочие.

В те героические дни каждый сочинец работал за двоих-троих, делал все для фронта и готовился к отпору врагу. Город окапывался, строил оборонительные укрепления, продолжал лечить бойцов и возвращать их в части.

Да, прифронтовой Сочи боролся. Мы, летчики, были тому свидетелями. Нас разместили в корпусах санатория «Известия» — пятнадцать минут езды до аэродрома. Кормили нас хорошо — страна заботилась о своих бойцах. Но оттого нам было еще больнее узнавать: жители этого цветущего города получали очень скудный паек военного времени. Когда же мы пытались делиться своим пайком с обслуживающим персоналом — в ответ слышали одно:

— Вам нужно воевать, а мы уж как-нибудь перебьемся.

Тяжело было сочинцам. Но духом никто не падал, потому что каждый знал о гораздо более трудной судьбе ленинградцев и севастопольцев.

До глубины души взволновал нас следующий факт. Как-то молодых летчиков повезли в дом-музей Николая Островского. Думали, что, кроме нас, там никого не окажется в такую грозную пору.

Но как мы ошиблись! Нам пришлось долго постоять в очереди, чтобы пройти в домик, где жил любимый писатель, создатель легендарного образа Павки Корчагина. Кто сюда шел? Все выздоравливающие перед отправкой в части, фронтовики, оказавшиеся в Сочи в командировке. И множество местных жителей, большей частью молодых, бойцов истребительного отряда и полка народного ополчения. Шли, чтобы приобщиться к великой жизни, дать мысленную клятву быть такими же стойкими, мужественными, верными Родине, каким был Николай Островский. Помню, читал тогда тронувшее мое сердце одно из писем к Островскому: «Дорогой дядя Коля! Мамуля мне о тебе говорила все — я тебя стал очень любить. Пиши скорее новую книгу о Павке, я буду храбрым, как ты и Павка, я буду летчиком. Целую тебя. Валя Кононок». Письмо пришло из Чистых Прудов. Было бы любопытно узнать, как сложилась судьба Вали? Во всяком случае, я тогда позавидовал его смелости. Впервые прочитав книгу «Как закалялась сталь», я тоже хотел написать Николаю Островскому, но оробел.

До сих пор живо помню, с каким волнением входили мы, вступающие в войну летчики, в этот дом-музей, как внимательно изучали его экспонаты. Нам все было тут дорого и свято.

Здесь-то, во время экскурсии, мы и услыхали впервые о том, как создавался аэродром в Адлере.

...Началось все 9 июля 1941 года.

Какой была тогда общая обстановка на советско-германском фронте?

Вероломно напав на Советский Союз, гитлеровское командование тремя рассекающими ударами крупных танковых группировок: на Северо-Западном, Центральном и Юго-Западном направлениях — пробило бреши в обороне и устремилось в глубь нашей страны.

К исходу 9 июля фронт борьбы с немецко-фашистскими захватчиками уже переместился на 350—600 километров к востоку от западных границ государства. Ожесточенные бои с наступающим врагом шли по линии Пярну, Тарту, Псков, Дрисса, Витебск, отсюда к югу по Днепру, до Речицы и далее через Новоград-Волынский,

Житомир, Бердичев, Староконстантинов, Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, Леово, Прут и Дунай до Черного моря.

Создалась угроза прорыва гитлеровцев к Ленинграду, Смоленску, Киеву. Были оккупированы Литва, Латвия, Белоруссия, значительная часть Украинской ССР и Молдавии. Потоки беженцев, эшелоны с демонтированным оборудованием фабрик и заводов днем и ночью шли из западных районов и юга на восток, где в глубоких тылах страны началось строительство военных объектов, в том числе и новых аэродромов.

8 июля председатель горсовета А. Белоус пригласил к себе ведущего сочинского инженера Шевкупенко Ивана Гавриловича, под руководством которого производилась в довоенное время реконструкция курорта Сочи — Мацеста, и поставил перед ним необычную задачу: возглавить строительство аэродрома в Адлере, к делу приступить завтра. Срок — два месяца.

Шевкупенко (ныне тоже персональный пенсионер, проживающий в Сочи) никогда еще не занимался таким сложным делом. Но приказ есть приказ.

Утро следующего дня он встретил на окраине Адлера, осматривая огороды, сады, дикие заросли, небольшие болотца. С ним — главный инженер В. В. Греков, комиссар стройки М. И. Шулятьев, представитель аэродромного отдела ВВС Черноморского флота. А за ними — до семи тысяч сочинцев, в основном женщины и старики, с лопатами, кирками, тачками, носилками. Все увидели до сотни гектаров малопригодной для такой стройки местности. А тут еще жара. Машин не было никаких. Кое-как обеспечили людей водой, а с питанием устраивались кто как мог.

Но к работе приступили с большим энтузиазмом. Этому во многом способствовало выступление комиссара на митинге, посвященном началу стройки. Он рассказал о тяжелом положении на фронте, о зверствах фашистов на оккупированных ими территориях.

— Захватчики подходят к Киеву,— говорил он,— столица Украины готовится к отпору врагу. Далеко от нас Киев, но сегодня фронт пролегает и через наш город. Немец вышел к Черному морю. Нашей авиации нужны аэродромы. Крепче рубите киркой, глубже вонзайте лопату, чтобы Адлер быстрее расправил крылья.

— Крылья Адлеру, крылья! — продолжал Шулятьев.— Работать по-корчагински! — вот что должно быть девизом нашей стройки.

Раздался одобрительный гул голосов.

Работать по-корчагински! Этот пламенный девиз всем пришелся по душе, потому что был близок и понятен каждому. Удивительная судьба Павки продолжала жить в тысячах, миллионах сердец, служа великому, благородному делу.

Стройки такого размаха не знало до сих пор Черноморское побережье Кавказа. Не знало оно и такого энтузиазма, всеобщего порыва, самоотверженности людей.

Правда, история свидетельствует, что и раньше здесь велись большие массовые работы. Например, в 1892 году — прокладка дороги Новороссийск — Сухуми. Но что это было за строительство? Кем оно велось? Красноречивее всего рассказал о нем его участник, великий русский писатель А. М. Горький в рассказе «Рождение человека». Вот что пишет он о людях, раздавленных своим горем: «...оно сорвало их с родной, усталой, неродимой земли и, как ветер сухие листья осени, занесло сюда, где роскошь незнакомой природы — изумив — ослепила, а тяжкие условия труда окончательно пришибли этих людей».

Окончательно пришибли людей...

А спустя полвека здесь с такими же кирками, лопатами, носилками, в тех же природных условиях, испытывая примерно те же невзгоды, советские люди — хозяева своей страны — трудились, окрыленные сознанием, что они крепят нашу оборону, приближают победу.

Вместо двух месяцев стройка шла ровно 50 дней. Собственно, это была не стройка, а битва. Адлер — предгорье Кавказских гор. Скальные породы, подземные источники, бесчисленные коряги — все было против людей с их крайне примитивными орудиями труда.

Санитарки, медсестры, врачи-женщины, старики, натирая на руках мозоли, вгрызались в каменистый грунт, выкорчевывали пни, засыпали ямы, разравнивали бугры, прокладывали дренажи, с помощью труб уводили под землю воды реки Мзымта.

Жара в то лето стояла неимоверная, многие очень тяжело переносили ее, но никому и в голову не приходило прервать работы, окунуться в море. Душные ночи тоже не приносили облегчения.

Ночь пролетала быстро. Ни свет ни заря люди снова

брались за свои инструменты. Все это делалось само собой, без каких-либо команд. Никого подгонять не требовалось. В короткие обеденные перерывы комиссар Шулятьев сообщал фронтовые новости. Они были малоутешительными. Люди становились более суровыми, глотали жидкие щи — и снова за работу. И так изо дня в день.

В середине июля в санаториях расположились военные госпитали.

Довоенный Сочи был малонаселенным. Война забрала всех способных носить оружие мужчин. На их рабочие места стали женщины. Дома остались одни старухи. И вот теперь принято решение — заменить ими часть медицинского персонала, отправляемого на переоборудование санаториев. Старые женщины весьма охотно откликнулись на призыв горсовета, включились в работу.

1 сентября 1941 года аэродром принял первый боевой самолет ВВС Черноморского флота.

Этот день и является днем рождения аэропорта Адлер. Мне, посвященному в историю его создания, хотелось бы, чтобы на фронтоне здания адлеровского аэровокзала была помещена памятная доска в честь подвига сочинцев.

Вот с какой богатой военной историей Большого Сочи, как теперь принято говорить, познакомились мы на своем первом фронтовом аэродроме. Узнали многое из рассказа матери Николая Островского — Ольги Осиповны, бывавшей на строительстве аэродрома и посетившей первую авиационную часть.

Знание славной истории края, который ты защищаешь,— немаловажный фактор, поднимающий настроение и боевой дух.

Во всяком случае, мы, еще не побывав в воздушных схватках, не пройдя первого крещения огнем, теперь совсем по-иному воспринимали фразу, произнесенную командиром полка Мелентьевым:

— «Адлер» — это значит «орел»!

Действительно, город-орел, люди-орлы — и это очень и очень ко многому обязывало нас. Мы, помню, даже крепко обиделись на одного местного старожила, который разъяснил нам, что «адлер» пошло не от немецкого слова, означающего в переводе «орел», а от названия племени, проживавшего здесь когда-то,— артляр. Сейчас нам ближе было Адлер-орел, потому что это окрыляло наши сердца.

Итак, мы на своем первом огневом рубеже — аэродроме Адлер. Здесь базируются авиационные полки нашей 5-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов, и ряд других частей ВВС фронта.

В первый же день нам сказали, что главное направление наших боевых действий — туапсинское, против нас противник сосредоточил до 600 боевых самолетов, а у нас значительно меньше, поэтому каждому придется драться за двоих.

Командование осмотрительно, неторопливо вводило в строй молодых летчиков.

С нами провели несколько занятий по самолетовождению и тактике. Большое внимание было уделено изучению нашего района, особенностей взлета и посадки. Нас тренировали даже в рулении по аэродрому. Это имело свой смысл — наша эскадрилья располагалась у подножья гор, первая — поближе к морю. «Вы — гористее, мы — мористее»,— шутили летчики Дмитриева. Каждому из нас нужно было научиться безошибочно заруливать на свою стоянку: при таком обилии техники немудрено и столкнуться.

Вскоре мы увидели первый вражеский самолет. Почему-то никто из наших не взлетел ему навстречу, он с большой высоты сбросил несколько бомб — они разорвались в стороне от аэродрома.

А потом произошло такое, что буквально потрясло нас, молодых. Заходил на посадку Ил-2. И тут откуда ни возьмись два «мессера». В мгновение ока они подожгли наш самолет и скрылись.

— Вот их пиратская тактика,— зло бросил Дмитриев.

— Когда же нас наконец поведете в бой? — не выдержал Алексей Липатов.

— Всему свой черед,— ответил комэск, а потом, подумав, добавил: — А у тебя, Липатов, еще и на земле есть над чем ломать голову.

На что он намекал — нам было ясно. Намек этот заставил смутиться и меня с Мартыновым. Дело заключалось в следующем. При перелете на фронт мы совершили посадку в Кутаиси. Задержались там на несколько дней. Однажды нам разрешили увольнение в город. Мы пошли в Дом культуры. С деньгами было туговато. И тут выясняется, что они есть у Липатова. Он не курил, в

рот не брал хмельного. Мартынов возьми и скажи в шутку:

— Может, угостишь, Алеша, в честь отлета на фронт?

По дороге зашли в винную лавку. Алексей взял бутылку портвейна, мы распили ее и пошли дальше. В Доме культуры Липатов нос к носу столкнулся с Мелентьевым, который сразу же отправил его на аэродром. А утром на построении объявил ему выговор.

Липатов страшно расстроился. Он стал уединяться от товарищей. Уходил в город один, и случалось так, что сначала комиссар, а потом и командир «засекали» его, как они говорили, возле винных подвалов, которых Алексей даже не замечал. И пошла молва о том, что Липатов — выпивоха. Именно это имел в виду Дмитриев.

Нам с Мартыновым очень хотелось заступиться за товарища, мы пытались убедить всех, что он совсем не такой, как о нем думают. Но начальство и слушать нас не желало. В конце концов мы решительно вступились за честь своего товарища, только случилось это слишком поздно...

После нескольких полетов в районе аэродрома нам объявили:

— Завтра первый боевой вылет. Подготовьтесь, хорошо отдохните.

Как-то чересчур буднично, слишком просто прозвучали для нас слова, которых мы ждали почти полтора года.

Первый боевой...

Взлетали, когда солнце уже поднялось сравнительно высоко.

Идем к Туапсе над береговой линией. С одной стороны горы, с другой — бескрайний морской простор.

Впереди — Микитченко, справа от него я, слева — Евтодиенко и Мартынов, сзади, выше — Дмитриев с Кузнецовым.

Время от времени бросаю взгляд вниз, на город. Он весь изрыт, исполосован оборонительными укреплениями. Во многих местах земляные работы продолжаются. Город начеку. Мы тоже. Первыми из молодых вылетели на прикрытие наших войск, преисполнены гордости за такое высокое доверие. Вот внизу проплывают Дагомыс, Головинка, Лазаревское, Макопсе, Туапсе.

По расчетам, должна уже быть линия фронта. В моем представлении это сплошные траншеи, непрерывный

огонь с обеих сторон. Но тут, в горах, все иначе. Я увидел лишь отдельные вспышки артиллерийских выстрелов.

А где же воздушный противник? Я и жаждал и побаивался встречи с ним. Каким он будет, мой первый враг? Молодым ли, как я, опытным ли воздушным волком? Как поведет себя, какими будут мои действия? Удастся ли мне сохранить спокойствие и выдержку?

Возникали десятки вопросов, а ответ на них могла дать только встреча с противником.

Волновался ли я? Безусловно. Столько наслышаться о фашистах, дошедших до Кавказа, и не испытывать никакой тревоги перед первой схваткой с ними — такое трудно представить. Другое дело Дмитриев — бывалый фронтовик. Ему уверенности и спокойствия не занимать.

У меня же сильно вспотела ладонь правой руки, державшей ручку управления. Вопреки обычаю, я резко работал сектором газа и рулями, отчего с большим трудом держался в строю.

В какое-то мгновение поймал себя на том, что чересчур быстро вращаю головой, торопливым взглядом охватываю слишком много пространства, но в глубину его не всматриваюсь. А ведь еще аэроклубовский летчик-инструктор Лев Иванов учил:

— Не скользи взглядом по воздуху, пронизывай его. Наука воздушного боя начинается с умения смотреть и видеть.

Смотреть и видеть!..

Усилием воли взял себя в руки, стал спокойнее, пристальнее всматриваться в окружавшее меня пространство.

Вообще-то я чувствовал себя в относительной безопасности — впереди Микитченко, сбоку — Евтодиенко, сзади — Дмитриев, все хорошо подготовленные. Был совершенно уверен, что если враг и появится — то первым его обнаружит кто-либо из них. Вот почему, когда показалась черная точка и стала быстро увеличиваться, я в первое мгновение даже не подумал, что это враг. Но тут же как будто током ударило, я дернул вверх машину, покачал крыльями, а потом, довернув на зловещую точку, дал пушечную очередь.

Этим я как бы выкрикнул одну-единственную фразу: справа выше — цель!

В шлемофоне — голос Микитченко:

— Вижу!

Убрав газ, занял свое место в строю. Что будет дальше?

Точка постепенно превратилась в «Фокке-Вульф-189».

«Рама»! Любопытная машина... Слишком много было связано с ней всевозможных неприятностей. Позже, например, нам станет известно, что именно из-за нее попал в руки к гитлеровцам Герой Советского Союза Владимир Лавриненков. Дорого ему обошлась встреча с «рамой» — ему пришлось пережить всю тяжесть плена, совершить побег, партизанить, прежде чем снова вернуться в боевой строй, заслужить вторую Золотую Звезду.

Итак, «рама»!

Экипаж — три человека. Скорость — около трехсот километров. Вооружение: впереди два пулемета и в хвостовой части спаренный крупнокалиберный пулемет. Обыкновенный самолет-разведчик. Кажется, ничего страшного нет. Но, наслышанные о нем, все осторожны.

Группой идем на сближение. Мое внимание — на ведущем. Он — меч, я — щит.

То, что произошло потом, вряд ли можно назвать воздушным боем. Атаковал первым Микитченко, затем — Дмитриев. За ними устремились остальные. И все спешили открыть огонь, каждый хотел сбить «раму». Только мои гашетки бездействовали — стерег ведущего, не решался отвлекаться. Тем более что не знал, как воспринята моя очередь — не был ли нарушен какой-то замысел, не поспешил ли я?

И вдруг четко вижу: «рама» круто накреняется и, спирально разматывая густой шлейф дыма, идет вниз и взрывается.

Какое-то удивительно радостное чувство охватывает меня. Было в нем что-то общее с тем, что я испытывал, когда мальчишкой с отцом впервые поймал большого осетра. И вот первая боевая радость...

На земле майор Мелентьев поздравил капитана Дмитриева с открытием боевого счета полка в новом составе. «Рама» была сбита им.

Дмитриев, принимая поздравление, ответил, что все произошло благодаря умелым действиям ведомых. Мы приняли это, как говорится, за чистую монету.

Нас все расспрашивали о подробностях боя, о том, кто и как стрелял. Мы охотно рассказывали, пока Дмитриев не отозвал нас в сторонку.

— К вашему сведению,— сказал он жестко,— мы тоже могли понести потери...

— Как так? — вырвалось у сержанта Кузнецова.

— А кто-нибудь из вас подумал, что «рама» могла быть просто приманкой? Все скопом бросились... А если бы сзади оказались «мессершмитты»? Вот идите и думайте...

На нас как будто вылили ушат холодной воды. Даже Микитченко перед доводами бывалого фронтовика сник, не говоря уже обо мне, Евтодиенко, Кузнецове.

Нам нечем было крыть, мы чувствовали себя прескверно. Каждый тысячу раз обдумывал все подробности боя. Мне сперва казалось, что винить себя особенно нельзя — я все-таки прикрывал ведущего. Да, это так. Но ведь о «мессерах» тоже не думал.

В общем, первый блин хоть и испекли, но получился он все-таки комом.

Однако это были еще цветочки — ягодки нас ждали впереди.

Нас, молодых, сначала брали только в групповые полеты, причем расставляли в строю так, что мы находились как бы под двойным прикрытием: спереди и сзади.

Мы наблюдали за действиями более опытных летчиков, привыкали к окружавшей нас боевой обстановке, осваивались в огненном небе войны. И любой полет для нас становился большой бойцовской школой. Трудно сказать, что бы с нами сталось, если бы обстановка вынудила командование сразу бросить нас в ожесточенные бои. Наверняка многие сложили бы крылья очень рано.

После нескольких полетов, каждый из которых был по-своему памятен, меня включили в группу по прикрытию Туапсе. Ведущий первой пары — Евтодиенко, его ведомый — Мартынов. Вторая пара — майор Ермилов и я. Очевидно, заместитель командира полка хотел проверить, как Евтодиенко управляет звеном в бою. Меня же приставили к нему ведомым неспроста. После первого боя, когда была сбита «рама», и особенно после того, как мы с Евтодиенко попали над горами в облака, в которых я летать не умел, но тем не менее смог не оторваться от командира, не потерялся, обо мне стали говорить как о надежном ведомом.

И вот мы четверкой подходим к Туапсе. И сразу же встречаемся с «мессерами».

Я их увидел впервые. Знал: у них хорошая скорость,

они вооружены крупнокалиберным пулеметом, пушками. На нашем ЛаГГ-3 вооружение примерно такое же, но он уступает в скорости, тяжеловат, менее маневрен.

Честно говоря, мне стало не по себе.

Ну, Скоморох (так меня всю войну звали товарищи, это был и мой позывной), пришло твое время.

Смотрю на «мессеров» как загипнотизированный, а они подходят все ближе и ближе, вот-вот откроют огонь по Ермилову... Но почему он не реагирует, ведь так и сбить могут. Качаю с крыла на крыло — бесполезно. Надо их упредить! Разворачиваюсь влево и даю заградительную очередь. Первая пара «мессеров» взмывает вверх, вторая открывает огонь по мне, но снаряды проходят мимо. Доворачиваюсь вправо, смотрю: машины товарищей еле виднеются. А враг — рядом. Резко задираю нос, пытаясь атаковать, и совершаю непростительную ошибку — теряю скорость. И тут впервые увидел эрликоны — снаряды автоматической пушки «мессершмитта». Они потянулись шнурами один за другим, последовательно взрываясь в воздухе. Впечатление далеко не из приятных, действующее угнетающе.

Я растерялся. Куда деваться? Пытаюсь уйти от них в сторону — вижу: вторая пара заходит в атаку. Четыре «мессера» зажимают меня в железные клещи, я мечусь туда-сюда, чувствую, что мне несдобровать, мой пятый вылет может стать и последним.

Немцы почувствовали мою неопытность, решили легко разделаться со мной. Они смаковали победу: нагло, уверенно заходили в атаки, выпускали длинные очереди эрликонов, словно играли со мной в кошки-мышки.

Я видел только четверку «мессеров», огненные трассы, горы и море. И ясно сознавал: надо уходить, но не панически бежать — расстреляют. Надо огрызаться, увертываться и держать курс на Адлер.

А коршуны клевали и клевали меня, как цыпленка. Отстреливаясь, я стал уклоняться от огненных струй подскальзыванием: нос машины держу прямо, а рулем поворота создаю ей скользящий момент. Противнику это незаметно, он только видит, что эрликоны проплывают и рвутся в сторонке от меня, думает, что мажет. Снова атака — я снова делаю то же самое.

Сначала казалось: атакуют меня обе пары. Теперь до моего сознания дошло: активно действует лишь одна па-

ра, а вторая следит за тем, чтобы не подоспели мои товарищи, и лишь изредка поливает меня огнем.

Я упорно держу курс на спасительный Адлер. Вот уже миновал Лазаревское, Сочи, Хосту.

В душе надежда — товарищи выручат, вот-вот внезапно обрушатся на «мессеров». Но помощи не было.

Немцы разгадали мой замысел. Они начали действовать более ожесточенно. Их пары поменялись местами. Я подумал: наверное, со мной возились молодые, которых вводят в строй более опытные, а сейчас мне придется совсем туго.

Огненные струи заставляют меня энергично маневрировать. Когда надо мной пронеслась вражеская пара, я дал очередь, и тут мотор моего истребителя стал давать перебои.

Внизу — коса, впереди — адлеровский выступ. До него не дотянуть, придется совершить вынужденную посадку на косе.

Отстреливаюсь, скольжу влево-вправо, берегу каждый метр высоты. А черные кресты наседают.

Но тут происходит неожиданное — мотор снова заработал!

Даю газ, внизу проплывает Кудепста, вот и Адлер. Спасение! Открыла огонь наша зенитная батарея, расположенная на возвышенности у аэродрома. Она отсекла от меня стервятников.

Как приземлился — не помню. Но в памяти остались радостные лица друзей.

Меня не ждали: майор Ермилов сказал, что я сбит.

Произошел тяжелый разговор. Ермилов не захотел слушать моих объяснений, резко бросил:

— Вы оторвались от строя. Я ничего не видел, знаю одно: место ведомого — в хвосте у ведущего. Запомните!

Это было тяжелее только что пережитого в небе. Как тут оправдаться? Разрядку внес Володя Евтодиенко. Узнав о нашем разговоре, он заметил:

— Слишком близко к сердцу не принимай. В бою все было не так как надо, все виноваты. Ты вернулся — еще повоюем...

Вот такой оказалась первая встреча с «мессершмиттами». Явно не в мою пользу ни в воздухе, ни на земле.

Перебирая все в памяти, я невольно унесся в далекое детство. Пришли мы, мальчишки, купаться. Все знали, что я еще не умею плавать. Сняв трусики, я обычно захо-

дил в воду, где помельче, и там барахтался. А тут вдруг случайно оступился, попал в яму и скрылся под водой. Когда вынырнул и, дрожа от страха, кое-как выкарабкался на берег, — там уже никого не было. С перепугу в чем мать родила примчался домой, забился в угол и заревел. К моему удивлению, дома никого не оказалось. Успокоившись, оделся, выбежал на улицу. И тут вижу: вся в слезах, размахивая брошенными мной с перепугу трусиками, крича: «Утонул, утонул», бежит моя мать. Увидела меня — остолбенела, придя в себя — отстегала меня трусиками, а потом бросилась целовать. Оказывается, панику подняли прибежавшие в деревню мои товарищи.

...Устав до предела, валюсь в постель и засыпаю.

— Скоморох, вставай, вылет, — слышу, кричит в ухо Мартынов.

Я вскочил, глянул на часы — мать честная! — проспал двенадцать часов!

— Шевелись, Коля, ведущие ждут нас...

Евтодиенко — Мартынов, Попов — Лаптев, Кубарев — я вылетаем в район Туапсе. У меня еще не прошло тяжелое впечатление от вчерашних событий, а тут снова вылет. В район Туапсе пришли благополучно. Там обнаружили ФВ-189 и снова, как в первом бою, все разом навалились на него.

Кубарев, увидев, что получается свалка, ушел вверх. Я — неотступно за ним. И встречаем пару «мессеров». Это тот случай, о котором говорил Дмитриев. «Мессеры» не стали ввязываться с нами в бой, они торопились выручить свою «раму». Кубарев стал разворачиваться за ними, я следом, и вдруг вижу вокруг себя шнуры эрликонов. Оглядываюсь — четыре «мессера». Они решительно отсекли меня от Кубарева. Черт подери, почему мне так «везет» на четверки? Разве на моей машине написано, что я молодой летчик и со мной можно разделываться безнаказанно?

Кубарев был связан боем с парой. Я — с четверкой. Евтодиенко и Попов с ведомыми добивали «раму». Карусель вертелась минут десять. «Вчера — пронесло, сегодня — доконают», — такие мысли мелькали в голове.

Я ожесточенно отбивался. Очереди давал одну за другой. Но ни одна из них не достигала цели. И это несмотря на то, что несколько раз я бил прямо в упор. Бронированные они, что ли?

Мое спасение было в том, чтобы уйти вниз, к своим. Но немцы не дают мне снизиться. Как же быть? Вот один заходит в атаку. Жму гашетку — очередь. Немец ныряет вниз. Я за ним, преследую его, бью из всего оружия. Скорость у него больше — он уходит. Вижу рядом наш ЛаГГ-3 — это Сережа Лаптев. Он помахал крыльями — пристраивайся, мол. Они, оказывается, «раму» сбили и теперь готовились к бою с «мессершмиттами». Но те, увидев, что мы собрались вместе, убрались восвояси.

Все живы, здоровы, пополнили боевой счет полка, — довольные собой, возвращаемся домой. Стоит яркий солнечный день. Внизу — красивый вечнозеленый Сочи, голубое море слепит.

— Ну вот, Коля, ты уже не только отбиваешься, но и сам нападаешь, — сказал на земле Евтодиенко.

— Какое там нападаешь... Пока только отбиваюсь. Вот тебе и «адлер» — значит «орел»!

— Ничего, Коля, у нас на Украине говорят: «За одного бытого двох небытых дають»...

Мы проведем еще несколько напряженнейших боев. И я обнаружу одну неприятную странность: мои очереди все время проходят мимо целей. В чем дело? Рассказал об этом Евтодиенко.

— Да, тут есть над чем подумать. Идем к Микитченко, — предложил он.

Выслушав меня, Яков Иванович приказал на две недели засесть за учебники по теории воздушной стрельбы.

Двух недель оказалось достаточно, чтобы я сам разобрался в том, почему мои снаряды не достигают цели. Я просто-напросто не брал нужного упреждения, не осуществлял слежения, открывая огонь с большой дистанции.

Микитченко принял у меня своеобразный зачет, заставил тренироваться в прицеливании.

Снова уходим на боевое задание. И опять: Евтодиенко — Мартынов, Ермилов — Скоморохов.

На этот раз я вылетал без особого энтузиазма. Было какое-то нехорошее предчувствие. И оно оправдалось. Снова я оказался один в клещах у четверки «мессеров», снова с большим трудом вырвался, и спасли меня наши зенитчики.

— Первый урок так и не пошел впрок, — жестко бросил мне Ермилов.

— Да, вы правы, — ответил я, — но разве ведущий не должен беспокоиться о ведомом?

— Дело ведущего — искать врага.

На том наш разговор и закончился, но мне он никакой ясности не принес.

Ведущий и ведомый...

Может ли воин, ища врага, которого поразит его меч, забывать о своем щите?

Пара — два бойца. Меч и щит!

Это не исключает, а предполагает активные действия в бою обоих. А может случиться, что щит станет мечом, поменяются ролями. Ведущий обязан постоянно держать в поле зрения ведомого, всегда помнить и заботиться о нем.

Но у нас почему-то на эту тему разговоров не велось. Все сводилось к внушению ведомым: любой ценой держитесь своего места в строю, обеспечивайте действия командира. И не допускалось никаких вариантов. А ведь бой не проведешь только по одной заранее разработанной схеме.

Вот такие возникали мысли. Поделился с Володей Евтодиенко, и у нас состоялся долгий, интересный разговор, оставивший глубокий след в моей душе. Наступит время, мне доверят быть ведущим пары, и я буду делать все для того, чтобы мои ведомые не оказывались в тех ситуациях, которые довелось пережить самому...

Наступал новый, 1943 год. Первый новогодний праздник во фронтовой обстановке.

Настроение у всех бодрое: положение на советско-германском фронте склонялось явно в нашу пользу. Перед фашистским натиском устояли колыбель революции Ленинград и сердце нашей Родины Москва, немцы попали в котел под Сталинградом. Всем нам стали видны перспективы близкой победы в битве за Кавказ.

Размышляя над итогами прошлого года, каждый из нас взвешивал, оценивал свой вклад в дело борьбы с ненавистным врагом.

Мои итоги не могли меня утешить. Сколько ни перебирал я в памяти события года — все равно получалось, что сделано мною мало. Ни разу не отличился в воздушных боях, не сбил ни одного стервятника. Сам же успел побывать в сложных переплетах и спасся чудом.

Стало мне обидно и грустно. Может быть, я просто неудачник? Ведь не всем же дано отличаться?

За праздничным столом командир и комиссар поздравили всех, коротко рассказали о результатах наших боевых действий, отметили лучших людей полка.

Мне очень хотелось, чтобы кто-то хоть что-нибудь сказал обо мне. Плохое или хорошее — все равно, лишь бы только знать, что и я не забыт. И дождался: приказом по полку в числе других мне было присвоено звание старшего сержанта. Все-таки расту!

В конце праздничного вечера командир полка сказал:

— Товарищи, с завтрашнего дня всем готовиться к новым большим событиям. Они могут начаться внезапно, от нас потребуется максимум сил и напряжения.

Это сообщение подтвердили ходившие слухи о готовящихся операциях Черноморской группы под кодовыми названиями «Горы» и «Море», о которых мы узнаем потом. Оно лучше всех тостов подняло наш боевой дух. Предстоит настоящая работа.

Исключительное впечатление осталось от самодеятельного новогоднего концерта. Номера подготовили в основном женщины из БАО, возглавляемого майором Певзнером. Мы неистово хлопали в ладоши, кричали «Браво!», «Бис!», наши артисты мило раскланивались и дарили обворожительные улыбки.

Как много значили вот такие концерты на фронте! Они пробуждали дорогие сердцу воспоминания, обостряли чувство любви к Родине, к невестам, с которыми нас разлучила война.

Возвратясь в свою комнату после новогоднего вечера, я написал письмо Маше. В нем все еще не было слов любви, но, наверное, чувствовалась неизъяснимая грусть о далеком родном существе.

...Утро первого января 1943 года застало нас на аэродроме.

Комиссары эскадрилий, собрав личный состав, проводили политбеседы. Накануне полк пополнился третьей эскадрильей — во главе с капитаном Ковалевым. Народу прибыло, и политработникам дел прибавилось. Полк надо было морально подготовить к предстоящим серьезным испытаниям. Нам зачитывались письма родителей, поступавшие из первых освобождаемых нашими войсками сел и городов, рассказы очевидцев о гитлеровских злодеяниях, газетные статьи, сообщения радио. Каждое слово комиссаров звало к мщению; работали с небывалым упорством.

Все мы жили предчувствием большого наступления.

Но пока суд да дело — боевые вылеты продолжались.

И тут мы пережили горечь первых потерь.

Сначала не вернулся штурман полка Поляков. Вслед за ним теряем Сашу Девкина. Ушли, как всегда, на задание, и больше мы их не увидели. Жутко было сознавать — друзья бесследно исчезли. То ли разбились в горах, то ли их поглотило бездонное море...

Вскоре довелось пережить и трагедию с Лаптевым.

Погиб Сергей не от вражеской пули. Вместе с ведущим Анатолием Поповым они уходили от преследовавших их «мессеров». Шли над самой водой. Море штормило, и самолет Сергея, зацепившись за гребень волны, нырнул в пучину.

Через три дня рыбаки подобрали на берегу его тело. Мы со всеми почестями похоронили летчика-истребителя Сергея Лаптева на территории санатория «Известия», в котором жили. Могила эта и сейчас там — под могучим развесистым платаном. За ней бережно ухаживают местные жители, пионеры, ее посещают отдыхающие и туристы. Каждый раз, приезжая в Сочи, я тоже бываю у этой дорогой для меня могилы соратника по кавказскому небу.

Гибель друзей угнетала.

Не ждет ли такая же участь и меня?

Мое настроение подметил майор Микитченко. Отозвал в сторонку:

— Негоже боевому летчику унывать. Тем более комсомольцу. Посмотри на наших коммунистов: от неудач только мужают сердцем, ярость в них закипает...

Я мысленно поблагодарил комэска. И за его слова, и за то, что не оставил меня один на один со своими мыслями.

— А сейчас, старший сержант Скоморохов, собирайтесь на разведку с Кубаревым, — решительно закончил Микитченко.

В полете все, что угнетало тебя, уходит на второй план.

Вслед за Кубаревым начинаю разбег. Смотрю — его сносит в сторону, он замедляет движение, разворачивается. Что делать? Мне поздно прекращать взлет — вот-вот оторвусь от земли. Уже в воздухе оглянулся — Кубарев снова стартует. Порядок, значит, правильное решение принял! После взлета Кубарев быстро догнал меня,

потом начал отставать, развернулся, пошел обратно. Причину выяснить не могу. У ведомых не было передатчиков. Садиться за ним или лететь? Сядешь — могут упрекнуть в отсутствии самостоятельности, уйдешь один — скажут: чересчур самостоятелен.

Надо принимать решение. Смотрю на часы — скоро 16.00. Совсем немного времени до наступления темноты. Значит, никто другой не сможет выполнить задание.

Будь что будет — надо лететь...

Над линией фронта следил за воздушной обстановкой, наблюдал за землей и тщательно работал с картой. Мне никто не мешал — небо было чистым. С хорошими данными вернулся домой. Был уверен, что заслужу похвалу. Но, вопреки ожиданию, получил выговор. Оказывается, Кубарев вначале не выдержал направление разбега, а потом у него перегрелся мотор из-за забитого грязью радиатора.

— Вот такие необдуманные решения и приводят к жертвам, — сказал мне Микитченко. — Истребителю, да еще молодому, рискованно одному ходить на задания.

Опять я попал впросак. До каких же пор это будет?

А командир полка между тем запомнил, что данные были доставлены мной точные. И через несколько дней мне поручают совершить полет на разведку в район Туапсе в качестве ведущего. Ведомый — Сергей Шахбазян.

Эх, знать бы заранее, чем закончится этот полет!

В районе Туапсе мы с Сергеем увидели девятку «юнкерсов», заходивших бомбить город и корабли, стоявшие на рейде.

Как быть? У нас четкое задание — разведка. Исчерпывающая инструкция: в бой не вступать.

Скрепя сердце проходим мимо.

А фашисты уже начинают изготавливаться к бомбометанию. Внизу наш город, наши люди. Я же никогда не прощу себе, если дам этим гадам отбомбиться...

Разворачиваю машину в сторону «юнкерсов». Бросаю взгляд назад — Сергей идет следом.

Вместе врезаемся во вражеский строй, стреляем из всего бортового оружия. Оба не думаем о том, чтобы кого-то сбить, только бы не дать им прицельно отбомбиться.

Мы своего достигли... «Юнкерсы» рассыпались в разные стороны, бомбы их посыпались в море, но не на го-

род. Один самолет даже задымил, не знаю от чьей очереди, однако ушел.

Разделавшись с бомбовозами, вспомнил, что надо провести разведку. А времени в обрез. Проскочили в направлении к Краснодару, кое-что посмотрели, нанесли на карту — и назад.

На земле, пока шли на доклад, договорились с Сергеем: о бое — ни гугу, скажем, что в районе разведки неважная погода, мало раздобыли сведений.

Заместитель начальника штаба весельчак майор Бравиков выслушал нас, неодобрительно покачал головой:

— Не густо, но и не пусто, в следующий раз будет наваристее...

По дороге на отдых нас встретил Евтодиенко. Строго спросил:

— Вели бой?

— Кто сказал? — вырвалось у нас.

— Оружейники. Вы почти все снаряды израсходовали.

Мы опустили очи долу. Глупцы! Ну, будет головомойка...

Где-то около двенадцати ночи меня будят:

— Скоморох, к командиру полка...

Все, теперь держись!

Вопреки ожиданию Мелентьев был спокоен, деловит.

— Звонят из штаба. Спрашивают, кто разогнал над Туапсе девятку «юнкерсов». Сегодня там было три наших пары. Не знаешь, кто бы мог это сделать?

— Никак нет, не знаю, товарищ майор!

— Тогда иди продолжай отдыхать.

Утром Мелентьев вызвал меня снова.

— Чего же ты скрываешь, Скоморохов, что вели бой?

— Так нам же нельзя было в него ввязываться...

— Ладно уж, победителей не судят. Вас благодарят жители Туапсе и моряки. Они говорят, что вы сбили одного «юнкерса».

— Нет, только подбили.

— Ну что ж, молодцы! Сегодня комиссар расскажет о вас всему полку...

Переменчиво счастье воздушного бойца. Мы убеждались в этом много раз. Иной раз делаешь все, как учили, как требуется, — попадаешь в немилость. А бывает,

как случилось у нас с Шахбазяном, и ходишь в королях.

Но как бы там ни было, а мы, молодые, чувствовали: набираемся сил, крепнут наши крылья.

В первой половине января Черноморская группа Закавказского фронта приступила к осуществлению операций «Горы» и «Море».

Этот период ознаменовался для меня памятным событием — первым сбитым самолетом.

Дело было так. С Евтодиенко вылетели на прикрытие наступающих наземных войск.

Мы внутренне собрались, приготовились к встрече с противником. Я уже чувствовал себя несколько свободнее, прежней неприятной скованности и нервозности не испытывал. Мое лицо, которое я то и дело видел в зеркале, уже не было перекошенным от напряжения. Мало того, я научился умело уклоняться от огня противника. Скажем, стреляет «мессер» слева — ныряю под него. Теперь тот, что справа, стрелять не будет — в своего попадет. Иногда я просто нырял под первую трассу, тогда вторая обязательно проходила надо мной.

Рассказывал об этом товарищам, они посмеивались в ответ: мол, тоже еще тактика! Но когда выяснилось, что, несмотря на все перепалки, в которые я попадал, на моем самолете еще не имелось ни единой пробоины, — насмешки прекратились.

После первых неудач понял я одну немудреную истину: летчик в воздухе, как водитель на улицах большого города, должен быть осмотрительным и расторопным, иначе все будут мчаться мимо, а ты — торчать на месте. Тебя обойдут даже те, кто гораздо хуже владеет машиной. А нам недоставало именно такой напористости.

Под нами — Лазаревское. Углубляемся километров на двадцать пять в сторону гор. Внизу ожесточенный бой, в воздухе — спокойно. Неужели так никого и не встретим? А что это чернеет вдали? Может, показалось? Иначе Евтодиенко увидел бы тоже... Нет, он не видит — точка чернеет как раз в секторе, неудобном для просмотра ведущим.

Я уже ясно различаю контуры «фоккера». Прибавляю обороты, выхожу чуть вперед, чтобы обратить на себя внимание Евтодиенко. Вижу его красивое, с черны-

ми бровями лицо. Показываю: немец! Он отвечает по радио: «Не вижу, атакуй, прикрою».

Я давно мечтал о встрече один на один с врагом. Но как-то не получалось — то прикрывал ведущего, то отбивался от «мессеров». И вот этот момент пришел — мой командир предоставил мне свободу действий, сам стал на прикрытие. Сейчас будет первая схватка. Чем она закончится?

Нас, конечно, двое. Но это же проклятущая «рама». Мы знали: если сразу ее не сразишь — потом трудно управиться.

Володя всем своим поведением как бы напутствовал меня: дерзай!

Захожу в атаку сверху, сзади. ФВ-189 растет, растет в прицеле — пора открывать огонь. Жму гашетки — мимо. Расходимся метрах в двадцати. Иду на косую петлю, не выпускаю «раму» из поля зрения. А она, развернувшись, ухитрилась пристроиться в хвост Евтодиенко. На полной скорости захожу фашисту в лоб, бью по нему. От «рамы» что-то отлетает, она у меня на глазах вспыхивает. Но еще держится в воздухе. Начинает уходить, отбиваясь теперь от Евтодиенко. Видимо, немец решил, что я уже свое сделал, ушел в сторону.

Но я не выпускал из своего поля зрения оба самолета. Снова завернул косую петлю, вышел прямо на «раму» и дал очередь по бензобакам. Клевок. Шлейф дыма. Удар о скалы.

Неописуемая радость охватила меня. Я что-то закричал, бросил машину туда-сюда, взвился почти свечой в небо.

А Евтодиенко, мой бывалый командир и надежный товарищ, ходил в это время чуть в сторонке и стерег меня. Он уже знал, что многие погибали именно в порыве беспечной радости от первого боевого успеха, и смотрел в оба.

На земле он сказал Микитченко:

— Скоморохов уже сам может учить других воевать...

Я при этих словах страшно смутился, понимая, что меня перехваливают, но все же слышать такое было очень приятно.

Тронуло меня поздравление механика — старшего сержанта Мартюшева:

— Мне ни разу не приходилось еще латать дыры на нашем самолете. Я знал, что вы скоро вернетесь с победой. Поздравляю, командир, от всего сердца...

Мартюшев — уважаемый в эскадрилье человек, мой друг и наставник в житейских делах. Тридцатисемилетний сверхсрочник, он в свое время летал стрелком-радистом с В. Судцом в Монголии. Его оценка для меня многое значила.

На войне смена настроений происходит с невероятной быстротой. На второй день не вернулся с задания Коля Аверкин. Его все ценили за сердечность, душевность, веселый нрав. Он всем был нужен. И вдруг Коли не стало. В столовой остался нетронутым ужин, никто не прикасался к его аккуратно заправленной койке. Не хотелось верить в гибель Аверкина. И утром он явился в полк после недолгой, но по-своему удивительной одиссеи.

Его сбили «мессеры» в сорока километрах от берега. Он на парашюте благополучно приводнился. Несколько часов болтался среди холодных волн. А вечером, когда окончательно окоченел, вдруг в сумерках увидел всплывшую акулу. Его охватил неимоверный страх. А акула преспокойно приблизилась, на ней вдруг появился человек.

— Кто ты, отзовись! — раздалось по-русски.

Аверкин сообразил, наконец, что это подводная лодка, но чья — не поймет. Вытащил пистолет.

А с лодки снова:

— Греби сюда, нам некогда волынку тянуть...

Вот это — «волынку тянуть» и успокоило Аверкина. Свои!

Забрали его подводники, обсушили, обогрели, накормили, чаем напоили и на берег высадили.

Все бы подобные истории так заканчивались! Мы вспомнили о Полякове, Девкине. Надежд на их возвращение уже не было.

А жизнь между тем продолжалась. И приносила новые радости и огорчения. После первого сбитого «фоккера» командиры стали относиться ко мне с бо́льшим доверием.

Во всяком случае, чувствовалось, что «сюрпризов» от меня не ждали.

Только оказалась такая уверенность преждевременной.

Отправились мы с Сергеем Шахбазяном снова на разведку. По пути встретили облачность. Нам бы повернуть обратно — слепому полету не были обучены. Нет, мы стали искать долины и ущелья, пытались преодолеть горный хребет. Северо-восточнее Туапсе нашли лазейку, проскочили в район разведки Краснодар — Крымская. Но по мере нашего продвижения на запад облачность все сгущалась, а мы все шли вперед, по крупицам собирая данные о противнике, не подозревая о том, что по собственной воле попадаем в западню.

Выполнив задание, решили возвращаться, воспользовавшись прежней лазейкой. Но не тут-то было: она оказалась закрытой облаками.

Что делать? Под нами — оккупированная врагом Адыгея. О вынужденной посадке не хотелось и думать. Где же выход? Я проклинал себя за то, что поступил вопреки здравому смыслу — в самом начале не повернул обратно.

Оставалось одно — пробиваться сквозь облака.

Спросил Шаха, так звали его все, согласен ли он. Тот в ответ одобрительно покачал крыльями.

Решено! Даю команду Шаху на пробивание облаков и сам лихо вхожу в них.

Меня начало бросать вверх-вниз, скорость то нарастает, то падает. Мелькнула мысль: прыгать! Я ни разу еще не пользовался парашютом, не знал, как это делается. Так уж вышло, что не приходилось прыгать. Первый раз приземлился под белым куполом уже в пятидесятом году.

Ну так вот, мысль о прыжке отброшена, а что же делать?

С трудом установил постоянную скорость — триста двадцать километров. Затем поставил машину так, чтобы она шла без кренов, с небольшим набором высоты. И вдруг до меня доходит, что иду-то я курсом вдоль горной гряды, а не поперек ее, как следовало бы. И никак не могу сообразить, как этот курс взять. Пока размышлял — высота стала две тысячи пятьсот метров. Прошел пять-шесть минут горизонтально — стал снижаться, скорость разогнал до четырехсот пятидесяти километров в час. Тяну ручку на себя, снова становлюсь в горизонтальный полет уже на высоте 1500 метров. На компасе — 140 градусов, то есть я опять практически иду вдоль гор. Надо начинать все сначала. Но это не так просто.

Хочу повернуть вправо, а мне кажется, что машина и без того идет с сильным правым креном. Страшное это дело — иллюзии. Неимоверного труда стоило мне выйти на нужный курс. Но уверенности, что все кончится благополучно, нет.

Я весь мокрый. Потерял ориентировку, не знаю, где точно нахожусь, что с Сергеем. Нервничаю. Злюсь.

Все это напомнило мне случай на Волге, когда мы, пацаны, ныряли под баржи. Сначала под одну, потом сразу под две. И как-то получилось, что рядом появилась третья, а я этого не заметил. Нырнул, а как вынырнуть — не знаю. Куда ни ткнусь — всюду днища. Решил, что пошел вдоль них. Рванулся туда-сюда — нет выхода. Полуживой, еле выбрался тогда из глубины.

Точно такое же чувство безысходности испытывал я и сейчас. И вдруг в небольшом просвете в облаках заголубело море. А я был убежден, что кручусь над горами, боялся столкновения с ними.

Разворот, снижение. Пробкой выскакиваю из облаков на высоте 600 метров. Перевожу дух, встаю в вираж. Верчусь на месте и соображаю, как к берегу выйти. Прикинул так и сяк, установил курс 70 градусов и минут через семь увидел береговую черту. Выскочил где-то между Лазаревским и Сочи.

Теперь надо разыскать Сергея. Жму кнопку передатчика:

— Шах, я Скоморох. Если слышишь меня— иди к Сочи, я там стану в вираж.

Шахбазян не мог ответить, у него был только приемник. Но он, переживший то же, что и я, услыхал меня, взял курс на Сочи.

Прямо над центром города и состоялась наша встреча. Мы страшно обрадовались тому, что все обошлось, наше настроение омрачала только перспектива встречи с командирами. Что скажем? Разведданные у нас скромные... Возвращались домой, как провинившиеся школьники.

Не буду рассказывать, что было на земле. Нам крепко досталось, особенно мне, как ведущему. Надвигалась и более сильная гроза, да прошла стороной. Случилось так, что к нам прибыл командир дивизии Герой Советского Союза полковник Н. Ф. Баланов. Узнав о нашем полете, вызвал к себе, подробно расспросил каждого и пришел к выводу, что, несмотря на то что мы поступили

вопреки здравому смыслу, войдя в облака, потом все же проявили выдержку и находчивость, следуя логике, за первое заслуживаем наказания, за второе — похвалы, плюс на минус — остается ноль.

— Впредь не допускайте таких глупостей,— сказал комдив, — а сейчас вы свободны. Да, Скоморохов, а с вами я завтра сам слетаю, посмотрю, что вы за птица.

Правду говоря, облака нас стали меньше страшить. А для боя это значило многое.

Утром следующего дня мы снова встретились с Балановым. Среднего роста, плотный, с мужественным лицом, в блестящем кожаном реглане, сверкающих хромовых сапогах, он покорил всех с первой встречи. Умел во всем разобраться, легко решить любое дело, умно поговорить, посмеяться.

И вот мне предстояло идти с ним ведомым.

Мы взлетели. Был воздушный бой. Крутились, как в чертовом колесе. Баланов несколько раз выходил прямо в упор на «мессеров». Но... не стрелял. Ничего не понимая, я поражался этому, однако предпринимать что-либо не решался, тянулся за Балановым, как нитка за иголкой, зорко охраняя его.

Бой закончился вничью. На аэродроме Баланов выскочил из кабины до невероятности разгневанный — таким у нас его еще никто не видел. Бросился к капоту, откинул его, зло ругнулся: лента с патронами не была присоединена к приемнику оружия.

— А ты чего не стрелял?

— Вас прикрывал...

— Кто вас так учил? Ведомый не только прикрывает, но и в бой вступает когда нужно.

Вот это я действительно слышал впервые. И слышал не от кого-нибудь — от героя Испании, лучшего из наших воздушных бойцов, человека, познавшего все тонкости нелегкой профессии летчика-истребителя!

Немного придя в себя, полковник Баланов дружески хлопнул меня по плечу:

— За то, что прикрыл надежно, — спасибо! А из остального сделай выводы на будущее.

Так поступить мог только сильный, знающий себе цену человек. Баланов именно таким и был.

...Операции «Горы» и «Море» проводились в жизнь без особого успеха. Но тем не менее наши войска продвигались вперед. Так, в целом в ходе январских боев

войска Закавказского фронта, используя успех советских войск под Сталинградом, освободили большую территорию Северного Кавказа, вышли к Азовскому морю и во взаимодействии с войсками Южного фронта преградили основным силам гитлеровцев путь отхода через Ростов. В январе 1943 года на Черноморском побережье Кавказа было всего шесть полных летных дней, тринадцать — ограниченно летных. И тем не менее части 5-й воздушной армии произвели почти в два раза больше самолето-вылетов, чем в декабре. Это относится и к нашему 164-му истребительному авиационному полку.

В те напряженные дни мы были свидетелями героического подвига — первого тарана в нашем полку. И совершил его всеобщий любимец белорус Лева Шиманчик. Он, казалось, родился для того, чтобы слыть рубахой-парнем, для которого все нипочем и который превыше всего ценит хороших друзей, верных товарищей.

И вот наш Лева однажды возвращается на аэродром, мы смотрим на его машину и никак не поймем, почему она как-то странно выглядит. Чего-то вроде бы в ней недостает. А потом кто-то удивленно восклицает:

— Так у него же правое крыло короче левого!

Точно — законцовка правой плоскости словно ножом срезана.

— Лева, в чем дело?

— Сам поражен, — удивленно отвечает он.

— Как же ты летел?

— Как обычно, носом вперед...

Поняв, что от Шиманчика ничего не добиться, мы бросились к его ведущему капитану Дмитриеву.

— Товарищи, Леву надо качать — он совершил таран. Никак не могли добить «раму», весь боезапас израсходовали, тогда Шиманчик подошел к ней и плоскостью ударил... Герой наш Лева-то!

Мы бросились к Шиманчику. Он заскочил в кабину, закрылся фонарем и сидел там, пока наши страсти не улеглись.

Качали мы его, когда ему вручали орден Боевого Красного Знамени. Тогда ему негде было спрятаться...

Немец отступал. Правда, Новороссийск все еще оставался в его руках. И мы были уверены, что еще не скоро уйдем отсюда.

Но в первых числах февраля пришел приказ перебазироваться в Белореченскую.

Нам было грустно расставаться с Адлером, Черноморским побережьем Кавказа... Здесь состоялось наше боевое крещение, посвящение в воздушные бойцы. Мы пришли сюда просто мальчишками, умеющими летать, мечтающими о подвигах. Уходим отсюда летчиками-истребителями, знающими, что подвиг не совершишь с наскока, к нему нужно готовиться долго и тщательно, он требует трудолюбия и упорства, а еще — искренности и честности. Подвиг случайным не бывает. Он созревает незаметно, исподволь, а потом вспыхивает ярким факелом, как таран Льва Шиманчика.

Жаль уходить из Адлера.

На его земле лежат обломки первых сбитых нами стервятников.

Где-то в горах и в море остались наши товарищи.

В честь их утром 11 февраля мы дали прощальный салют из пистолетов. Завели моторы, взлетели, взяли курс на Белореченскую.

Дружно покачали крыльями: прощайте, друзья, оставшиеся здесь навсегда, прощай, Адлер — город-орел!

Глава III

КУБАНСКИЕ ГРОЗЫ

2 февраля 1943 года закончилась историческая Сталинградская битва. Битва на Волге определяла многое: моральный дух воинов на фронте и тружеников в тылу, политические акции многих стран мира, особенно Японии и Турции, военные шаги наших союзников.

Позже роль Сталинградской битвы по достоинству будет оценена друзьями, союзниками и врагами.

Мы все радовались великой победе, гордились ею, завидовали тем, кто добывал ее своими руками, и понимали: впереди еще много и много испытаний.

Летим в Белореченскую... Перелет этот — лучшее свидетельство успешных действий наших войск. Но почему каждому немножко грустно и тревожно? Не трудно догадаться: многих товарищей потеряли...

Что нас ждет впереди?

Переваливаем через горы — открывается белая, покрытая снегом земля. Из весны — в зиму! В Сочи зелень и солнце, а тут — поднимаем винтами снежные вихри при посадке.

Аэродром в Белореченской только вчера оставили фашисты. Они не успели здесь ничего разрушить и, к нашему счастью, произвести минирование. К счастью — потому, что мы были неосторожны и легко могли попасть в беду. В дальнейшем враг еще проучит нас, но тут все обошлось благополучно.

Нам понравились добротные немецкие землянки: в них все было оборудовано основательно, с комфортом.

Освоение аэродрома прошло быстро. Затем отправились знакомиться с Белореченской. Большая, почти неразрушенная станица. Местные жители — казаки. Увидев нас, они выходили на улицу с яблоками, кринками молока, свежеиспеченными пирогами.

Нас встречали как героев-освободителей. А мы, особенно молодые, смущались и робели перед бурным излиянием добрых чувств. Мне почему-то казалось, что все это происходит в Батайске и вот-вот появится дед Анисим, кинется обнимать нас, целовать... А, собственно, за что? Мы же еще, по существу, ничего не сделали. Только набираемся ума, боевого опыта.

Но белореченцам было абсолютно все равно, что мы думаем о себе. Они видели в нас своих освободителей и оказывали достойный прием.

Ребятишки, девчонки ходили за нами толпами. Женщины и старики умоляли каждого зайти в дом, посидеть, поговорить.

Вскоре выяснилось, что казаки еще толком ничего не знают о Сталинградской битве. Откуда им знать, если только вчера ушли немцы?

Комиссар полка тут же снабдил многих из нас свежими газетами.

— Читайте, рассказывайте людям — лучшей новости им не надо, — сказал он.

Пожилые казаки и казачки, набившись в чей-либо дом, затаив дыхание, слушали наших ребят, а потом долго, возбужденно обсуждали подробности грандиозного сражения.

Вечерами в станице гремела музыка — молодежь веселилась, танцевала. На исконную казацкую землю пришел большой и светлый праздник.

Разделив с местными жителями радость освобождения, мы снова включились в боевую работу.

И вот тут-то судьба свела нас, молодых, с человеком, недолгая, но яркая боевая жизнь которого впервые оставила в душе каждого из нас искру, загнавшую в самые потаенные уголки нашего сознания чувство страха.

Сегодня я могу со всей категоричностью утверждать: нельзя считать себя настоящим летчиком-истребителем до тех пор, пока полностью не избавишься от чувства страха. Думаю, что никто не возразит против этой немудреной истины. Однако познается она лишь при каких-то особых, исключительных обстоятельствах.

Именно таким обстоятельством стала для нас встреча с удивительным человеком — командиром звена 502-го штурмового авиационного полка лейтенантом Ляшенко Варварой Савельевной... Да-да, Варварой Савельевной — отважной летчицей, которую мы узнали еще в Адлере. Наши полки стояли там рядом.

Она запомнилась нам молодой, красивой и... убитой горем.

Ее история поразила нас.

Воспитанница одного из украинских аэроклубов, она служила в 502-м штурмовом авиаполку, летала на связном По-2. Ее муж летчик Алексей Орехов воевал на истребителях. И однажды не вернулся с задания. Когда стало ясно, что его не дождаться, Варя обратилась к командиру с просьбой разрешить ей летать на «иле». Командир попробовал отказать: у Вари был на руках двухмесячный ребенок. Но Варя от своего не отступалась, да, кроме того, к командиру пришла целая делегация девчонок-парашютоукладчиц:

— За ребенком мы будем смотреть, разрешите Варе летать на штурмовике...

Спустя некоторое время замполит майор Широков сообщал в политдонесении:

«Лейтенант Ляшенко Варвара Савельевна, кандидат в члены ВКП(б), имеет 12 боевых вылетов, за проявленное мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами дважды награждена правительственными наградами...»

Варя заняла в боевом строю место своего мужа и достойно продолжала его дело.

Нам очень хотелось познакомиться с Варей поближе,

поговорить по душам. Но война быстро нас разлучила: 502-й перебазировался в Майкоп.

Однако на этом наши встречи не закончились. Они продолжались в воздухе — мы сопровождали штурмовиков во время боевых вылетов. «Илы», как правило, шли через наш аэродром, мы пристраивались к ним и вместе следовали к линии фронта.

Варя пришлась всем нам по душе — каждый хотел сопровождать именно ее. В первом же вылете, когда я был ведущим четверки, Варя связалась со мной по радио:

— Скоморох, подойди поближе — надежнее будет прикрытие, — полушутя сказала она.

Я немедленно выполнил ее просьбу. Откровенно говоря, ни разу до этого с моей стороны не проявлялось такой бдительности и расторопности, такой готовности пойти на все, чтобы сберечь экипаж штурмовика...

Идя к линии фронта, мы иногда переговаривались с Варей, а когда подоспело время боевой работы, она передала: «Ну, Скоморох, смотри в оба!» — и повела группу на штурмовку.

Земля дыбилась под ногами фашистов, поднимая в воздух обломки дзотов, расшвыривая по сторонам искореженную боевую технику.

Штурмовка была стремительной и дерзкой. Варино звено действовало как единый механизм — четко, слаженно, виртуозно. Я даже боялся, что, засмотревшись на его работу, упущу приближение «мессеров». Но мы замечали стервятников на максимальном удалении, пара связывала их боем, а я с ведомым продолжал бдительно охранять штурмующее звено.

После таких полетов в сознании молодых летчиков происходила переоценка собственных возможностей.

Как много значит иной раз встреча с человеком, о существовании которого раньше даже не предполагал! В нашей школе мужества, сама того не зная, лучшим педагогом стала именно Варвара Савельевна Ляшенко. То, что сделала для нас она,— ничем не измерить, отвага прочно вошла в наши сердца, чтобы сделать нас чище, сильнее, самоотверженнее...

Вскоре воздушные наши встречи с Варей прервались — мы стали решать другие задачи. Но за ее дальнейшей судьбой не переставали следить. И были очень обрадованы, когда 8 марта 1943 года увидели портрет

Вари на первой странице армейской газеты, ее красивое лицо, строгое и волевое. Мы с гордостью читали: «Отважная дочь советского народа лейтенант В. Ляшенко успешно громит фашистскую нечисть. На ее боевом счету 41 вылет на штурмовку живой силы и техники противника». Несколько строк было отведено ей и в праздничной, посвященной Международному женскому дню, передовой статье. «В одном из наших подразделений работает замечательная женщина-пилот товарищ Ляшенко. На своем штурмовике Ляшенко делает зачастую по два-три боевых вылета в день на штурмовку врага. Она в совершенстве изучила сложную машину Ил-2».

Это было 8 марта, а 5 мая того же года, как гром среди ясного неба, всех нас поразила трагическая весть: прямое попадание снаряда. «Ил» сбит. Варя Ляшенко погибла. Этому никто не хотел верить.

Мы попросили Мелентьева связаться со штабом дивизии.

Оказалось, все правда. Варя вместе со своим экипажем погибла в районе станицы Крымская.

7 мая в полку штурмовиков состоялся траурный митинг. Мы не были на нем, но траур носили в душе. Каких людей безжалостно забирала война!

Зная привязанность молодых летчиков, да и не только молодых, к Варе Ляшенко, комиссар полка порекомендовал провести в связи с ее гибелью беседы: «Отомстим фашистам за смерть отважной боевой летчицы!» Каждое слово нас обжигало, звало к мщению. Варя встала в нашем сознании в один ряд с Зоей Космодемьянской. И за ее гибель гитлеровцам воздалось сторицею.

Женщина-воин... Наша гордость и слава. Недаром ей посвящаются лучшие произведения искусства, стихи и песни.

Сейчас, всякий раз, когда узнаю о новых подвигах наших женщин, я вспоминаю Варю Ляшенко. Вижу штурмовку. Слышу ее удивительно спокойный голос.

В 1943 году из военных газет нам стало известно имя другой отважной летчицы женского полка ночных бомбардировщиков — Евгении Акуленок. Мы летали тогда с этим необычным полком в кубанском небе. Естественно, нас интересовали все подробности его боевой работы.

Вскоре мы узнали, что Евгения Акуленок стала Героем Советского Союза, потом наши летные пути-дороги разошлись.

Необычна судьба и у этой летчицы.

Женя ушла на фронт вместе со своим мужем Григорием, оставив у матери двоих дочерей. Муж был танкистом, она — летчицей.

Последнее письмо от Григория пришло из Берлина. Потом он пропал без вести, и никто не знал, что с ним, где он. Только многие годы подряд уже после войны на имя дочерей приходили денежные переводы из разных мест, от разных людей, выполнявших поручения какого-то инвалида, как писали они.

Однажды семью Акуленок посетил знакомый Евгении еще по фронту — бывший летчик-истребитель, ныне писатель, Герой Советского Союза Василий Бондаренко. Его поразила эта странная история с денежными переводами, а также — что Евгения двадцать два года ждет с войны мужа, не верит, что его нет в живых.

Василий Бондаренко включился в поиски Григория. И нашел — без обеих ног в сапожной мастерской. Двадцать два года герой-танкист, ставший инвалидом первой группы в последние дни войны, не давал о себе знать семье, боясь стать обузой. И двадцать два года жестоко ошибался...

Ошеломленный таким поворотом событий, Василий Бондаренко выразил свои чувства в песне «Я верю: он жив!», которую положил на музыку украинский композитор Владимир Верменич.

В моем представлении Варя Ляшенко и Женя Акуленок — духовные сестры, и, рассказав об одной, я не мог умолчать о другой...

А теперь вернемся в Белореченскую, в наш 164-й полк. Тут происходит событие, мимо которого тоже нельзя пройти.

Выстроен весь полк. Что случилось? Все теряются в догадках.

Зычным голосом майор Мелентьев подает команду:

— Сын полка ефрейтор Калишенко, выйти из строя!

Раз, два — четко печатает шаг всеобщий любимец. Весь он сияющий, радостный. Это успокаивает: значит, не забирают Ваню от нас. А что же будет?

Напряженно вслушиваемся в слова приказа, который читает начальник штаба майор Горнов:

— «Ефрейтор Калишенко И. И., прибыв в полк в ноябре 1941 года, став его воспитанником, за непродолжи-

тельное время в совершенстве освоил специальность мастера по авиаприборам, обеспечивает их безотказную работу. Дисциплинированный, исполнительный младший авиаспециалист служит примером добросовестного выполнения своего воинского долга.

За безупречную службу, высокое мастерство, самоотверженное выполнение своих обязанностей ефрейтора Калишенко Ивана Ильича наградить медалью «За боевые заслуги».

Последние слова начальника штаба утонули в громе аплодисментов.

Награждение Вани Калишенко подняло настроение. Весь остаток дня мы поздравляли сына полка, трясли его, обнимали, целовали, чем могли угощали. А девчонки — его сверстницы — где-то раздобыли даже живые цветы, чтобы вручить герою дня.

Мы тогда не думали, что многим из нас предстоит пережить горечь расставания со своей первой боевой семьей.

22 февраля — в канун 25-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота — летчиков собрал замполит эскадрильи капитан Кравец. Он сказал:

— Юбилей Вооруженных Сил СССР мы должны отметить новыми победами в воздушных боях. Сбить как можно больше фашистских летчиков — вот наш девиз.

С этим напутствием мы и отправились на задание.

Удастся ли выполнить наказ замполита? Встретим ли врага? А если встретим — сумеем ли вогнать его в землю?

Нас четверо: Кубарев, Шахбазян, Попов и я. Раньше ведомым Попова был Сергей Лаптев...

Идем в район Малой земли.

Многострадальная, обильно политая кровью Малая земля! Кто не знает о тебе, кому неведомы твои герои?! По подсчетам самих немцев, они истратили на каждого ее бойца не менее пяти снарядов только одной тяжелой артиллерии. Бывали дни, когда на этот небольшой клочок земли фашисты совершали до двух тысяч самолетовылетов. Естественно, что в районе Мысхако шли ожесточенные воздушные схватки.

И вот в этот район следуем и мы. Все испытываем волнение — ведь может случиться так, что нам придется выдержать испытание боем прямо над Малой землей, на глазах у ее героических защитников... Согласитесь, что в такой ситуации трудно оставаться спокойным, ведь

наши действия должны быть достойными примера мысхаковцев.

Немцы не заставили себя долго ждать. Девятка Ю-87 под прикрытием двух пар «мессеров» уверенно следовала в направлении Новороссийска. Попробуем сорвать их замысел! Выстраиваемся растянутым левым пеленгом. Идем в решительную атаку. Создаем сплошную завесу огня — один уходит в сторону, его очередь продолжает другой, потом третий, четвертый... Еще заход, еще...

Вспыхивает первый «юнкерс». Его сразил Кубарев. Затем от меткой очереди Попова рухнул наземь второй.

Эти победы возбудили у нас бойцовскую удаль, придали решительности. Мы все впервые ощутили, что инициатива боя в наших руках. Оказывается, у этого чувства есть удивительная особенность — оно умножает силы. И ты перестаешь осторожничать, действуешь более свободно и напористо. Так случилось и со мной. Увидев уклоняющегося в сторону «юнкерса», я настиг его, по всем правилам, как учил Микитченко, прицелился и нажал гашетку. «Юнкерс» взмыл вверх и тут же начал переворачиваться. Может, он совершает обманный маневр? Но такое ему не под силу. Через секунду, когда бомбардировщик, кувыркаясь, пошел к земле, все сомнения рассеялись: сбит! Остальные фашисты предпочли ретироваться.

Налет на Новороссийск сорван, на нашем счету — три сбитых. Такого в полку еще не было. Наказ замполита выполнен — мы возвращаемся с хорошим подарком в честь 25-летия наших доблестных Вооруженных Сил.

На земле нас тепло поздравили, за ужином к фронтовым ста граммам Певзнер, расщедрившись, добавил жареного поросенка.

Утром следующего дня всем полком мы держали курс на Краснодар. Немец откатывается.

Краснодар встретил нас взорванной взлетной полосой, мрачными руинами городских кварталов, рвами. В них, в этих рвах, — десятки тысяч расстрелянных советских людей...

Здесь кровожадный фашистский зверь полютовал вволю. Не было такого преступления, которое бы не совершил он. Грабежи, бесчинства, убийства буквально на каждом шагу — вот на чем держалась фашистская власть в городе.

Даже сейчас, спустя тридцать лет, думая об этих

преступлениях, невольно сжимаешь кулаки. После того что мы увидели и узнали в Краснодаре, а это было для нас впервые, в полку стал реже раздаваться смех, примолкла никогда не унывающая гармонь Вани Калишенко. Слишком велико потрясение.

Хотелось немедленно в бой.

Мы были в таком состоянии, что могли, казалось, зубами на куски разорвать каждый вражеский самолет. Именно в таком состоянии я сбил первый Ме-109.

Давно я ждал этой схватки, однако настороженность не покидала меня. Грозной машиной казался «мессершмитт», и, конечно, им управляют опытные пилоты — в этом все мы убеждались не раз.

Опасался я этой схватки, но знал, что рано или поздно она состоится и будет моей настоящей боевой проверкой. Как говорится, или пан или пропал!

Каждый раз, взлетая в небо, я ждал решающей встречи, мысленно представляя себе картину схватки.

Сраженный «мессершмитт» мне нужен был до крайности. Чтобы поверить в себя, укрепить свой дух.

Так, наверное, нужны победы спортсмену. Без них ему не закалить волю, характер, не достичь высот мастерства.

И вот наконец эта встреча состоялась. И совершенно в неподходящий момент, когда мы с Кубаревым возвращались с разведки.

В наши планы не входило ввязываться с кем бы то ни было в бой. Мы должны были доставить командованию данные о передвижениях немецких войск на Таманском полуострове. К тому же и горючего у нас было в обрез.

А тут «мессеры». Идут прямо на нас.

— Что будем делать, Скоморох? — спросил ведущий.

— Драться,— ответил я.

— Правильно. Прикрывай, иду в атаку!

Машина рванулась навстречу врагу. Я неотступно следовал за ним. Мелькнула мыслишка: «Врежут нам немцы, вон их сколько!» Но тут же в памяти всплыл краснодарский ров, заполненный расстрелянными. И страх уступил место злости, ненависти. Рука крепче сжала штурвал.

Ведя огонь со всех точек, мы проскочили между «мессершмиттами», те шарахнулись в стороны, затем снова сомкнулись, пошли в боевой разворот. Мы проделывали

то же самое. И где-то на высшей точке разворотов снова выходим с врагом на встречные курсы.

— Скоморох, иду в лобовую! — предупредил Кубарев.

Словно снаряды, самолеты неслись навстречу друг другу. До столкновения оставались секунды. Странно, но в эти мгновения я ни о чем не думал. Мной владело одно упрямое стремление: не свернуть! Таким я еще себя не знал. Во мне открылось новое качество, и оно выручило меня: ведущий «мессершмитт» отвернул от Кубарева в мою сторону, и я нажал на гашетки. Снаряды и пули прошили плоскости с черными крестами, центроплан. Фриц начал заваливаться набок, пошел к земле...

— Молодчина, Ском... — оборвался вдруг в шлемофоне голос Кубарева.

Я встревоженно взглянул на его машину и увидел впереди на горизонте до десятка приближающихся черных точек. Ясно — тут не до похвал.

Кубарев энергичным поворотом развернулся с потерей высоты, я повторил его маневр, и мы на полном ходу устремились домой. Разворачиваясь, я увидел на земле пылающий факел: это горел мой первый Ме-109. Тот самый, которого я так долго ждал.

Итак, три сбитых: «фоккер», «юнкерс», «мессер». За три месяца войны. Три месяца школы, которую в других условиях не пройти и за годы. Недаром все-таки каждый день войны, считался за три дня.

Что изменилось во мне за это время?

Внешне я оставался все тем же желторотиком. Но душа повзрослела. Она ожесточилась, научилась ненавидеть. А это значило, что внутренне я уже распрощался с безмятежной юностью. Война ускорила процесс возмужания, она лишила нас многого, присущего молодости, дав взамен суровое умение постоять в жестоких боях, как подобает воину, за свою Отчизну. И мы без малейших раздумий пользовались им.

...На аэродроме первым встретил меня и поздравил с победой майор Микитченко.

— Ну вот, старший сержант Скоморохов, боевое счастье улыбнулось тебе,— сказал он.— Солнечный луч мелькнул, но впереди грозовые тучи. Смотри в оба.

Командир как в воду глядел.

Через день мне оказали большое доверие — впервые поручили вести на косу Чушка, в район Керченского пролива восьмерку истребителей.

Провожал нас в полет майор Ермилов. Он торопил меня, зная, что вот-вот придет группа на посадку. Мы быстро заняли места в кабинах, стали выруливать на старт. Ермилов, не осмотревшись как следует, не дав осесть пыли, поднятой впереди взлетевшими самолетами, взмахнул флажком: «Пошел!»

Я дал полный газ, отпустил тормоза. Истребитель рвануло, понесло, оторвало от земли — и тут вдруг на высоте 10—20 метров раздается треск, скрежет. Смотрю на капот — цел, перевожу взгляд на левую плоскость — там какие-то клочья болтаются. Самолет еле держится. Садиться не могу — внизу сплошные рвы. Надо прыгать с парашютом. Открыл фонарь, расстегнул привязные ремни, стал выбираться из кабины. Но управление бросать не спешу. Смотрю — на меня движется какая-то труба. Не успею выпрыгнуть. Опустился на сиденье, чуть накренил машину — труба проплыла мимо. Пронесло! Но что делать дальше? Выбрасываться с парашютом бессмысленно — высоты уже нет.

Машина шла с креном, со скольжением. Под крылом — бугристая местность. Неужели вот так глупо можно разбиться?

В этот миг в моей памяти всплыл эпизод, когда я в Сочи выбирался из облаков. Как помогает нам опыт! Хотя бы тем, что учит: из любого тяжелого положения можно найти выход, надо только искать, действовать.

Убрал шасси. Колеса полностью не вошли в свои гнезда. Уменьшаю газ, подхожу к самой земле, выискиваю удобную площадку. С падением скорости самолет все больше теряет устойчивость. С трудом удерживаю его от глубокого крена.

Беда одна не ходит. Неожиданно заглох мотор.

Вот и земля, пропахиваю ее брюхом самолета.

Привязные ремни расстегнуты — меня резко бросило к приборной доске. Удар был сильный, но я не потерял сознание. Нет ничего худшего, когда судьба человека не подвластна его воле.

Окажись я без памяти — не увидел бы, что надо мной описал несколько кругов Володя Балакин, недавно прибывший в наш полк, не дал бы ему знать, что буду ждать здесь помощи, побрел бы искать ее сам, а время было холодное, ночи длинные, и чем бы все закончилось — трудно сказать.

А так мне все ясно, надо ждать своих.

Для начала осмотрел свой ЛаГГ-3. Столкновение нешуточное: левая плоскость, центроплан, часть фюзеляжа порубаны винтом. Пробит бензобак — вот почему заглох мотор.

Да-а, живым остался чудом. Вот тебе и фортуна! Вот тебе и первый вылет восьмеркой! Черт возьми, зачем требовалась такая спешка? Жив ли тот, с кем столкнулся?

День клонился к ночи. Раздосадованный, прихватил парашют, пошел к близлежащему селу. Там меня сразу познакомили с председателем колхоза, тот послал двух мальчуганов охранять самолет. Не успели мы разговориться — возвращаются запыхавшиеся мальчишки.

— Дядя летчик, там с вашего самолета что-то снимают...

Гурьбой бежим к самолету. Вижу, в самом деле кто-то в кабине. Выхватываю пистолет, стреляю в воздух. Две тени метнулись к стоявшему рядом мотоциклу и исчезли в вечерней мгле.

Подошли к самолету, заглянули в кабину: сняты бортовые часы.

Нам с председателем было стыдно смотреть друг другу в глаза. Поняв мое душевное состояние, он, видавший виды, весь седой, сказал:

— Эх, парень, мы здесь не с такими еще сталкивались. Нашлись гады среди нас. Да вот сейчас познакомлю тебя с одним.

Мы вернулись в контору колхоза, туда привели со связанными руками мрачного, пугливо озирающегося мужчину.

— Вот поймали гада. Старостой был. Измучил народ. Награбил добра и с немцами хотел драпать. Не вышло, судить будем.

Бывший староста принял меня, видимо, за одного из тех, кому дано право решать его судьбу, упал на колени, начал что-то лихорадочно говорить.

Было мерзко на него смотреть. Я попросил, чтобы его увели.

На следующий день прибыл наш По-2 с авиаспециалистами и запасными частями. На нем я и улетел, тепло попрощавшись с колхозниками и ребятишками.

В части меня ждал «сюрприз» — пять суток ареста за утерю бортовых часов. И это по настоянию Ермилова. Необоснованность наказания была очевидна. Микитченко бросился к Ермилову и крепко с ним поговорил. Ребята

рассказывали, что между ними то же самое произошло после столкновения самолетов, когда на карту была поставлена жизнь двух летчиков, к счастью, оставшихся в живых. За это ведь никто не понес наказания. А тут пустяк — бортовые часы — и пять суток гауптвахты...

Что-то во всем этом было не так, поэтому командир эскадрильи, обычно очень спокойный, рассудительный, не смог сдержаться.

В этой напряженной обстановке мне, конечно, не пришлось отбывать наказание. Не до этого было — напряжение боев нарастало.

Особенно часто летали мы на косу Чушка, в район Керченского пролива — километров за 150—160 в тыл противника. По пути туда и обратно то и дело сталкивались с «мессершмиттами», вели с ними ожесточенные бои. Это был очень тяжелый период для наших летчиков. Мы несли потери — один за другим не вернулись с заданий Кубарев, Филипповский, Петровский.

Ко всему привыкали на войне. Но с гибелью товарищей примириться никак не могли. Каждый павший в бою навсегда оставлял зарубку в наших сердцах.

...В один из дней к нам на самолете прибыл высокий стройный генерал. Оказалось — командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин. Не думали, что его прилет будет иметь прямое отношение к нам. Но вот Шахбазяна, Мартынова, Жирякова и меня вызывают в штаб полка. Мы предстали перед нашим командиром и генералом Вершининым, который тут же поставил нам задачу на осуществление разведки переднего края, переправ противника.

Разведка — значит, добывай данные, в схватки вступать не смей. А это не так легко, когда небо кишит вражескими самолетами. Особенно сложно было обнаружить переправы, которые наводились так, что их скрывал слой воды. Сверху смотришь — ничего не видно. И вдруг совершается библейское чудо: танки, автомобили движутся прямо по воде.

Немцы тщательно охраняли переправы. Пробиться к ним без стычек с «мессерами» почти не удавалось. Однако мы свою задачу успешно выполнили, за что заслужили благодарность генерала К. А. Вершинина.

Несколько дней спустя на нашем аэродроме приземлились «аэрокобры», с которыми мы встречались до этого только в небе.

Среди прибывших летчиков выделялся коренастый, с замкнутым, сосредоточенным выражением лица капитан, грудь которого украшал орден Ленина. Это был командир эскадрильи Александр Покрышкин. О нем тогда еще не ходили легенды, но в газетах мелькало его имя. Мы окружили Покрышкина и прибывших с ним летчиков. Начался профессиональный разговор. Нас интересовали буквально все подробности, все детали боевых действий покрышкинцев.

Александр Покрышкин говорил мало, спокойно. Чувствовалось, что он много думает, размышляет, анализирует. За скупыми жестами угадывалась энергия и сила русского богатыря.

От наших гостей мы узнали новость: управлению пятой воздушной армии приказано передать боевые части четвертой армии и убыть в район Курской дуги — на Степной фронт.

— Значит, мы будем воевать вместе?

— Это еще неизвестно,— сдержанно ответил Покрышкин.

Переход в четвертую армию нас не огорчал, даже радовал: ее истребительные части вооружены «аэрокобрами», а это лучше, чем ЛаГГ-3.

Разговор, естественно, перешел на «аэрокобры». Мы подошли к ним, стали осматривать. Удивило устройство кабины: в ней многое было как в легковом автомобиле. Вооружение завидное: 37-миллиметровая пушка, два крупнокалиберных и два малокалиберных пулемета. Гроза!

Покрышкинцы особых восторгов по поводу американских истребителей, поступивших к нам по ленд-лизу, не высказывали, но в целом были довольны ими. От одного из них, встречавшегося с советскими испытателями «аэрокобр», мы узнали довольно интересную историю. Оказывается, первые серии этих машин были неудачными — произошло несколько катастроф из-за «скручивания» хвоста и невозможности вывести «аэрокобры» из плоского штопора. Об этом сообщили американской фирме. Она наспех произвела необходимые доработки и попросила прислать советского летчика и инженера для испытания самолета на месте.

Ответственное задание поручили летчику-испытателю Андрею Кочеткову и инженеру Федору Супруну — брату знаменитого Степана Супруна.

Советские специалисты прибыли в город Буффало, расположенный на берегу Ниагары. Начались испытательные полеты. Центр пилотажной зоны — рядом с Ниагарским водопадом. Пришло время проверки на штопор. И случилось то, что уже не раз происходило в воздушных боях над русскими просторами: машина вошла в плоский штопор и никак не хотела из него выходить. Кочеткову ничего не оставалось, как покинуть ее...

Лишь после этого американцы всерьез взялись за доводку «аэрокобры» и сделали ее такой, какой она сейчас предстала перед нами.

Много любопытного привезли нам неожиданные гости. Жаль только, очень быстро улетели. Расстались мы с ними настоящими друзьями, с надеждой, что впредь будем сражаться с ними крыло в крыло.

Но дальнейшие события пошли совсем по иному руслу.

Во второй половине марта группу летчиков нашего полка на Ли-2 перебросили в Саратов. Оттуда — дальше. По дороге мы попросили пилотов, чтобы они прошли над Сталинградом. Очень уж хотелось посмотреть, что осталось от него после сражения. Тем более что в детстве я бывал в этом городе, ездил в гости к двоюродному брату, работавшему на Тракторном заводе.

То, что мы увидели, потрясло нас до глубины души: черные кварталы сплошных руин, заваленные щебнем улицы, стертые с лица земли парки, разрушенные мосты...

Подумалось, что восстановить город невозможно.

И еще подумалось: а не оставить ли его таким, какой он сейчас есть, как память о великом сражении для всех поколений?

С подавленным, омраченным настроением приземлились на новом месте. Казалось, поднять героический город ничто не в состоянии — такое удручающее впечатление произвели на нас руины Сталинграда.

Тут мы наконец узнаем, зачем нас перебросили в этот район: принимать новейшие советские самолеты Ла-5.

Вот так новость!

Сорок дней — с 17 марта по 27 апреля — мы жили только новыми истребителями. Влюбились в них, так сказать, с ходу.

И не ошиблись. Тупорылый, со звездообразным двухрядным мотором, истребитель развивал скорость у земли более 500 километров в час, имел две пушки, обладал хо-

рошей маневренностью и тяговооруженностью. Смущало лишь то, что он был почти весь из дерева.

Осваивали новые машины интенсивно. Мы страшно уставали, к вечеру буквально валились с ног. Но с утренней зарей снова появлялись на аэродроме. Взлеты, посадки, воздушные стрельбы по конусу. Здесь мне очень пригодились уроки, преподанные Микитченко. Он и сейчас продолжал настойчиво учить нас искусству меткого поражения целей.

— В огне — сила истребителя,— говорил он.

Когда Микитченко убедился, что наши пушечные очереди в щепки разносят конусы, стал отрабатывать с нами всевозможные виды маневра. Теперь он внушал всем более совершенную формулу:

— Запомните, сила истребителя — в маневре и огне.

...На местном аэродроме произошла одна приятная для меня встреча. К нам прибыла концертная бригада. Во время представления я узнал в конферансье своего товарища по заводу в Астрахани Толю Кирпичева. От радости чуть было не прыгнул на сцену — товарищи удержали. Дождавшись окончания концерта, пробрался за кулисы. Толя, увидев меня, ахнул от изумления. Мы обнялись, расцеловались, а потом весь вечер вспоминали наш город, общих знакомых. К сожалению, он ушел в армию чуть позже меня. И ничего нового не мог рассказать мне о Маше, переписка с которой, из-за частых смен аэродромов, временно прервалась.

Я так надеялся услышать что-нибудь о ней от Кирпичева!

Это было 26 апреля, а восход солнца следующего дня мы уже встречали в воздухе. Наш курс — в новый незнакомый город Миллерово.

На этот раз эскадрилью ведет новый командир капитан Михаил Устинов — летчик, обладавший исключительной техникой пилотирования. Это все поняли с первого появления Устинова над аэродромом — о своем прилете к нам он известил полупетлей, выполненной с бреющего полета, за что сразу же получил серьезное внушение от Мелентьева. А когда один из нас, знавший Устинова раньше, спросил его, зачем он выкинул такой номер, тот шутливо ответил:

— Вижу на аэродроме беспорядок — дай, думаю, поддержу его...

Шутка шуткой, но иммельман этот дал всем нам почувствовать, что к нам прибыл командир, в совершенстве владеющий машиной.

Пребывание в Миллерово ознаменовалось одним весьма важным событием — переходом нашего 164-го истребительного авиационного полка в состав 17-й воздушной армии.

Это была совсем еще молодая, но уже успевшая прославить себя в боях с фашистами армия.

Она сформировалась 16 ноября 1942 года — за три дня до начала контрнаступления советских войск на Сталинградском фронте.

Она родилась, чтобы тут же включиться в величайшую в истории битву и, пройдя через ее горнило, выйти закаленной, готовой к новым сражениям. Первым ее командующим был генерал-майор авиации С. А. Красовский, ныне маршал авиации. Под его началом армия принимала участие во всех трех этапах контрнаступления под Сталинградом. Об интенсивности действий ее авиаторов можно судить хотя бы по такой цифре: только за время среднедонской операции с 16 по 31 декабря было произведено 3672 боевых вылета.

Армия уже имела богатые боевые традиции. Ее летчики проявили чудеса героизма. Нуркен Абдиров повторил подвиг Николая Гастелло, за что посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. Это же высокое звание заслужили летчики-истребители И. И. Чучвага, И. А. Манойлов и В. А. Зайцев, награжденный в августе 1943 года второй Золотой Звездой...

Вот в какую славную боевую семью привела нас фронтовая судьба! Оставалось только пожалеть, что этого не случилось раньше, в ноябре,— мы бы имели счастье сражаться в крылатом строю сталинградцев...

К моменту нашего перехода в 17-ю воздушную армию ее возглавил генерал-лейтенант авиации В. А. Судец. С ней он пройдет весь путь до победы.

Читатель помнит, наверное, что механик моего самолета Мартюшев когда-то, еще в Монголии, летал с В. А. Судцом в качестве стрелка-радиста.

Мартюшев, хорошо знавший биографию своего командира, рассказывал, что тот начинал службу авиационным механиком и вырос до командира дивизии, освоив 45 типов самолетов, проявив себя героем в борьбе с японцами и белофиннами. В 1941 году В. А. Судец уже командир

дальнебомбардировочного корпуса. И вот теперь он принял 17-ю воздушную...

То обстоятельство, что в моем экипаже был близкий командарму человек — бывший его механик и стрелок-радист, не прошло мимо острых на язык товарищей.

— Ну, Коля, теперь тебе недолго оставаться с нами,— съязвил Кирилюк,— вместе с механиком войдешь в личный экипаж командарма.

— Витя, если тебя такая перспектива прельщает, могу составить протекцию,— не остался я в долгу.

Наши словесные перепалки прекратило лишь посещение полка самим командармом. Он оказался человеком суровым, исключительно требовательным, а к тем, кого знал раньше, — особенно строгим...

Командарм приказал перебазироваться в Нижнюю Дуванку, за которой начинается многострадальная украинская земля.

Кубанские грозы остались позади, перед нами открывалась новая страница нашей фронтовой жизни. Прочесть ее предстояло в огненном небе Украины.

Глава IV

ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНА!

С душевным трепетом приближались мы к самому краешку украинской земли. Той земли, которая в нашем воображении рисовалась вся в цветущих садах.

Горьким было приземление: уже с высоты птичьего полета поняли, что война и здесь оставила свой зловещий след.

Мы видели разрушенный Краснодар, руины Сталинграда. И впервые... дотла сожженное село.

Когда выключили моторы, нас поразила гробовая тишина. Казалось, здесь не осталось ничего живого.

Да, милая сердцу Украина, не думали, что увидим тебя такой...

Молча разбрелись по экипажам, стали натягивать палатки. И лишь когда более или менее устроились, увидели осторожно приближавшихся к нам пожилых женщин с детьми и немощных, опирающихся на палки, стариков.

Люди остановились поодаль, опасливо осматривались.

Толя Мартынов не выдержал, пошел им навстречу. И тут произошло нечто невообразимое: исхудалые, изможденные, перепуганные крестьяне словно сбросили с себя оцепенение, кинулись к Мартынову, начали обнимать, целовать его.

Мы думали, что Толю задушат. Бросились его «выручать» и сами попали в объятия. Женщины заливались слезами, все время возбужденно повторяли:

— Синочки, визволителі, прийшли рідні, назовсім прийшли...

Мы не могли понять, почему нас так встречают: ведь тут должны были пройти наземные части.

Оказалось, мы первые. Войска наши прошли где-то стороной. И крестьяне, слыша гул моторов, верили и не верили, что это советские самолеты.

Вскоре народу на аэродроме прибавилось. Местные жители повылазили из землянок и убежищ, всевозможных щелей, которые имелись почти в каждом дворе. Мы щедро делились с ними своими продуктами, они помогали нам обосновываться на новом месте.

Сжималось сердце от боли, когда мы смотрели на этих людей, перенесших все ужасы фашистской оккупации. Они ласково гладили алые звезды на килях истребителей, ходили за нами следом и не могли насмотреться на нашу форму, ордена и медали.

К Ване Калишенко подошел чуть поменьше его ростом сельский мальчишка. На нем сплошные лохмотья.

— П-п-по-по-даруй з-з-зірочку...

— Бери с пилоткой, носи!

Мальчишка схватил пилотку дрожащими руками и долго не мог выговорить «спасибо». Подошла его мать — сгорбленная старуха, но по всему видно было, что ей не больше тридцати лет.

— Давно он у вас заикается? — спросил младший лейтенант Алимов.

— Та якби ж це одне лихо,— заплакала женщина.— Іди, Петрусь, погуляй з військовим хлопчиком,— сказала она сыну, а потом снова обратилась к нам: — Він дуже хворий. Може, є у вас лікар — допоможе. Все німці наробили...

Вот какую историю мы услыхали.

Петрусь рос здоровым, крепким мальчишкой. Был раз-

вит, хорошо говорил. И вот в эти края пришли гитлеровцы.

Из соседнего села прибежали потрясенные фашистской расправой несколько чудом спасшихся крестьян.

— Ходят по хатам и всех расстреливают,— рассказывали они.

Фашисты не заставили и нижнедуванцев долго себя ждать. Увешанные оружием гестаповцы, с автоматами наперевес, пошли по хатам.

Ствол автомата упирается в дверь, открывает ее настежь. Зрачок автомата на мгновение задерживается на Петрусе — тот падает со скамейки без сознания.

— Хенде хох! — рявкает фашист.— Партизанен есть?

Но никто не в состоянии ни встать, ни ответить. Все парализованы.

Фриц еще раз осмотрел хату и, загромыхав в сенях коваными сапожищами, ушел.

Когда Петруся привели в чувство — он был весь мокрый. И с тех пор это случалось с ним постоянно.

На новом месте мы не успели еще как следует окопаться, укрыться, организовать службу наблюдения и оповещения, как сверху донесся монотонный завывающий гул моторов.

О том, чтобы взлетать, не могло быть и речи: у нас ничего не готово. Щелей не было — в сорок третьем году мы надеялись уже обходиться без них. Залегли в выемках, ямках, канавках.

И тут началось.

Такого мне еще не приходилось переживать. Бомбы сыпались градом — и, казалось, не будет конца. Спасаясь от осколков, я стал ползти к землянке. Добрался, вскочил в нее, а там все ходором ходит: техник по спецоборудованию Ефименко мечется из угла в угол. Толя Попов — под нарами, а кто-то, ломая буржуйку, кричит:

— Они же по дымовой трубе бьют, надо ее убрать!

Когда все утихло, первым делом бросились к самолетам.

Единственное, за что нас можно было похвалить в тот день — за маскировку боевых машин. Они были так укрыты, что немцам не удалось их обнаружить и нанести прицельный бомбовый удар. Самолеты, за малым исключением, остались целы. На моем снаряд пробил фонарь и меховую куртку, оставленную на нем. В ней я потом долго еще ходил — до памятной встречи с Маршалом Совет-

ского Союза А. В. Василевским, о чем в свое время будет рассказано.

Летное поле оказалось все в воронках.

Мы боялись, что не успеем его заровнять — снова фрицы нагрянут. Но выручили крестьяне — они быстро и ловко сделали все необходимое.

А нам было приказано находиться в готовности номер один.

Разве могли мы тогда предполагать, что гитлеровцы, решив взять реванш за сталинградский разгром, уже разработали план наступательной операции «Цитадель», в основу которой входило окружение и уничтожение советских войск на Курском выступе?

Разве могли мы знать, что, разгадав замысел противника, Советское Верховное Главнокомандование решило сначала упорной и активной обороной измотать фашистские войска, а затем разгромить их в решительном наступлении?

Однако все жили предчувствием чего-то значительного, важного.

Но это было предчувствие, и только.

Через день немцы предпринимали массированные налеты на большинство аэродромов 2, 16 и 17-й воздушных армий.

Враг стремится парализовать, уничтожить нашу авиацию на земле. Все силы на отражение налетов! Таков был приказ командования, таким был призыв политработников.

В Нижней Дуванке на полевом аэродроме стояли две эскадрильи полка: наша, которой теперь командовал капитан Устинов, и вторая во главе с капитаном Ковалевым.

Третья — капитана Дмитриева — базировалась на площадке в Покровском.

В нашем личном составе произошли некоторые перемены. Майора Микитченко, как знатока теории стрельбы, уговорили пойти начальником воздушно-стрелковой службы авиабригады.

Ушел заместителем к Дмитриеву мой верный друг и учитель Володя Евтодиенко, его хотят назначить командиром эскадрильи.

Доверили командовать звеном и мне. Я принял под свое начало новичков — Валентина Шевырина и Василия Овчинникова. Из новеньких появился у нас младший

лейтенант Алимов — бывший летчик-инструктор. Несмотря на отсутствие боевого опыта, его сразу назначили командиром звена, к нему в подчинение попал и Толя Мартынов. По всем данным командовать бы звеном Мартынову, но он еще сержант.

К этому времени мы лишились нашего героя, летчика, совершившего первый таран в полку, Льва Шиманчика. Он погиб самым нелепым образом: при старте для перелета в Миллерово с его машиной что-то стряслось, она резко уклонилась на разбеге и врезалась в Ил-2. Смерть боевого, мужественного летчика омрачила всех нас: рубил в воздухе крылом фашиста и жив остался, а тут на тебе...

Да, поредели, обновились наши ряды.

...После первого массированного налета на наш аэродром немцы вроде бы уменьшили свою активность. Только в небе то и дело появлялись «Хейнкели-111». Разведчики!

У них была своеобразная тактика: внезапно, как бы случайно, показывались в районе нашего расположения и тут же убирались восвояси. Было ясно, что ведут фотографирование, изучают местность.

Мы несколько раз взлетали навстречу вражеским разведчикам, но настичь их не удавалось — они своевременно уходили. Конечно, наши взлеты демаскировали аэродром. И мы ожидали новых мощных бомбовых ударов. Ожидали — и сами не дремали. Рассчитали, сколько секунд нужно потратить на взлет, чтобы не дать врагу уйти. А затем стали тренироваться. Запуск, руление, разбег, отрыв — все эти элементы требуют выполнения определенных операций. Тут и работа с кабинным оборудованием, и управление машиной, и контроль за приборами, и осмотрительность... И все это — затраты времени. Сократить его можно только отработкой своих действий до автоматизма.

К этому мы и стремились. Упорством и настойчивостью отвоевывали секунду за секундой. И вот мной достигнут рекорд: 39 секунд! У Шевырина — 42 секунды.

Виртуозное владение техникой — тоже оружие.

Правда, оружие особого рода. Оно может оказаться и бесполезным, если...

Вот что случилось со мной.

На горизонте показался уже надоевший всем силуэт «хейнкеля». Я быстро взлетел и прямым курсом — к раз-

ведчику. Ему деваться некуда — он полез вверх. Иду за ним. Пять тысяч метров, шесть... Кажется, вот фашиста можно рукой достать, но он тут же ускользает выше. А со мной что-то неладное: «хейнкель» начал двоиться в глазах. Вспомнил про мундштук от кислородной системы, сунул его в зубы — теперь, думаю, гад не уйдет! Высота — 7200. Стрелок «хейнкеля» бьет по мне короткими очередями — приходится отвалить в сторону, развернуться и зайти в атаку сбоку. И тут цель снова задвоилась в глазах. Что за чертовщина?! Встряхнулся, начал прицеливаться, помню, что нажал гашетку, а потом все помутнело...

Опомнился — меня качает, словно на волнах: самолет штопорит. С трудом прекращаю вращение, вывожу машину в горизонтальный полет, иду на аэродром. И никак не могу сообразить: что же со мной произошло?

Разгадка пришла на земле: оказывается, Мартюшев заправил бортовую систему кислородом, а открыть вентиль, который находился в фюзеляже (кто придумал его там поставить?), забыл.

Механик забыл, я не проверил... И не выручили меня 39 секунд, все тренировки пошли насмарку.

Так я на собственном опыте убедился: в авиации мелочей не бывает. Ее законы жестки: или умей предусмотреть абсолютно все, или готовься к неприятностям.

Командира звена перед необстрелянными еще новичками журить было неудобно, Мелентьев поговорил со мной наедине.

Беседа с командиром полка была спокойной, деловой, он рассказал, как из-за собственных оплошностей попадал в сложные ситуации.

— Но это случалось, пока я отвечал сам за себя,— сказал он в заключение.— А как только появились у меня подчиненные — тут уж я взял себя в руки! Собственную ответственность надо поднять, товарищ старший сержант, установить контроль за каждым своим шагом...

На полпути к палатке меня перехватил парторг эскадрильи капитан Николай Баботин. Он тоже собирался со мной поговорить. Мой унылый вид вызвал у него веселую улыбку.

— Ладно, Скоморох, потом поговорим, а сейчас танцуй!

В руках Баботина белел конверт.

Радость велика — я уже давно ни от кого не получал писем.

— Держи! На войне весточка из дома — лучшее лекарство от всех неприятностей.

Я с благодарностью взглянул на Баботина, взял конверт, пошел в палатку. На конверте — красивый, дорогой мне Машин почерк...

Спасибо тебе, Баботин, за твою тактичность и чуткость, спасибо за такой приятный сюрприз!

По почтовым штемпелям было видно, что письмо ходило за мной довольно долго. И тем не менее я очень обрадовался ему — все-таки астраханские новости. Узнал и о том, как живет Маша. Весточки из дома, из родных краев — бальзам.

Вчитываясь в скупые, лаконичные строчки, мысленно лечу на родные волжские берега. Какими далекими стали они теперь и какими близкими, дорогими! Невольно подумал о Днепре. На наших картах он пролег широкой, многоводной голубой магистралью. Увидеть его сверху пока не удавалось — наши маршруты еще не доходили до него. Каков он, воспетый поэтами красавец Славутич, к которому ведет меня, сына Волги, военная судьба?

Волга и Днепр... Две великие реки, две могучие артерии Родины. Россия и Украина — кровные сестры! А мы — их сыновья...

Мои размышления над письмом неожиданно прервал Султан-Галиев. Резко откинув полог палатки, он выпалил скороговоркой:

— Спеши, Скоморох, к нам такой большой человек приехал — Герой Советского Союза, ах какой красавец парень, бежим посмотреть...

Героев Советского Союза в нашем полку еще не было. Люди, получившие это высокое звание, представлялись нам исключительными, наделенными какими-то особыми, только им присущими качествами. Поэтому появление в полку Героя Советского Союза становилось событием.

Мы с Султан-Галиевым заторопились на стоянку, где вокруг прибывшего уже собралась изрядная толпа. Протолкались поближе к центру. Перед нами предстал коренастый, плотный, среднего роста, в гимнастерке довоенного покроя, темно-синих галифе и хромовых сапогах

голубоглазый майор. На его груди ярко сверкала Золотая Звезда.

Он заканчивал рассказывать какую-то веселую историю.

— Кто это? — спросил я тихонько у капитана Баботина.

— Летчик-инспектор корпуса майор Онуфриенко.

Гость между тем незаметно перевел разговор на нашу боевую работу.

— Ну, как воюете, кто у вас лучший боец? — спросил он.

Мелентьев коротко рассказал о делах полка и об успехах некоторых летчиков.

— А какими заботами сейчас живете?

— Да вот получили пополнение — надо пары слетывать, только немец не дает...

— И не даст. Он что-то замышляет, готовится рассчитаться с нами за Сталинград. Так что специального времени для тренировок у вас не будет. В боях придется слетываться. А пара сейчас — основная ударная единица. Это уже признается всеми. В какой эскадрилье у вас больше всего молодых летчиков? — неожиданно спросил он.

— Пожалуй, у капитана Устинова,— ответил Мелентьев.

— В таком случае, попрошу Устинова... Попробуем с ним показать молодежи, как пара должна взаимодействовать в воздухе.

Онуфриенко тут же направился к Ла-5, на котором прилетел к нам, Устинов — к своему.

Взлетели. Сначала ведущим был Устинов. Его задача — оторваться от ведомого, последний должен не допустить этого.

Завертелась карусель. Устинов стремительно уходил на боевые развороты, пикировал, кабрировал, совершал полупетли с переворотами — Онуфриенко следовал за ним, как нитка за иголкой. Создавалось впечатление, что это буквально ничего не стоит. В его летном почерке ощущалась какая-то легкость, изящность.

Потом они поменялись местами. Столь энергичного, динамичного пилотирования, какое показал Онуфриенко, нам еще не приходилось видеть. Он брал у машины все, что она могла дать, совершенно не щадя ее, не заботясь,

выдержит ли она создаваемые им перегрузки, не выйдет ли из строя от перегрева мотор.

Нашему комэску пришлось хорошенько попотеть. К его чести, он до самого конца удерживался на своем месте и лишь в последние секунды приотстал. Но Онуфриенко тут же уменьшил скорость, дал возможность ведомому догнать себя. Этот жест очень понравился мне, да и другим летчикам. Дело в том, что в полку еще с Адлера укоренилась порочная практика: ведомому вменялось в обязанность отвечать за ведущего, обеспечивать ему все условия для боя, а вот об ответственности ведущего никто никогда не говорил. И шло это, как ни странно, от нашего руководящего состава.

И вдруг всем нам дан наглядный урок, как нужно заботиться о ведомом, следить за ним, не давать ему оторваться, потеряться, остаться одному.

В этот момент я взглянул на Ермилова. Он нахмурился — действия Онуфриенко явно были ему не по душе. Не вызвали они восторга и у некоторых других, кому приходилось терять ведомых. Ясно было, что наступило время перестройки, а на это не все идут с охотой.

Удивительной жизнестойкостью обладают ростки нового. Сколько ни отвергай их, ни отмахивайся от них — они все равно пробьют себе дорогу. Так случилось и на этот раз.

Приземлившись, Онуфриенко провел с нами специальное занятие о взаимодействии пар истребителей. И доказательно, с глубокой обоснованностью пояснил то, что многие из нас чувствовали интуитивно.

Летчик-инспектор покорил наши сердца. Мы попросили его рассказать немного о себе. Он ответил коротко:

— Зовут меня Григорий Денисович. Сын шахтера. Воевал на Западном фронте, потом на Калининском. Звание Героя получил в сорок втором году под Москвой. В летчики-инспекторы ушел с должности командира эскадрильи. Есть еще вопросы? Нет. Тогда разойтись на перекур, а я еще кое с кем познакомлюсь.

Он попросил Устинова представить ему летчиков, имеющих на своем счету сбитые самолеты. Дошла очередь и до меня.

Разговор состоялся у нас необычный.

Онуфриенко попросил рассказать о всех трех воздушных боях, в которых мной были одержаны победы. Выслушав меня внимательно, сказал:

— А теперь оцените эти воздушные бои с точки зрения своих промахов и упущений.

Вот тут я и запнулся. Мне до этого и в голову не приходила такая мысль. И никто в полку ее не подсказал. Считалось: победителей не судят!

Онуфриенко как будто прочитал мои мысли:

— Запомните, Скоморохов: победителей судят! И прежде всего — они сами себя. И таким образом как бы очищаются от груза собственных просчетов. Надо уметь видеть свои недостатки и избавляться от них. Самокритичность — первая черта коммуниста. Кстати, вы член партии?

— Нет.

— Пора подумать и об этом. Партийность повышает ответственность перед самим собой, перед людьми. Для вас сейчас это очень важно...

Двадцать минут разговора — и я ушел с ясной программой своей дальнейшей жизни, боевой деятельности.

Бывают же такие люди на свете!

Впоследствии эту встречу я буду вспоминать очень и очень часто. Одно упоминание имени Онуфриенко производило на меня какое-то магическое действие, пробуждало в душе предчувствие каких-то больших для меня перемен, связанных именно с этим человеком.

И действительно, Григорий Онуфриенко стал главным человеком в моей фронтовой биографии, занял в ней прочное место на всю жизнь.

Нас еще сведет судьба с ним на крутых поворотах.

Но сначала мне довелось пережить далеко не радостное событие, связанное именно с Онуфриенко.

Приехав снова в наш полк, он пожелал вылететь на боевое задание на моем самолете.

У него была встреча с «мессерами», он подбил вражеский самолет и вернулся на аэродром.

Быстро сменяю Онуфриенко в кабине, иду на взлет. И вдруг, когда уже колеса оторвались от земли, глохнет мотор. В доли секунды машина оказалась на краю оврага. Я попробовал выбраться из кабины — самолет опускает нос, опрокидывается. Пришлось ждать, пока прибыли мотористы, поддержали истребитель за хвост.

С машиной ничего особенного не случилось — ее быстро ввели в строй. А вот мотор...

Оказалось, что темпераментный летчик-инспектор просто-напросто перегрел его в жаркой схватке. На взлетных оборотах его и заклинило.

Но даже этот случай «работал» на авторитет Онуфриенко. Он учил: в бою побеждают не только тактическим и огневым мастерством, но и умелым владением техникой, способностью брать от нее все, на что она способна.

...Самокритичность — первая черта коммуниста. Партийность повышает ответственность перед самим собой, перед людьми.

Эти слова глубоко запали мне в душу. Но достоин ли я сейчас того, чтобы стать коммунистом? С одной стороны — три сбитых вражеских самолета. С другой — ряд неудач. Правда, все от неопытности. Но коммунист должен служить для всех примером. Значит, надо набраться боевого опыта, а затем уж думать о вступлении в партию.

Таким было мое решение.

Но, оказывается, комэск и парторг тоже думали обо мне, и у них было свое мнение.

После одного из вылетов ко мне подошел Баботин:

— Старший сержант Скоморохов, через неделю у нас партийное собрание. Будем рассматривать заявления о приеме в партию. Пора бы и вам подумать об этом.

— А не рано ли? К такому большому событию нужно как следует подготовиться.

— Мы считаем вас подготовленным к нему.

— Коммунисту ведь не прощают промахов, неудач...

— А разве коммунистов оберегают от них ангелы-хранители?

— Да нет же, они сами созрели для того, чтобы не допускать их...

— Вы не правы, Скоморохов, коммунисты — это люди, созревшие для того, чтобы самокритично оценивать свои действия, учиться на собственных ошибках...

— Значит, я в чем-то не прав...

И все-таки шаг этот чрезвычайно серьезный. А мне лишь двадцать один год. Из них всего шесть лет пробыл в комсомоле. Чем же они ознаменованы? В техникуме был секретарем. Работу комсомольской организации астраханский горком оценивал положительно. В летной школе охотно выполнял любые поручения, активно участвовал в соревнованиях по многим видам спорта. В боевом

полку выступал на комсомольских собраниях, а больше, кажется, ничего и не делал. Ну вот спросят об этом коммунисты на собрании — что скажу?

В таких раздумьях прошла почти вся ночь после разговора с Баботиным. Утром отправился со всеми на аэродром, туда как раз подоспели свежие газеты. Развернул нашу армейскую — «Защитник Отечества»,— в глаза бросился крупный заголовок: «Хочу в бой идти коммунистом!» Под ним — подборка материалов. Уже начальные строки не могли не волновать: «Мною уничтожено 12 фашистов...», «Фашистские изверги живьем сожгли мою жену с дочерью...», «Я был трижды ранен...».

В бой коммунистом — желание души и сердца.

В бой коммунистом — самое чистое, самое бескорыстное стремление...

Вечером, уставший от боевой работы, выкроил время, чтобы написать письма отцу с матерью, Маше, поделиться с ними своим решением стать коммунистом.

И лишь после этого написал заявление.

Утром вручил его Баботину,— он очень обрадовался.

— Подбери себе двух рекомендующих, готовься к собранию. Я помогу тебе,— сказал он.

Готовился я к собранию с волнением. Десятки раз перебрал в памяти свою недолгую жизнь. Наизусть заучивал целые главы из Устава ВКП(б), читал учебник по истории партии.

Несколько бесед о правах и обязанностях коммуниста провел со мной Баботин.

14 июня 1943 года состоялось партийное собрание. Оно проходило прямо на стоянке, многие, укрываясь от солнца, расположились под плоскостями истребителей.

Я терпеливо ждал своей очереди. И вот зачитывают мое заявление и рекомендации.

— Вопросы будут? — спрашивает председательствующий.

— Пусть расскажет биографию! — раздается голос.

— Давай, Скоморохов, рассказывай,— подбадривает Баботин.

А у меня вроде бы язык отнялся. Не знаю, с чего начать, не нахожу первого слова.

— В каком году-то родился? — помогает Баботин.

С трудом, заикаясь от волнения, начал рассказывать о себе. Получилось очень коротко — несколько слов. Смутившись, снова замолчал.

— Есть еще вопросы? — обратился к собранию председательствующий.

— Есть!

Сейчас, думаю, начнут по уставу гонять. Силюсь припомнить права и обязанности коммуниста — все вылетело из головы. Вот беда!

Но оказалось, что беда совсем в другом.

Неожиданно послышался завывающий звук немецких бомбардировщиков.

— По самолетам!

Всех как ветром сдуло.

Пока заводили моторы, на аэродром начали сыпаться первые бомбы. Мы с Шевыриным очутились на старте раньше других — сказались наши тренировки. Дали ракету на взлет. Сдвинулись с места — за нашими хвостами, где-то сбоку, рвутся бомбы.

— Прекратить взлет! — раздалось у меня в наушниках.

Но было уже поздно.

Мы оторвались от земли — вокруг нас завихрились шнуры эрликонов. «Мессер» атакует, не дает набрать высоту.

— Шевырин, жмись к земле, следуй за мной! — передал ведомому.

Чуть ли не цепляясь крыльями за верхушки кустов, мы на полном ходу понеслись вдоль ручейка. Набрав скорость, резко переходим в кабрирование и на высоте 800 метров вскакиваем в облака. Облачность 8—10 баллов, с большими окнами-просветами. Через них осматриваем «поле боя». «Фоккеры» потихоньку начинают разворачиваться на обратный курс. Их — семерка, прикрытие — восемь «мессеров». А нас — двое. Мы не знали тогда, что на помощь нам взлетели истребители с других аэродромов.

А пока — одна пара против 15 вражеских самолетов. Принимаю решение вступить в бой. Но так, чтобы от него был какой-то прок.

Высматриваем, на кого напасть. В районе Сватово замечаем под облаками двух «фоккеров». Быстро подхожу к ним, прицеливаюсь, открываю огонь. И — радость! Один горит, начинает переворачиваться, показывая брюхо, как оглушенная рыба. К нему совсем близко подходит Валька, посылает в него прощальную очередь. Оглядываюсь — к нам стаей несутся «мессеры». Разворачи-

ваемся в сторону аэродрома,— может быть, наши взлетели. Но никого из своих не видим. Вскакиваем в облака, отрываемся от вражеских истребителей. Вдруг нас ослепило яркое солнце — пробили облачность. Осматриваемся, на сером фоне — пара «фоккеров». Набрасываемся на них. Заметив нас, они пытаются скрыться в облаках, но это им не удается: один из них заштопорил, его добил Валька.

Молодец Шевырин! Держится своего места, активно действует. Правда, чересчур увлекается. При первой схватке, если бы я вовремя не осмотрелся, нас накрыли бы «мессеры». А ведь увидеть их должен был прежде всего ведомый. Но пылающий «фоккер» заворожил его, он не смог отказать себе в удовольствии всадить в него очередь, хотя нужды в этом особой не было.

Пробиваем облака. Внизу — каша. Подоспели истребители 31-го и 116-го полков. Мы увидели, как один за другим устремились к земле два «мессера». Рухнул наш истребитель. С парашютом выбросился летчик. А немцы поспешно устремились в спасительные облака. Постепенно небо очистилось от крестоносной нечисти.

Приземлившись, мы узнали, что с парашютом выбросился весь израненный разорвавшимся в кабине снарядом летчик соседнего полка сержант Шпаченко. Он сбил двух «мессеров».

На аэродроме все утихло. Партийное собрание продолжилось.

Я еще не успел прийти в себя, остыть после боя. Снова стоял перед коммунистами в ожидании вопросов и никак не мог сосредоточиться.

Председательствующий капитан Баботин поднялся с места:

— Товарищи, довожу до вашего сведения, что комсомолец старший сержант Скоморохов только что пополнил свой боевой счет — вместе со своим ведомым Шевыриным сбил двух «Фокке-Вульф-190».

Раздались аплодисменты.

Баботин поднял руку, призвал всех к тишине.

— А теперь продолжим обсуждение. Есть вопросы к товарищу Скоморохову?

— Нет! — раздались голоса.

— Тогда приступим к голосованию.

У меня подкашивались ноги. В бою ничего подобного не испытывал, а тут — на тебе!

Проголосовали единогласно.

Баботин поздравил меня с принятием кандидатом в члены ВКП(б).

...Будет в моей жизни еще много встреч с разными людьми. Но ни одна не сравнится со встречей с майором Григорием Онуфриенко.

Будут в моей жизни и другие радостные события, но ни одно не сравнится с событием, происшедшим 14 июня 1943 года.

Будут в моей жизни и другие памятные, дорогие сердцу места, но ни одно не сравнится с Нижней Дуванкой.

Здесь произошло мое второе рождение — я стал коммунистом.

Значительнее этого в жизни ничего не могло и не может быть!

Окрыленный доверием товарищей, выросший на целую голову в собственных глазах, я вместе со всеми готовился к грядущим боям. Все жили ожиданием новых больших событий. Сражение за Советскую Украину только начиналось.

Глава V

НЕБО КУРСКА И ДОНБАССА

Жизнь на войне полна неожиданностей.

Наутро, после партийного собрания, я проснулся с мыслью о боевых вылетах, а тут на пороге дежурный офицер:

— Старший сержант Скоморохов, в штаб!

— Зачем? — механически спросил я.

— Там все узнаете...

«Что еще стряслось?» — екнуло сердце.

Наскоро умывшись, спешу в штаб.

Там меня встречает улыбчивый майор Бравиков.

— Поздравляю, Скоморохов! Ты назначаешься заместителем командира эскадрильи и направляешься в тыл на курсы начальников воздушно-стрелковой службы полков.

Опешив от таких новостей, я не сразу сообразил, что у меня больше оснований огорчаться, чем радоваться.

Повышение по службе всегда приятно, но когда оно связано с отправкой на шестимесячные курсы, которые не имеют никакого отношения к твоим новым должностным обязанностям, тут поневоле задумаешься.

Я бросился к командиру полка.

Алексей Дмитриевич встретил меня с невозмутимым видом. Он сказал:

— Другого выхода нет. На курсы нужно послать опытного, боевого командира эскадрильи или равноценного заместителя. А я не могу никого отпустить — назревают очень большие события. Ослабить сейчас руководящий состав эскадрилий было бы непростительной ошибкой. Вот и пал выбор на тебя. Поучишься, вернешься — будет у тебя новая должность.

— Значит, назревают большие события, а меня — в тыл... Чем же я заслужил такое?

— Заслужил. Кроме тебя, мне некого сейчас повысить в должности, чтобы послать на курсы. А приказ надо выполнить.

Никакие мои доводы не могли поколебать Мелентьева в правильности принятого им решения. Удрученный таким поворотом дела, я про себя решил: «Ладно, деваться некуда. Поеду. Но любой ценой вырвусь обратно».

Командир полка, видя мое состояние, как бы между прочим заметил:

— У тебя ведь на Волге старики живут?

— Волга большая, а мои родители — в Астрахани.

— Ничего страшного. Сколько дней дали тебе на дорогу?

— Три.

— Скажи Бравикову, пусть добавит еще два, навестишь стариков.

Ух, и хитрюга наш комполка! Рассчитал точно: кто же откажется от такого?

Но... назревают большие события. А я в стороне... Мелентьеву нетрудно было догадаться, о чем я думаю:

— Хватит, Скоморохов, и на твою долю больших событий. Езжай, учись. Передашь начальнику штаба курсов полковнику Мееру привет от меня. Он был начальником авиационного училища, когда я там служил командиром отряда.

«Обязательно передам... Меер мне и поможет»,— подумал, прощаясь с командиром.

И вот я снова в городе моего детства. Милые сердцу кривые улочки, знакомая до боли облезлая, покосившаяся мазанка... Я приближался к ней, сдерживая себя, чтобы не броситься вприпрыжку, как в детстве. А сердце стучит все учащеннее, и трудно его унять.

Святое чувство возвращения к родному очагу... С чем сравнишь его, как расскажешь о нем?

Я толкнул рукой дверь — и только сейчас заметил замок. Душу наполнила тревога. Тут появилась у калитки мать Жени Чайкина.

— Вам кого, молодой человек?

— Да вот хотел повидать Михаила Ивановича и Елену Лазаревну...

— Так они на реке, с полчаса как ушли. А вы кто же им будете?

— Да так...— ответил я и бросился к Волге. По дороге оглянулся — Чайкина застыла, пораженная: тропинку, по которой я побежал, знали только жившие здесь мальчишки.

Вот он, родной берег моей любимой реки!

На мгновение забыто все, чем я жил последние три года. Только Волга и я. Она неудержимо манила к себе ласковым накатом волны, солнечной отмелью, речным раздольем!

— Дядя, дядя, вы с войны? — вдруг дернула меня за гимнастерку чья-то слабая ручонка. Оглянулся — большеглазая белокурая девочка.

— Тебя как звать?

— Маша.

— Маша?!

— Да, а что?

— Ничего, девочка, на вот тебе шоколадку, беги домой...

Малышка понесла домой подарок.

Почему такой теплотой отдалось в груди имя Маша? Я хотел встретиться с ней, как с другом детства. А тут неведомая до сих пор волна обдала всего томительно-сладостным жаром...

Бегу вдоль берега Волги. Вот уже знакомое устье речушки Дармы — обычно в ней мы ловили рыбу.

Да, но где же отец с матерью?

Вот она, наша лодка! Отец на веслах, мать — на корме, правит. Кричу, чтобы пристали к берегу.

Услышали меня, приблизились:

— А что там, подвезти вас?

У меня словно комок в горле застрял, не могу слова сказать.

Не узнали меня. Да и как узнать — уехал от них мальчишкой, а тут стоит стройный худощавый военный, в портупее, добротных сапогах...

Материнское сердце — чуткое.

Лодка вдруг резко развернулась. Пошла к берегу. Слышу взволнованный голос матери:

— Греби скорее, отец, это наш Коля.

Я почти на руках вынес мать из лодки — какая же она маленькая, худенькая... Помог сойти на берег отцу. Трудно им жилось. Или, может быть, это я так окреп? Скорее всего — и то и другое.

Слезы, объятия, опять слезы. Я как мог успокоил родителей, снова усадил их в лодку, налег на весла, и мы направились домой. Очень хотелось половить рыбу, но разве до этого!

Дома отец и мать не знали, куда меня усадить, чем угостить. А я, осмотревшись-освоившись, стал рваться на улицу, к знакомым, к Маше.

Удивительно: пока ехал — встреча с Машей представлялась мне делом простым и обычным. А вот сейчас вдруг почувствовал робость. Что случилось со мной, куда девалось прежнее спокойствие?

Эх, юность, юность... Даже пройдя горнило войны, она остается робкой и беззащитной перед нежными ростками первой любви....

Быстренько переодевшись в то, что нашлось у отца, я снова, как мне казалось, превратился в прежнего мальчишку.

Отец молча наблюдал за мной. Потом подошел, ощупал мои руки, ноги.

— Ты в самом деле цел, невредим?

— Ни одной царапины, батя!

— А как же домой попал? — Я заметил его серьезный и пристальный взгляд.

— В краткосрочный отпуск... На полтора дня.

— А за что такая честь?

— За пять сбитых фашистов...

Мать всплеснула руками.

— Коля, это правда? — спросил отец.

— Правда, батя.

— Ну, спасибо тебе, сынок, обрадовал.— Отец обнял

меня и сказал: — А теперь иди, искупайся в Волге, чтобы счастье тебе не изменяло.

Поцеловав родителей, я выскочил на улицу. И снова тут как тут соседка Чайкина.

— Колька, чертенок! Что ж ты сразу не признался? В военном тебя трудно узнать. Скажи хоть, как в края наши попал? Двое моих воюют, а вот ни один не заглянул.

— Да и я случайно... Завтра уезжаю.

— Как это «случайно»? — округлились соседкины глаза.— Ты ведь не первый приезжаешь. Только те были в ранах или все в наградах. А у тебя, смотрю, ни того, ни другого. Парень — кровь с молоком и... случайно.

— Ну не совсем случайно — еду за новым самолетом, крюк сделал.

— Так что ж ты сразу не сказал? Это совсем другое дело. Ну иди, иди к дружкам. Жаль, Женьки нет...

Ну и Чайкина! Или грудь в крестах, или голова в кустах! Третьего не признает.

Вот какие мы, люди волжские!

Наплававшись, нанырявшись всласть, лег на спину, и меня понесло течение. Вокруг — звенящая тишина. Небо бездонное, голубое.

Почему раньше не слышал этой тишины, не замечал этой пронзительной голубизны? Да просто не знал им цены. Это как в детстве бывает: узнаешь, насколько дорога тебе игрушка, когда ее теряешь. Тишина и небо — вот она, прекрасная жизнь. Потерять это — потерять все.

— Колька-а-а, вылазь, хватит купаться.

Я посмотрел на берег. Кричит мой старый дружок Сергей Ларин. Мы с ним были в Батайске. Его вместе с другими взяли в пехоту, он был ранен и списан.

Спешу на берег. После крепкого рукопожатия Сергей рассказал об участии в боях за Кавказ, начал изливать свою душу: теперь, мол, все с оружием в руках, а он на счетах щелкает...

Я посочувствовал ему, как мог утешил, и мы пошли в заводской поселок.

Мне все время хотелось спросить, что он знает о Маше, видел ли ее. Сергей как будто прочел мои мысли.

— Ты Марийку Князеву помнишь? — спросил он.

— Помню,— насторожился.— А что?

— Да ничего особенного, просто мы, как-то случайно встретившись, говорили с ней о тебе.

Снова в сердце ударила теплая волна.

Удастся ли мне увидеть Машу? Домой к ней ни за что не пойду — с ее матерью незнаком. Да и не представляю себя в роли нежданного гостя. Сергей может оказать мне услугу, но... просить не стану, мало ли что подумает.

Вот ситуация!

Выручило одно непредвиденное обстоятельство: слух о моем приезде молниеносно прошел по всем улицам. Докатился он и до Маши. Мы встретились в городском парке, в том уголке, где гурьбой собирались до войны.

Нежная, кудрявая, в простеньком платьице, в туфельках на среднем каблучке, она застенчиво смотрела на меня. Мы не бросились друг к другу. Сдержанно поздоровавшись, произнесли несколько малозначащих фраз, а глаза наши, сердца наши вели совсем иной разговор.

Догадливый Сергей, сославшись на какую-то причину, скоро ушел.

Мы остались вдвоем.

Листья астраханского парка шептали нам, что мы любим друг друга. Но мы сами признаться в том не смели.

Когда опомнились — полночь!

— Ой, я никогда еще так поздно не гуляла, достанется мне от мамы.

Перед лицом опасности женщины всегда решительнее нас, мужчин. Прощаясь, Маша неожиданно поцеловала меня в губы и легкокрылой птичкой влетела в дом.

Я стоял в растерянности, ждал, не выйдет ли Маша. В окне погас свет, и я, счастливый, медленно пошел домой.

На следующее утро до последней минуты ждал на вокзале Машу. Она так и не пришла. Наверное, мать наказала ее за вчерашнее опоздание, не пустила.

Грустно было покидать родной город.

Вернусь ли?

...По дороге на курсы снова и снова перебирал в памяти все подробности краткого отпуска. Вспоминал пристрастные расспросы отца и соседки о причинах моего приезда. Это еще больше укрепило мою решимость вырваться на фронт, к моим боевым друзьям.

В указанный день представился начальнику штаба курсов полковнику Мееру, вручил ему командировочное предписание, а личное дело оставил пока у себя. Завя-

залась беседа, я передал ему привет от Мелентьева. Он заулыбался:

— Как же, помню, помню, один из лучших командиров отряда.

Когда шел к Мееру — готов был сразу просить его отправить меня на фронт. И вдруг понял: ничего не добьюсь, начальнику штаба курсов тоже ведь нужно какое-то основание, чтобы меня отпустить. Да и, наверное, подобные просьбы ему не в новинку. Нет, надо действовать как-то иначе.

На следующий день — медицинская комиссия. Прекрасно! Первому же врачу заявил, что у меня давно болит голова после удара при вынужденной посадке.

Не знал, что подобные заявления врачи выслушивали не раз. Сами они решений не принимали, но докладывали начальнику штаба.

При новой встрече Меер приятно улыбнулся, пожал руку:

— Хочешь снова на фронт?

— Так точно, товарищ полковник.

Он немного подумал, полистал лежавшие на столе бумаги.

Я, осмелев, сказал:

— Я один прибыл к вам в звании старшего сержанта. Все офицеры. Я же не имею никакого опыта. Я никогда не был заместителем командира эскадрильи. Меня ошибочно прислали к вам...

— Говорите, ошибочно? — прервал меня Меер.— А если мы вас не отпустим — все равно будете рваться на фронт?

— Буду, товарищ полковник! Сейчас надо сражаться.

После глубокого раздумья он произнес:

— Ну что ж, передайте привет Мелентьеву. И скажите, пусть впредь не ошибается...

В эскадрилью я вернулся в разгар сражения на Курской дуге. Мелентьев этому обрадовался: и приказ выполнен, и летчик в боевом строю.

Фашистский фельдмаршал Манштейн сосредоточивал танковую армию в районе Прохоровки. Я отправился в первый боевой вылет после вынужденного перерыва. Досадно было сознавать, что отсутствовал в начале этой грандиозной битвы, хотелось хоть теперь наверстать упущенное.

Меня поразила битва под Курском. Горели земля и

небо. Было такое впечатление, будто нырнул с открытыми глазами в илистое озеро или попал в песчаную бурю. В кабину проникали чад, гарь и пыль. Они лишали возможности искать врага, видеть ведомых и наблюдать панораму развернувшегося сражения.

Вылет прошел без особых приключений, если не считать того, что в воздухе сохранить боевой порядок не удалось — Попов, Мартынов, Овчинников потеряли друг друга и возвращались все на последних каплях горючего. Я, беспокоясь о товарищах, забыл выпустить шасси, стал заходить на посадку. И вдруг вспыхивают ракеты. Ничего не понимая, продолжаю планировать; и тут вижу, как на спину падает финишер и начинает вовсю дрыгать ногами. Я теперь понимаю, чего он хочет,— по газам и на второй круг. И тут с облегчением вижу: на аэродром вернулись все невредимыми.

Наша эскадрилья не имела потерь. Хотя гитлеровцам мы наносили урон ощутимый: уничтожали их самолеты в воздухе и на земле, штурмовали вражеские коммуникации, укрепления.

Фашисты изо всех сил пытались нам помешать. Один массированный налет на наш аэродром чуть не кончился для меня трагически.

Мы дежурили у самолетов. Стоял знойный полдень. Я пошел к бочонку с водой. Только прикоснулся губами к краю алюминиевой кружки — слышу крик техника Мазура:

— Они летят!

Все знали, какой необычный слух у Мазура: он улавливал гул вражеских моторов намного раньше, чем другие.

Я бросился на стоянку. Мне пришлось летать на разных машинах — моя находилась в ремонте с тех пор, как Жиряков в мое отсутствие посадил ее на «живот». Летчики знают, что к любой машине надо привыкать: освоиться, узнать норов — легка или тяжела в управлении, каков мотор, как ведет себя на взлете и при посадке? Самолет, на котором много летаешь, ты чувствуешь, знаешь его возможности.

А сейчас мне пришлось иметь дело с «необъезженным» «ястребком». Заняв место в кабине, я, как всегда, пристегнул только поясные ремни.

Под бомбами начали с Шевыриным взлет. Снова у нас буквально под плоскостями хлопали «лягушки» — специ-

альные бомбы с крыльчатками, взрывавшиеся от прикосновения к чему-либо. Их осколки попали в правое колесо моего истребителя. Но я не прекратил взлет.

Больше никто из наших не смог подняться в воздух. И нам с Шевыриным пришлось вдвоем вести бой над Нижней Дуванкой. В прошлый раз мы разделались с врагом, а как будет сейчас? «Мессеров» штук восемь. Я зашел в хвост четверке. Замыкающий гитлеровец чувствует, что вот-вот будет прошит свинцовой очередью, не выдерживает, ныряет вниз. Остальные трое взмывают ввысь. Мы с Шевыриным за ними. Настигаем, сближаемся. «Мессеры» энергичным переворотом уходят вниз. Мы — следом. Выполняем целый каскад фигур высшего пилотажа. А вокруг все пространство исполосовано шнурами трассирующих очередей. Каждая из них для кого-то предназначалась, но не достигла цели.

Когда гитлеровцы перешли в пикирование, я лег на спину: удерживая самолет в перевернутом горизонтальном полете, стал наблюдать за общей воздушной обстановкой.

И тут подвело мое незнание характерных особенностей машины, на которой я взлетел. Каждый Ла-5 имел свое лимитированное время полета в перевернутом положении, как только оно истекало — подача горючего прекращалась. Разница во времени незначительная, однако незнание ее чревато плохими последствиями.

Я передержал истребитель вверх колесами — мотор показал свой норов. Меня сразу понесло вниз. Пара «мессеров» тут же устремилась за мной. Шевырин отбивает их.

Пытаюсь запустить мотор — ничего не выходит. Немцы поняли это и увязались за нами целой вереницей. Верный мой друг Валентин... Как он управится с этой черной стаей? А мне что делать? Высота тысяча метров. Так можно и в землю врезаться. Осматриваю местность — нет подходящей площадки, да и не дадут фашисты приземлиться. Пожалуй, надо прыгать с парашютом. Рассчитать так, чтобы как можно меньше под куполом находиться — иначе в воздухе расстреляют. Но затягивать чересчур нельзя — можно и не успеть.

Откидываю фонарь. Расстегиваю привязные ремни. Высвобождаю ноги из педалей. Приподнимаюсь и тут начинаю ощущать какую-то необычную легкость. В чем дело? В последующую долю секунды вздрагиваю, вспомнив,

что парашют-то не пристегнул! Вывалился бы из кабины — и поминай как звали.

Скорей обратно в кабину. Но это не просто сделать: сильная воздушная струя так и стремится вытянуть меня из кабины.

Борюсь, напрягаю все силы, и вот снова в сиденье, беру управление, уменьшаю угол снижения, начинаю альвеером подкачивать бензин.

Земля уже близко.

Вокруг меня шнуры эрликонов. Прицельный огонь вести «мессерам» не дает Шевырин — сражается, как лев.

Эх, завести бы мотор!

Знаю, чудес на свете не бывает...

Но чудо свершилось — мотор заработал.

Ну, гады, теперь держитесь! Прижимаюсь к земле. Скорость! Скорость! Резко перевожу машину на горку. Враги, считавшие меня своей добычей, испуганно шарахаются в стороны. Валентин быстро пристраивается ко мне. Набираем высоту, занимаем выгодную позицию, преследуем фашистов, сближаемся...

— Атакуем! — передаю ведомому.

Вырвавшись из беды, я со всей накипевшей яростью всадил в первого попавшего в прицел стервятника смертоносную пушечную очередь. Он вздыбился, как остановленный на полном скаку конь, вошел в штопор.

В сторонке как-то странно «заковылял» второй «мессер» — его подбил Шевырин.

О случившемся со мной в том воздушном бою многие, с кем мы вместе служили, узнают, лишь прочитав эти строки: самыми тяжелыми переживаниями люди делятся неохотно. Я тогда еще раз заглянул смерти в глаза...

Мы будем участниками еще многих сражений и битв. Но Прохоровка с ее чадным, пропитанным резким запахом горящего металла воздухом, в котором нам пришлось действовать, останется неповторимой, единственной в своем роде. Это было испытание, которое с честью выдержали советские воины. В нем в смертельной схватке столкнулось с обеих сторон около 1500 танков и самоходных орудий.

Броня на броню, огонь на огонь...

Мы гордились тем, что в достижение этой победы были вложены немалые усилия и наших авиаторов. С 5 по 16 июля летчики 17-й воздушной армии произвели 4230 боевых самолето-вылетов, уничтожили в общей сложности

до 400 танков, 1050 автомашин, 12 переправ, 84 зенитных батареи... В более восьмидесяти воздушных боях было сбито 83 стервятника. Около 100 вражеских машин уничтожили прямо на аэродромах.

В те дни по всему фронту прокатилась слава о бесстрашном летчике гвардии старшем лейтенанте А. К. Горовце. В одном бою он сбил девять фашистских бомбардировщиков. Но и сам отважный летчик погиб в неравном бою при возвращении на аэродром, будучи атакован четверкой «мессеров». Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

17 июля войска Юго-Западного фронта под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского перешли в наступление из района Изюма на Барвенково. Прославившаяся в Сталинграде гвардейская армия генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова форсировала Северский Донец, завязала упорные бои на берегу реки. Летчики 17-й воздушной армии в это время вели бои за Белгород, Харьков, Славянск, Барвенково.

Наш 164-й полк вернулся в те места, где получал очередное боевое крещение. В 1942 году он действовал на харьковском направлении.

И вот теперь, накопив большой боевой опыт, полк осуществляет свою освободительную миссию. Оглядываясь на пройденный путь, очень радовались его ветераны: командир и комиссар, начальник штаба, Борис Кравец, Гриша Опискевич, Анатолий Морозов, Владимир Евтодиенко.

Что касается Евтодиенко, то он непрерывно пополнял счет сбитых самолетов, действовал решительно, напористо, часто прибегал к лобовым атакам. Два стервятника были уничтожены им и в районе Курской дуги.

В это время Владимир Евтодиенко назначается командиром эскадрильи.

Совершенствуют свое боевое мастерство и другие летчики: Александр Белкин, Иван Алимов, Султан-Галиев, Иван Кольцов, Сергей Шахбазян.

30 июля 1943 года — радостный день: награждение летчиков орденом Красного Знамени. Высокой награды удостоился Владимир Евтодиенко. Мне тоже вручили первый орден.

Сражаясь, мы не думали о наградах. Но я не ожидал, что само награждение может так взволновать, обрадо-

вать, окрылить. Приятно сознавать, что тебя ценят и отмечают твои боевые успехи. На полковом митинге выступили командир и комиссар, предоставили слово и орденоносцам. Мы заверили всех, что и впредь будем драться с утроенной энергией, беспощадно громить ненавистного врага в воздухе и на земле, не щадя своей крови и самой жизни.

После митинга наступили дни суровых испытаний. Мы поднимались в воздух по шесть-семь раз на день, встречались с целыми армадами бомбардировщиков, скрещивали огненные трассы с многочисленными «мессерами».

Небо над Курском, Белгородом, Харьковом, Изюмом, Барвенково было ареной напряженнейших кровопролитных воздушных схваток. Враг не мог примириться с поражением на Курской дуге. Мы старались не дать ему опомниться, бить его в хвост и в гриву, метким огнем гнать с нашей земли.

5 августа в столице нашей Родины Москве прозвучал первый в истории минувшей войны салют в честь освобождения Орла и Белгорода, успешного завершения грандиозного сражения на Курской дуге. С того дня салюты в честь ознаменования выдающихся побед Красной Армии стали традиционными.

Никому из нас не довелось видеть и слышать первый салют. Но сообщение о нем вызвало у наших авиаторов ликование.

— Слышал, Скоморох, как Москва нас благодарит? — спросил при встрече Володя Евтодиенко.

— Замечательный салют, здорово,— ответил я.— Весь мир о нем знает...

Не думал я тогда, что это будет последний разговор с моим боевым учителем...

Прошло еще пять дней беспрерывных вылетов и боев, а на шестой Володя сложил крылья вблизи родного Ворошиловграда.

У меня в сердце как будто открылась рана — такими мучительными были мои переживания. А еще через неделю — новый удар: не вернулся из полета Сережа Шахбазян. Потом удар за ударом: потеряли Ваню Григорьева и Ваню Алимова.

Август вошел в жизнь полка цепью невосполнимых потерь. Война безжалостно, немилосердно вырывала из наших рядов лучших воздушных бойцов, требуя крови за каждый успех.

Непреходящая горечь в душе. И не только в моей. Сколько прекрасных товарищей уже ушло от нас... И кто знает, сколько еще верст отмерено военной судьбой и тебе...

Прибыли свежие газеты. Мы жадно набросились на них: что там нового, куда войска наши продвинулись?

— Ура! — восклицает Шевырин.— Скоро будет взят Харьков!

Я выхватил у него газету, стал читать. Мы все знали, что Харькову не везло — его уже один раз освобождали. Хотелось знать, как будут обстоять дела сейчас. Нет, теперь все будет по-иному.

Читая о событиях в районе Харькова, я никак не предполагал, что они коснутся и меня.

Но это произошло буквально в следующую секунду.

Ко мне подлетел запыхавшийся посыльный:

— Товарищ старший сержант, срочно к командиру!

«Неужели придумали еще какую-нибудь командировку? Нет уж, дудки, на этот раз не сдамся»,— решаю про себя, следуя за посыльным.

Я не ошибся — мне действительно приказали быть готовым отправиться на новое место назначения. Но на этот раз не в тыл, а на самый передний край, под Харьков. И... во главе эскадрильи!

— А что случилось с Устиновым? — спросил я.

— Заболел. Будете временно его замещать,— сказал майор Мелентьев.

— Такое доверие — большая честь. Но справлюсь ли я?

— Мне говорили, и я вам повторяю: не святые горшки обжигают. Идите готовьтесь, завтра — на новый аэродром, будете взаимодействовать с истребительным полком, которым командует Онуфриенко.

— Онуфриенко?! — невольно вырвалось у меня, но, тут же смекнув, что мой восторг может уколоть Мелентьева, я сбавил тон до обычного: — Мне еще ни разу не приходилось организовывать взаимодействие, как бы не наломать дров...

— Не наломаешь. Онуфриенко опытный командир, поможет...

Покинув штаб, я не шел — летел. Еще бы — снова встречусь с Онуфриенко! Пусть даже не на земле, а в воздухе — лишь бы побыть рядом с человеком, ставшим для меня крестным отцом.

Правда, я еще не знал, что Григорий Денисович был отцом для всего полка. И в воздухе, и на земле его иначе и не называли, как «отец Онуфрий».

Прощай, Нижняя Дуванка, ставшая заветным рубежом в моей жизни...

Эскадрилья приземлилась на полевом аэродроме между Купянском и Чугуевом. Прикрываем наши войска, штурмующие Харьков. Шевырин, Мартынов, Овчинников, Купцов и другие летчики эскадрильи буквально не покидали кабин истребителей. Возвращались на дозаправку горючим, пополнение боеприпасами и снова — взлет.

Мне тут впервые довелось столкнуться со всем многообразием командирских забот. Их круг оказался гораздо шире, чем можно было предполагать: от устройства ночлега до организации воздушного боя. Парторг эскадрильи временно отсутствовал. На мои плечи легла вся партийно-политическая работа.

Впервые я попробовал командирского хлеба и понял, что он далеко не сладок. Особенно на войне, где любая твоя ошибка, оплошность оборачивается жертвами. А у меня к тому времени уже складывалось твердое убеждение: жертв не должно быть, их надо избегать, упреждать. Ну как объяснить гибель Льва Шиманчика, на разбеге столкнувшегося с другим самолетом? Не сработали тормоза? Но ведь они-то отказали по чьей-то вине. Значит, будь этот кто-то более внимателен — ничего подобного не произошло бы...

В авиации, как нигде, многое зависит от добропорядочности, добросовестности людей. Следовательно, чтобы умножались успехи, изживались неприятности — надо работать с людьми. Всегда и везде, постоянно и непрерывно.

На полевом аэродроме не было никаких удобств. Пришлось создавать их. Мы старались, чтобы каждый мог отдохнуть, позаниматься. Конечно, о четком распорядке дня можно было только мечтать. Но все же выкраивали время, чтобы поговорить, обменяться новостями, послушать радио, почитать газеты.

Мы наладили выпуск стенгазеты. В ней — вся наша летная жизнь: кто отличился в боях, кто «козла отмочил» при посадке, находится место и для серьезных материалов, и для юмора. Кажется, простое дело — стенгазета, а все-таки свою живую струю вносит в коллектив, формирует в нем определенное настроение.

...Наша грунтовая полоса напоминала конвейер. Никогда здешние места не оглашались таким непрерывным ревом моторов. Одни машины взлетали, другие садились, а курс всех полетов был один — небо Харькова.

Там — сплошные пожарища, черные столбы дыма. Как и под Курском, мы иногда не видим, что творится на земле. Все внимание — небу, врага стараемся замечать первыми и не давать ему спуску.

Атакуя стервятников, я все время думал: где же Онуфриенко, почему мы с ним не взаимодействуем?

И вот как-то, когда наша группа собралась уходить, увидели вдали восьмерку Ла-5. Кто такие? Подходят ближе. Вдруг слышу в шлемофоне:

— Молодцы твои, Скоморох, небо чистым держат!

Я узнал голос майора Онуфриенко, очень обрадовался.

— Ждите, сейчас вернемся, вместе поработаем...

— В другой раз, Скоморох,— ответил Онуфриенко, и его восьмерка промчалась дружной стайкой.

Лишь потом мы узнали, что они наносили удар по вражеским аэродромам под Харьковом. Тогда было уничтожено на земле около 20 самолетов. Вот что означало наше взаимодействие: пока мы держали небо чистым, Онуфриенко «чистил» неприятельские аэродромы. Я жалел, что нам не пришлось сражаться в воздухе вместе, крылом к крылу.

В ночь на 23 августа наш рабочий Харьков был освобожден. Вечером того же дня Москва салютовала в честь новой победы. Эскадрилья получила приказ перебраться на полевой аэродром в Кременную, где теперь разместился весь полк. Я решил, что на этом взаимодействие, встречи с Онуфриенко закончились. Но, к счастью, ошибся.

В Кременной увидел всех младших командиров, с которыми летал над Адлером, в погонах младших лейтенантов. Поздравил их, они — меня. Почему же тогда командир полка, выслушав мой доклад, ничего не сказал по этому поводу? Нет, здесь что-то не так. Некоторые говорили, что моей фамилии в приказе почему-то не оказалось. Однако идти выяснять неудобно. Продолжал ходить в погонах старшего сержанта.

И тут к нам прилетел командарм. Здороваясь с летчиками, заметил у меня на плечах сержантские погоны.

— Почему не сменил?

— Не могут офицерских раздобыть,— бухнул я, чтобы не подводить свое начальство.

— Чепуха какая-то... Майор Мелентьев, позаботьтесь о погонах для младшего лейтенанта Скоморохова, ему некогда это сделать...

Не знаю, как уж там штаб выкручивался, но к концу второго дня приказ был издан, я стал младшим лейтенантом.

Как и первый орден, первое офицерское звание подняло, возвысило меня в собственных глазах, придало больше уверенности и самостоятельности. «Летчик-истребитель сержант...» звучало не очень-то весомо и авторитетно. По положению — офицер, по званию — сержант, а кто на самом деле? Мы — командиры экипажей, а у многих подчиненные техники — офицеры. Тут явное несоответствие законам воинской службы.

Но, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается. Мы стали офицерами, а это ко многому обязывало. И прежде всего — к новым победам в боях.

А они разгорелись здесь жаркие, похожие на кубанские, курские. Начиналась эпопея освобождения Донбасса, угольного края, которым мечтали владеть германские монополии. Просто так уступать его гитлеровцы не собирались. Это мы почувствовали в первых же схватках: фашисты дрались упрямо, зло. Они стали часто прибегать к массированным налетам. При отражении одного из них нежданно-негаданно произошла наша встреча с Онуфриенко.

В небе, казалось, негде даже птице пролететь — его заполнили многоярусными косяками «хейнкели», «юнкерсы», «фоккеры», «мессеры». Все они направлялись в район Долгенького, где вела ожесточенные бои за расширение плацдарма на правом берегу Северского Донца легендарная гвардейская армия В. И. Чуйкова.

Фашистов — несколько десятков. Нас — восьмерка. А там, на берегу реки, сражающиеся гвардейцы.

Решение могло быть только одно — вперед на врага! Сорвать его замысел, спутать ему все карты, а там уж что будет. Это был как раз тот случай, когда достижение цели окупалось любой ценой. И мы все: Шевырин, Мартынов, Овчинников, Купцов, Султан-Галиев, Володин — были готовы так поступить.

Девять фронтовых месяцев не прошли для нас даром. Во всяком случае, сейчас, при виде всей этой смертоносной армады, с которой нам предстояло сразиться, у нас уже не бегали мурашки по спине, не потели ладони рук,

сжимавших штурвалы истребителей. Боевая работа входила в привычку; проявление выдержки, стойкости, храбрости становилось обычной нормой поведения.

Спустя тридцать лет пионеры и комсомольцы при встречах с нами будут спрашивать:

— А не страшно вам было восьмеркой встретить сорок фашистских самолетов?

И не очень будут верить тому, что страха, в полном смысле этого слова, мы уже не испытывали.

Недаром говорится: привычка — вторая натура. Война перекраивала нас на свой лад.

...Окидываю строй группы. Все идут твердо, уверенно, держатся своих мест.

— Атакуем! — коротко бросаю в эфир.

Наша четверка устремляется к «мессершмиттам», вторая четверка во главе с Мартыновым вихрем врывается в строй «юнкерсов».

Невообразимая карусель. Наши самолеты словно растворились среди крестоносных машин — трудно было уследить, кто где и что делает. Все же наша берет!

Мы увидели, как вражеские бомбардировщики один за другим открывали люки, поспешно сбрасывали бомбы на свои же войска и тут же разворачивались, ложились на обратный курс. Их атаковали краснозвездные истребители, а тех, в свою очередь, «мессеры». Я, ведя бой, старался хорошенько наблюдать и, если замечал, что кому-то грозит опасность, посылал туда на подмогу истребитель из своей четверки.

Бой длился уже двадцать минут. И пока что никаких потерь ни с той, ни с другой стороны. Но зато от гвардейцев Чуйкова удар отведен. А это главное! Командир корпуса генерал-майор О. В. Толстиков учил нас: превыше всего ценится на войне взаимная выручка.

Пошла тридцать пятая минута, а в небе — стальной клубок.

В баках «лавочкиных» стало подходить к концу горючее. Постепенно приходится пару за парой выводить из боя, отправлять на аэродром. Наконец остались мы вдвоем с Овчинниковым. Держимся на последних каплях бензина, а тут несколько «юнкерсов» направляются в район Долгенького. Их плотным строем прикрывают «мессеры». Эх, сейчас бы чуток лишнего горючего. Рискуя, бросаемся в последнюю атаку, бьем из всего борто-

вого оружия, видим, как один «юнкерс» задымил, стал терять высоту.

Порядок!

И вдруг слышу голос Овчинникова:

— Еще несколько минут — и пойду на вынужденную...

Взглянул на свой бензомер — стрелка тоже тянется к нулю, но кое-что в запасе еще есть: у ведущего радиусы разворотов меньше и расход горючего тоже.

— Выходи из боя,— отвечаю Овчинникову.

Легко сказать — «выходи из боя». А как выполнить такой приказ, если для этого нужно оставить командира одного?

Обычно тихий, исполнительный, Вася Овчинников вдруг запротестовал:

— Скоморох, не могу уйти, остаюсь.

Для уговоров времени нет. Резко бросаю:

— Вася, уходи, без горючего пропадешь! Уходи!

Он взял курс на аэродром.

Я связался с землей:

— Остался один, продержусь не больше пяти-шести минут.

Слышу взволнованный голос Толстикова:

— Понял тебя, держись! — Наступила пауза и снова: — Держись, очень и очень нужно...

Что это означает — представляю. Несколько дней назад мы с Мелентьевым побывали на НП 8-й гвардейской армии. И там смогли посмотреть, что за пекло наземный бой, когда один за другим вспыхивали встретившиеся в лобовой атаке наши и немецкие танки. А тут еще бомбежка — засыпанные траншеи и кладбище искалеченных, горелых машин.

«Держись, очень и очень нужно...»

Ясно было, что слишком туго пришлось пехотинцам, нельзя ни одного стервятника пропустить к нашему переднему краю.

Бросаюсь в новую атаку, но тут же вижу, что меня крепко взяли в клещи два «мессера». Попробовал ринуться влево, вправо — огненными трассами преграждают путь. Я круто переломил траекторию полета, взмыл ввысь. А там как раз выстраивались в колонну «юнкерсы»,— врезался в нее. Строй снова распался, а мне от «мессеров» оторваться не удалось. Они, как привязанные, идут следом, вот-вот изрешетят мою машину.

Деваться некуда — как в бездну, бросаюсь вниз. А там поджидают еще два «мессершмитта».

— Скоморох, ты где? — вдруг услышал я знакомый голос.

Онуфриенко! Вот так встреча!

— Я — Скоморох, отбиваюсь от «мессеров».

— Вижу, иду на помощь...

У меня сразу приток новых сил. Как же все-таки много значит в бою чувство локтя...

Повинуясь моей воле, истребитель снова резко взмыл ввысь. Мы почти разминулись с преследовавшей меня на пикировании парой. Ну, теперь не возьмете, гады!

Но почему вдруг стало тихо вокруг? Почему машина начала заваливаться набок? Ах, черт! Горючее кончилось. В последние секунды я совсем забыл о нем.

— Скоморох, что с тобой? — слышу Онуфриенко.

— Баки высохли, иду на вынужденную.

— Тяни к Северскому Донцу, прикрою...

Он отбивал наседавших на меня «мессеров». Я, стараясь приземлиться на своей территории, снижался пологим планированием.

До самой земли шел под надежной охраной своего крестного отца. Потом, занятый посадкой, потерял его самолет из виду.

Мне казалось, что внизу ровное поле — решил шасси выпустить, чтобы не вывести самолет из строя. Но я попал впросак: поле изрыто окопами. Пришлось лавировать, чтобы не угодить в них колесами, не сломать стойки. Но в конце короткого пробега правое колесо попало в окоп, машина круто развернулась и застыла на месте.

Все-таки недаром инструкции требуют в случае вынужденной посадки приземляться на «живот». Это спасало жизнь многим летчикам.

Мою машину сразу же облепили гвардейцы Чуйкова. Они наблюдали за боем и теперь не столько спрашивали, сколько благодарили за то, что мы не позволили врагу отбомбиться. Я смог лично убедиться, насколько важно было держаться до последнего, не дать противнику осуществить его черный замысел. Теперь в небе Онуфриенко — никто сюда не прорвется. Спасибо ему, что вовремя подоспел, помог мне.

Пехотинцы взялись по телефонным линиям сообщить обо мне в полк, но им это долго не удавалось. Часа через два я включил приемник, стал прослушивать эфир. И уло-

вил голос Толи Володина. Связался с ним, сказал, где нахожусь.

Через пятнадцать минут Володин разыскал меня, стал в круг. Передал, что в полку меня считали сбитым. Договорились, что завтра сюда придет наш По-2.

Друзья-пехотинцы помогли мне устроиться на ночлег в копне сена. Под утро чувствую — какая-то сила стала поднимать меня. Проснулся — и тут уже услышал:

— Встать, руки в гору!

Я выбрался из сена и увидел бородатого старика, направившего прямо мне в грудь острые вилы.

— Кругом, диверсант, шагом арш! — скомандовал дед.

— Да свой я, летчик,— стал объясняться, улыбаясь.

Но дед был неумолим.

— Знаем мы таких своих! Шагом арш, там разберемся...

Теперь уже под стражей я снова предстал перед друзьями-пехотинцами.

Несмотря на усталость, крепкий сон, проснулись все, кто был в землянке. Смеялись долго, громко. А старик, ничего не понимая, только удивленно моргал глазами.

— Що, діду, набрали сіна? — шутил круглолицый солдат.

Спать больше не пришлось. Совсем рассвело — затарахтел По-2. На нем прилетел механик, старший сержант Ларичев, привез три канистры горючего и баллон со сжатым воздухом. Вместе обследовали Ла-5. Не нашли на нем ни одной пробоины, даже царапины от пуль.

— Вы что, заколдованный? — изумился Ларичев.

— Сам удивляюсь,— пожал я плечами,— снаряды летят мимо. А вот вынужденная — третья...

Но и в этих случаях мне очень везло — ведь пока что ни разу не пришлось садиться на оккупированной врагом территории.

Гвардейцы-пехотинцы помогли нам выкатить машину на проселочную дорогу. Мы ее заправили, и я, устроив в фюзеляже Ларичева, взлетел. Сверху взглянул на поле — там совершал разбег юркий По-2.

Удивительно простая это, но надежная машина. Среди немцев ходила легенда о «бесшумном, сверхсекретном русском ночном бомбардировщике». Им и был наш У-2, позже переименованный в По-2. На нем прошли обучение тысячи летчиков, и я в том числе. А в войну этот «не-

бесный тихоход» оказался просто незаменимым там, где требовалось взлететь и сесть в условиях крайне ограниченной площадки, произвести разведку, фотографирование, бомбометание с самой малой высоты... Связной, почтовый, спасательный, санитарный, разведывательный, боевой — все это знаменитый скромный труженик По-2.

Вот и меня он тоже выручил.

После доклада о случившемся отдыхать не пришлось — тут же новый вылет, новый бой.

А на следующий день к нам прибыл генерал Толстиков.

Собрав совещание всего летного состава, он зачитал нам благодарность генерала В. И. Чуйкова за обеспечение надежного прикрытия его армии, а затем передал просьбу командиров стрелковых дивизий о том, чтобы наши летчики находились не 25—30 минут над полем боя, а минут 45. Как это сделать наилучшим образом — надо обсудить.

Думалось, что вопрос решится очень просто — располагать полк поближе к переднему краю. Если базироваться от линии фронта в 20 километрах — можно иметь сорок — сорок пять минут чистого боевого времени. Но это без учета высот и скоростей. А как только начинали в расчеты вводить всевозможные коэффициенты — они становились далеко не радужными. Среди «коэффициентов» были и такие, которые начинали нас раздражать.

С появлением радио истребителей накрепко привязали к станциям наведения. Нам полагалось находиться на дистанции визуальной видимости с земли, на высоте 1,5—2 тысячи метров. Практически это означало, что мы должны были ходить в одном месте, по кругу со строго определенным радиусом. По этому поводу летчики шутили: «Не сражайся на ножах, а ходи в сторожах».

Между тем фашисты хоть и придерживались шаблонной тактики, но истребителю своему предоставляли полную свободу. Даже сопровождая бомбардировщиков, он имел право находиться там, где считал это выгодным. Многие ведущие наших штурмовых или бомбардировочных групп требовали, чтобы наши истребители обязательно находились в непосредственной близости от них, на дистанции визуальной видимости.

Все это сковывало нашу инициативу, лишало возможности активно искать врага, вынуждало занимать выжидательную позицию. Жизнь настоятельно подсказывала:

истребитель рожден для активного боя — больше самостоятельности! Недаром к тому времени у нас уже стали появляться эскадрильи и целые полки свободного боя. Жизнь брала свое. Только нас это еще не коснулось. Правда, отдельные ростки пробивались сами собой. В полку Онуфриенко был капитан Николай Горбунов. Несколько раз встречался он с фашистским асом, летавшем на «мессершмитте», на котором был нарисован черный дракон: знак многих побед в воздушных боях.

Ас действовал очень расчетливо, у него была хорошо продумана тактика внезапных атак.

Горбунову несколько раз досталось от него. Но нашего летчика сковывали то станция наведения, то необходимость прикрытия штурмовиков, он не мог позволить себе по-настоящему помериться силами с драконом. И тогда Горбунов попросил у Онуфриенко разрешения отправиться на свободную охоту. Тот дал согласие. В горячей изнурительной схватке черный дракон был повержен. Счет сбитых Горбуновым самолетов достиг десяти.

Вот что значила свободная охота!

Пытаясь как-то развязать себе руки, мы тоже шли на всевозможные ухищрения. Станем в круг над станцией наведения, потом группа отправляется в район самых активных действий, а пара остается — она имитирует наше присутствие, совершая вертикальный маневр. Однако некоторые так втягивались в тактику «круга», что не могли от нее избавиться.

С такими «круговиками» истинные бойцы-летчики неохотно ходили на задание. «Что толку заглядывать в хвост?» — говорили они.

Как же вырваться из замкнутого круга?

И однажды мы начистоту поговорили с командиром корпуса.

Он выслушал нас внимательно, что-то записал в блокнот.

— Надо поразмыслить,— сказал комкор,— а сейчас готовьтесь к завтрашнему перелету на новый полевой аэродром.

Враг, отчаянно сопротивляясь, откатывался, оставляя нам опустошенные города и села. Он вывозил все что мог, а что оставалось — сжигал и взрывал.

А наш наступательный порыв нарастал. Боевой дух летчиков поднимали наши победы, проводимые в полку митинги, партийные собрания, выступления агитаторов,

громкая читка газет, особенно нашей армейской — «Защитник Отечества», на страницах которой мы встречались с боевыми друзьями из соседних частей.

Партийная организация эскадрильи много внимания уделяла пропаганде боевого опыта лучших летчиков-истребителей, успехов наших наземных помощников — авиаспециалистов всех категорий. Доброе слово, вовремя сказанное, иной раз делало чудеса.

Коммунисты эскадрильи живо реагировали на все события. У нас сложился дружный, сплоченный коллектив.

Однажды на полевом аэродроме под Барвенково к нам пришли местные жители и рассказали, каким пыткам подвергся взятый в плен в бессознательном состоянии советский летчик. По их описаниям мы поняли — это был наш Сергей Шахбазян. Мы подробно расспрашивали их. Но, к сожалению, слишком мало знали местные жители. Они слышали только стоны, когда фашисты пытали летчика. Палачи, ничего не добившись, отправили мученика в Кривой Рог.

В наших сердцах затеплилась надежда: Шахбазян жив и еще вернется к нам. Она жила в нас до освобождения Кривого Рога, пока здесь нам не рассказали, что похожего на Сережу Шахбазяна летчика зверски замучили гитлеровские палачи. Ему предложили перейти на сторону вермахта, и в ответ Сережа плюнул в лицо фашистскому капитану.

Сереже было 22 года.

Он до конца остался патриотом Советской Родины.

...Под Лозовой сталкиваемся с двумя необычными, новыми для нас тактическими приемами фашистов.

Гитлеровцы, которых мы били теперь в хвост и в гриву, преследуя их самолеты до самых аэродромов и там уничтожая, пустились на всевозможные ухищрения, коварные уловки.

Как-то при подходе четверкой к переднему краю я услышал в наушниках приятный женский голосок:

— Скоморох, Скоморох, ваш аэродром бомбят «юнкерсы», следуйте туда. Немедленно! Немедленно!

Что такое? Откуда взялись «юнкерсы», если мы в пути никого не встретили? А ну-ка, уточню.

— Я — Скоморох. Какой аэродром бомбят «юнкерсы»?

— Аэродром Нижняя Дуванка, срочно следуйте туда.

Может быть, и вправду там сейчас нужна наша помощь?

Связываюсь со станцией наведения. Слышу голос Толстикова:

— Скоморох, никого не слушай. Действуй по плану.

После выполнения боевого задания пришлось предупредить всех летчиков о гитлеровских провокационных штучках. Правда, их радистки весьма искусно подражали нашим, иногда трудно было узнать, кто говорит. Вначале это вызывало путаницу. Но потом уже ничто не могло сбить нас с толку.

А вскоре после этого наши летчики, возвращаясь с заданий, стали рассказывать о странном явлении: когда мы атакуем фашистские бомбардировщики, то их прикрытие бездействует. Может быть, немцы обознаются? Принимают нас за своих? Такое бывало на фронте.

Однажды командир полка В. Шатилин и инспектор корпуса А. Муштаев поспорили: кто из них лучше стреляет в воздухе. Решили проверить это в воздушном бою и тут же отправились на поиски врага. Очень быстро нашли цель, подбили ее. Приземлились — ясности никакой: попробуй определить, кто первый стрелял. Спор вспыхнул с новой силой.

В это время на аэродром примчалась легковая машина. Из нее выскочил весь ободранный, черный как трубочист, разъяренный летчик.

— Где эти храбрецы, которые только что меня подбили? — загремел он, потрясая кулаками.— Что они — ослепли?!

Оказалось, этот летчик работал на английских «харрикейнах». Внешне этот самолет очень похож на «мессера»...

Может быть, и в стане врага что-то там путают?

Ясность внес подслушанный разговор по радио летчиков, которые прикрывали немецких бомбардировщиков. Летчики говорили на румынском языке.

Так у нас появились неожиданные помощники. Наши ребята, возвращаясь на аэродром, докладывали:

— Задание выполнено, под прикрытием румын сбили четыре «фоккера»...

Подобное поведение румын было добрым знаком: во вражеском лагере начинался разлад.

Сентябрь. Благодатная украинская осень. Сколько радости людям приносила она, урожайная, в предвоенные годы!

Сейчас осень тоже радостная — несет освобождение от фашистской неволи. Гитлеровцы делают все для того, чтобы омрачить эту радость: лютуют, зверствуют, опустошают нашу землю.

А мы усиливали удары.

Стало известно, что на станции Дубово, восточнее Лозовой, скопилось много гитлеровских эшелонов. Туда направлялась девятка штурмовиков старшего лейтенанта Н. Дьяконова. Мне, Мартынову и Шевырину приказано их прикрывать.

Под Лозовой находился немецкий аэродром. Не успели мы пройти вблизи от него, как вдогонку нам — «мессеры». Мы сразу же связали их боем, стремясь не дать им подойти к «горбатым» — так мы называли Ил-2.

Нас — трое, «мессеров» — шесть. Каждый должен драться за двоих. Штурмовики вышли на цель, нанесли один удар, стали снова заходить на бомбежку. И тут паре «мессеров» удалось прорваться к ним. Один Ил-2 почему-то чуть приотстал — немцы бросились на него, словно коршуны. Их, по всей вероятности, взбесили мощные взрывы на станции Дубово. Фашистские эшелоны пылали.

Увидев, что штурмовику грозит опасность, я оставил Шевырина и Мартынова для боя с «мессерами», а сам ринулся на выручку. Ил-2 вел Дьяконов. В его машину угодил снаряд, она еле держалась в воздухе, еще одно попадание — и рухнет.

Мы с Дьяконовым сразу же вступили в огневое взаимодействие. «Мессер» довольно ловко ускользал от моих очередей, но мне удавалось подводить его под огонь стрелка Ил-2. Раз, второй — безуспешно. На третий — стрелок сделал свое дело: «мессер» задымил, стал уходить в сторону. Но второй «мессер» не сдрейфил. Он тут же нанес ответный удар по кабине стрелка. Стволы пушек вздрогнули и застыли. Стало ясно: стрелок или тяжело ранен, или убит. Теперь Дьяконов совершенно беззащитен. Надо разделаться с оставшимся гадом. Осмотрелся — мои хлопцы оттягивали «мессеров» подальше от штурмовиков, с одной парой отчаянно сражался Шевырин, с другой — Мартынов. Штурмовики нанесли по станции повторный удар и теперь уходили. Только вот направились они почему-то не туда, куда следовало. Без ведущего потеряли ориентировку, что ли? Надо действовать. Энергичным доворотом преграждаю путь «мессеру», прицеливаюсь, жму

гашетку... оружие молчит. Кончились боеприпасы. Ну что ж, тогда проверим крепость нервов у фашистского аса. Иду не сворачивая. 30... 20... 10 метров. Уже вижу побледневшее лицо вражеского летчика, его выпученные глаза: смотрит на меня, а не стреляет и не отворачивает. Что с ним? Его сковал страх. И лишь в последние доли секунды, опомнившись, поняв мое намерение, он ушел в сторону. Снова мелькнуло его перекошенное от ужаса лицо, я успел ему погрозить кулаком. В ответ он прибавил скорость и исчез в дыму, который поднялся с земли.

Немцы знали, что советские летчики часто идут на таранные удары. Сами они никогда к ним не прибегали, очень боялись их. Поэтому, встретившись с нашим отчаянным истребителем, спешили уйти. Так поступил фашистский летчик и при встрече со мной.

Таран — оружие сильных духом, смелых, мужественных, отважных. Но это оружие особого — крайнего случая, когда врага нужно уничтожить любой ценой и все другие возможности для этого исчерпаны. Можно лишь в таком случае идти на то, чтобы платить смертью за смерть. Но если есть хоть малейшая возможность победить, оставаясь в живых, надо во что бы то ни стало воспользоваться этим шансом. И не ради собственного спасения, а чтобы, выживая, побеждать снова и снова. Иными словами, в основе даже такого наивысшего проявления героизма, каким является таран, должен лежать точный расчет. А для этого нужно обладать исключительной силой воли плюс блестящее владение самолетом, высокое боевое мастерство.

Ну, а как быть, если цель надо сразить во что бы то ни стало с первой атаки, а летчику, к примеру, сделать это огнем не удается? Идти на таран! Боевая задача должна быть выполнена любой ценой...

После боя Дьяконов по радио тепло поблагодарил меня, попросил передать спасибо моим товарищам, и мы, покачав друг другу крыльями, расстались. Мы так ни разу и не встретились с ним на земле. А летали вместе частенько. Я не знал, каков он на вид, что у него за характер. Но гордился им как подлинным мастером штурмовых ударов, мужественным человеком.

Вскоре я приземлился на своем аэродроме. Шевырин и Мартынов уже были там. Честно говоря, переживал за обоих, опасался, как бы с ними чего не стряслось. Но все обошлось благополучно.

Утром меня вызвали к командиру полка. Алексей Дмитриевич подозвал к столу, указал на карту с красной стрелой:

— По личному распоряжению начальника штаба армии вам предстоит произвести разведку в районе Днепра. Задание крайне ответственное, но и почетное. Вылет парой завтра ранним утром.

«Вот и Днепр Славутич»,— охваченный радостью, подумал я. В памяти невольно ожили слова прекрасной песни: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч...»

Глава VI

ОЙ, ДНИПРО, ДНИПРО...

Длительное время после войны я нес свою службу на берегах красавца Днепра. На моих глазах выросли Каховская, Киевская, Кременчугская, Каневская гидроэлектростанции. На ленте могучей реки гигантскими жемчужинами заблестели полноводные рукотворные моря, до неузнаваемости изменившие пейзажи воспетого поэтами всех веков седого Славутича...

Послевоенная судьба Днепра как бы стала и моей судьбой — сына далекой и столь же древней матушки-Волги.

И каждый раз, вдыхая свежий воздух Днепра, проносясь над ним на сверхзвуковом реактивном истребителе, я переживаю такое же волнение, какое испытал в тот незабываемый день, когда впервые увидел его величавый простор.

На своем фронтовом пути мы форсировали многие реки. И такие, как Кубань и Дон. Однако все они воспринимались нами как сложные водные рубежи, за которые придется вести тяжелые, изнурительные бои. Днепр же вставал в нашем сознании еще и как символ прекрасной украинской земли. Выйти к Днепру, испить священной воды, утолявшей жажду Ярослава Мудрого, Богдана Хмельницкого, Тараса Шевченко,— это стало нашей сокровенной, заветной мечтой.

Битва за Донбасс завершалась, грандиозное сражение за Днепр только разворачивалось.

В полку состоялся митинг.

— «Товарищи коммунисты и комсомольцы! Бесстрашные летчики-истребители! — читал зычным голосом подполковник И. Егоров обращение командования и политотдела армии к нашим воинам.— Вступая в новый этап освобождения Советской Украины — битву за Днепр,— смелее бейте врага, ищите его змеиные гнезда, обрушивайте на них шквал смертоносного огня...»

Воодушевленные этим призывом, выступили многие летчики, техники, механики. И каждый давал клятву не жалеть сил, крови и самой жизни для разгрома фашистского зверя на Днепре.

Чувствую, как гулко бьется сердце. Иду на стоянку. Там меня встречает техник звена лейтенант Николай Тонкоглаз. Он был на этой должности у Володи Евтодиенко, и вот он в моем звене. Все, кому доводилось с ним вместе служить, были о нем самого лучшего мнения, дорожили им, любили его. Я тоже относился к нему с большой теплотой. Тонкоглаз часто появлялся у моего самолета, спрашивал у Мартюшева, не нуждается ли тот в каких-либо запчастях. Самой ценной запчастью считались тогда свечи к авиационным моторам, потому что от них иной раз зависела жизнь летчика: барахлит свеча — мощность мотора снижается, скорость падает, а это всегда на руку противнику.

— Срочный вылет? — спросил Тонкоглаз, поспешая со мной к самолету.

Тем же вопросом встретил меня и Мартюшев.

Я ответил:

— К шести утра самолет должен быть как штык. Предстоит очень ответственное задание.

— Будет сделано, товарищ командир! — четко отвечает механик. Он всегда такой — другого ответа у него нет. Впрочем, как и у остальных. И мы ценили это, свои успехи делили с ними.

— Не беспокойтесь, — добавил Тонкоглаз, — все будет так, как надо. — И тут же полез в бездонные карманы своего комбинезона за новыми свечами...

На стоянку прибыл старший сержант А. Вайнер — парторг эскадрильи. Собрались летчики, техники, механики. Сама собой возникла непринужденная политбеседа, в которой то и дело слышалось: Днепр, Днепр.

Да, им жили сейчас все.

Слушал я разговор, а у самого приятно замирало

сердце: завтра одним из первых увижу Днепр. Что карта? Может ли она передать всю его красоту? Какой он там живой, настоящий? Много ли общего у него с моей Волгой?

Ночью сон был каким-то на редкость беспокойным. Все время чудилось, что я проспал, прозевал вылет.

Задолго до условленного часа уже был на стоянке. Вскоре там появился и незнакомый мне старший офицер.

— Я из штаба дивизии, — представился он, назвав свою фамилию. — Должен уточнить вам задачу. Некоторые наши подразделения форсировали Днепр. Но связи с ними нет. Мы ничего не знаем об их положении. Необходимо выяснить, где они, что с ними...

Значит, наши уже на той стороне. Третий Украинский форсировал Днепр! Это же потрясающая новость, и мне посчастливилось услышать ее одному из первых.

На востоке появился первый проблеск зари. Рождался новый день. Радостно возбужденный, я даже не предполагал, каким он окажется трудным и как необычно завершится.

Взлетаем с Овчинниковым — моим прикрывающим — и уходим в рассветное небо. Василий — надежный, проверенный в боях ведомый. Хотя сначала не все шло у него ладно: бывший летчик-инструктор никак не мог избавиться от «элементов академизма». Ему хотелось все делать, как говорится, «по науке». Но наука у него была не боевая — учебная... Зато когда он вошел в строй, им восхищались. Никакие силы не могли оторвать его от ведущего, помешать ему защитить своего командира. Как раз то качество, которого так и не приобрел Валька Шевырин: увлекшись схваткой, он мог уйти в сторону и потеряться.

Через двадцать минут относительно спокойного полета мы увидели Днепр.

Он поразил меня своей величавостью и тишиной — нигде не видно ни одной лодки. И тут же вспомнилось выученное наизусть еще в школе: «Чуден Днепр при тихой погоде...»

Спокойствие, размеренность великой украинской реки были сродни волжскому нраву и потому сразу передались мне. Я внимательно осмотрелся вокруг. В правый крутой берег словно упирались солнечные лучи — точь-в-точь такую же картину видел я однажды на Волге

между Саратовом и Камышином. От этого воспоминания потеплело на сердце.

Разрывы зенитных снарядов насторожили меня.

Резко бросаю машину вниз. Овчинников — за мной. Прижимаемся почти к самой воде. Зенитки умолкли — тут им нас не достать. Днепр приходит к нам на помощь.

Мы с Васей понимаем: раз били зенитки, — значит, тут гитлеровцы. А где наши?

Проносимся над водой прямо посередине Днепра. Кажется, что от винтов разбегаются в разные стороны испуганные волны. Позади — Днепропетровск, впереди — Запорожье. Река круто поворачивает вправо, — вот та самая излучина в районе Волосское-Войсковое, где, по имеющимся сведениям, и высадились наши передовые подразделения.

Тщательно осматриваем берег. Замечаем каких-то людей. Никто не стреляет. Подходим ближе — нам машут. Кто такие, чего хотят? Делаем отметку на карте и берем курс домой: на малой высоте расход горючего повышенный, оно уже на исходе, подзаправимся — и снова сюда.

На аэродроме нас поджидал офицер штаба дивизии. Выслушав доклад, он сказал:

— Пока ничего существенного, но кое-что есть... Изучайте район дальше.

Мы пересекли излучину Днепра, углубились километров на пять в степь. Обнаружили землянки, костры. Шли на высоте метров двести, и тут ударили зенитки, один снаряд попал в самолет Овчинникова и повредил управление. Снова сделали пометку на карте — и в обратный путь.

Овчинников сменил машину — и мы отправились в третий разведрейд. На этот раз обнаружили в лесу четыре танка. Чьи? Установить трудно. Но танковые пушки смотрят на запад. А вот, в сторонке, еще один — его пушка повернута на восток. Ну-ка, снизимся, присмотримся. За танком растянулась перебитая гусеница, на его бортах кресты. На броне сидит человек. Он вроде бы даже приветствует нас.

Как же установить, кто здесь?

Не стреляют. А где начинают бить зенитки? Попробуем чуть подняться и отойти в сторонку. Ага, вот и они, голубчики, огненные шарики. Чуток вниз, ближе к танкам — все прекращается. Несколько таких маневров, и

на карте вырисовывается линия боевого соприкосновения с противником. Только вот надо все точно установить. Дело-то чрезвычайно серьезное. Жаль, горючее быстро расходуется.

Во время четвертого полета мы обнаружили еще четыре замаскированных танка. Снизились до пяти метров, чтобы получше рассмотреть их. Наши, точно наши! Танкисты в темных комбинезонах прыгают, что-то кричат, бросают вверх шлемы.

Пятый вылет. Нас атакуют «мессеры». Одного из них Овчинников поджег, но и сам попал под вражеские огненные трассы, они повредили его самолет. Однако мы вернулись с полным, четким докладом о местонахождении наших подразделений, выяснили линию боевого соприкосновения с противником.

Выслушав нас, тут же доложили в штаб армии. Приказали еще раз уточнить все данные. Овчинников сел в третий самолет, и мы снова ушли по знакомому маршруту. Раздобыли новые сведения. Но теперь на окончательной проверке данных настаивал уже штаб фронта.

Седьмой вылет. Гитлеровцам мы, наверное, уже до чертиков надоели. Они открыли бешеный зенитный огонь. Однако мы уже научились избегать их «гостинцев». Снизились до десяти метров — и все нам нипочем. Еще раз облетели весь «подопечный» участок, запаслись новыми важными наблюдениями и — назад.

Только приземлились — а было это уже в сумерках, — как меня сажают на По-2 и везут прямо в штаб фронта.

В темнеющем небе тарахтит наш «кукурузник». Пытаюсь собраться с мыслями, но все тело сковывает усталость, и я против своей воли задремал. Проснулся от толчков.

— Слышишь, разведчик, ждут, — будил пилот.

Сначала представляют меня начальнику разведки фронта. Тот дотошно, скрупулезно выспрашивает обо всем, что я видел. Потом уходит, и вскоре меня приглашают к начальнику штаба фронта генералу Корженевичу. Снова такие же детальные расспросы. Каждое мое слово записывают офицеры для особых поручений.

— Вот вам листик, вспомните все, что видели, и набросайте схему, — сказал генерал.

Я старательно изобразил линию боевого соприкосновения с противником, расположение наших танков, кото-

рых в общем обнаружил одиннадцать штук, систему оборонительных укреплений, огневые точки.

Взяв нарисованную схему, генерал приказал порученцу позаботиться о моем отдыхе и ушел. Порученцем генерала оказался чудесный парень — майор Федор Мартынюк.

После ужина меня снова пригласили к начальнику штаба. Там я впервые увидел генерала армии.

«Командующий фронтом Малиновский», — успел шепнуть сопровождающий меня Мартынюк.

От неожиданности я растерялся, стушевался, собрался было представиться, но командующий добродушно улыбнулся, махнул рукой:

— Присаживайтесь и рассказывайте.

Я повторил все сначала.

— Так, — задумчиво произнес Малиновский. И повернулся к генералу Корженевичу: — Есть ли какие-либо сведения оттуда?

— Пока что нет, товарищ командующий!

Они продолжали о чем-то говорить, несколько раз прозвучало «САУ-76», все это было для меня непонятно, я решил, что со мной разговор окончен, вопросительно взглянул на Мартынюка. Тот подошел поближе:

— По твоим докладам, через Днепр перебросили целый батальон. Теперь вот ждут данных.

— А что такое САУ-76? — спросил я тихо.

— Самоходные артиллерийские установки. Ты на той стороне мог видеть их, а не танки. Тебе они, наверное, незнакомы?

— Впервые о них слышу.

— То-то, учись...

Между тем Малиновский, закончив беседовать с Корженевичем, снова перевел на меня взгляд и неожиданно спросил:

— А что это у тебя, братец, такой комбинезон?

Я весь сжался — комбинезон, позаимствованный у оружейницы, был не по мне, в обтяжку, рукава и штаны короткие.

— Нет другого на складе, товарищ командующий, — ответил я, волнуясь.

— Надо найти, негоже так. Кто по должности?

— Заместитель командира эскадрильи, товарищ командующий.

— Командир, значит. Тем более надо заботиться о внешнем виде.

Сам командующий фронтом в этом мог служить образцом. Все на нем сидело ладно, было чистым, отутюженным, сапоги, пуговицы, пряжки прямо-таки сияли.

— Ладно, это так, к слову, — продолжал Малиновский. — А воюете как?

— Сбил десять самолетов, товарищ командующий!

— Вот как?! Тогда такой комбинезон совсем не годится. Подберите ему у нас что-либо подходящее, — сказал он Мартынюку и тут же направился к выходу из кабинета. Корженевич последовал за ним. Федор схватил меня за рукав:

— Пошли, сейчас так тебя одену — закачаешься.

«Закачаться» не пришлось — нашли самый обычный комбинезон, но моего размера. Я переоделся, уставился на Мартынюка:

— Что дальше?

— Будем ждать.

Только в 4 часа 30 минут, после того как мои данные подтвердились, разрешили убыть в свой полк. Я попрощался с Мартынюком и улетел. Встретился с ним вновь уже после войны в академии имени М. В. Фрунзе, где, работая с картами, мы часто вспоминали ту памятную ночь и мое наивное: «А что такое САУ-76?» Между прочим, именно после этого случая я всерьез подумал об изучении основ общевойскового боя. Это и привело меня в конце концов в общевойсковую академию.

...На рассвете прибыл на свой аэродром уставшим, измотанным.

— Отдохни хорошенько, завтра пойдешь на новое ответственное задание, — сказал Мелентьев.

Так закончилась моя первая встреча с Днепром, принесшая много забот, волнений и радость сознания честно выполненного воинского долга.

«Каким же будет новое задание? — подумал я, укладываясь спать. — Неужели снова разведка? Так совсем переквалифицируюсь».

Но на этот раз задача оказалась совсем необычного характера.

Речь шла о Днепрогэсе. Враг готовился смести с лица земли энергетический гигант первых пятилеток.

Согласно разведданным, в потерне — узком коридоре, идущем через все тело плотины и под зданием электростанции, находилось громадное количество взрывчатки, сто пятисоткилограммовых авиационных бомб.

Спасением Днепрогэса занимался лично Верховный Главнокомандующий. К нему стекались все сведения относительно этого грандиозного по тем временам сооружения. Командующий фронтом потребовал от генералов М. И. Неделина — командующего артиллерией фронта, Л. З. Котляра — начальника инженерных войск фронта и В. А. Судца — командующего нашей 17-й воздушной армией сделать все для сохранения Днепрогэса.

Так получилось, что мы с Овчинниковым тоже оказались причастными к большому, государственной важности, делу. Нам было приказано несколько раз сфотографировать плотину и подходы к ней. Нас предупредили: придется преодолевать чрезвычайно сильную противовоздушную оборону. «Ясно, — подумал я, — значит, мы не первые и, конечно же, не последние. Нужно собрать достаточное количество данных, чтобы на основании их принять какое-то определенное решение».

Днепрогэс... С ним у каждого из нас было связано очень и очень многое. И прежде всего — представление о Советской власти, социализме, ленинском плане электрификации страны. Пуск этого днепровского гиганта по своему воздействию на умы и сердца людей был равнозначен запуску в космос первого советского спутника земли. Это если смотреть с высоты сегодняшнего дня. А тогда-то, пожалуй, нелегко было найти событие, равное пуску Днепрогэса.

Невозможно было подумать, что в судьбе Днепрогэса случится вот такая лихая година, когда за него будет тревожиться вся страна. Мог ли я предположить, что и мне придется принимать участие в его спасении? Строилась-то плотина на века, и, казалось, не было в мире силы, способной разрушить ее.

...Снова дружно взлетаем с Васей Овчинниковым.

Степная ширь. Приднепровское синеватое раздолье. Но земля неухоженная, редко где увидишь пахоту, не зеленеют озимые всходы. Проклятые фашисты! На всем видна печать их злого присутствия.

Выходим к Днепру. Вот она, плотина Днепрогэса!

Темно-серая, пустынная. В разрушенных пролетах пенится вода. Белые буруны летят к массивному каменно-

му утесу и потом до самого острова Хортица, на котором маячат стальные мачты, вода закручивает воронки.

С восточной стороны мы благополучно достигаем середины реки. Пока — тихо. Даже странно как-то, что никто не стреляет. Только это продолжается недолго — внезапно на нас обрушивается бешеный шквал огня. Да такой, в который еще ни разу не приходилось попадать. Огонь настолько плотный, что увернуться от разрывов очень трудно. Маневр по курсу и по высоте нам противопоказан: загубим фотопленку, не выполним задание.

Да, в таком почти безнадежном положении я оказался впервые, хотя совершил уже более двухсот боевых вылетов. Будет ли судьба милостива ко мне и на этот раз? Или, в лучшем случае, придется искупаться в осенней днепровской воде?

Но, кажется, один заход нам уже удался. Ныряю вниз, набираю скорость, иду на полупетлю, и снова, как на лезвие ножа, становлюсь на боевой курс, но теперь уже в обратном направлении. Овчинников преданно следует за мной. Не сворачивая, не уклоняясь в сторону, проходим сквозь сплошные разрывы зенитных снарядов. Есть еще фотопленка! Может, достаточно заходов? Нет, для гарантии надо сделать еще один.

Встаю в разворот и вдруг слышу встревоженный голос Овчинникова:

— Слева и справа «мессеры».

— Вижу, — отвечаю как можно спокойнее. Мне нужно совсем немного времени, чтобы еще раз произвести фотографирование.

— Скоморох, «мессеры» атакуют!

Еще немного выдержки, и дело сделано.

И тут вокруг потянулись шнуры эрликонов. Три пары «мессеров» остервенело набросились на нас, решив любой ценой рассчитаться с нами.

Драгоценными фотопленками мы не могли рисковать.

— Вася, уходим!

Затяжелил винт, сектор газа — полностью вперед.

Фашисты преследуют нас. Бьют из всех пушек. А тут еще и горючее на исходе. В голове одна мысль: неужели на этот раз не выкручусь? Нет, нет, — нас ждут на аэродроме. Резко перехожу в набор высоты. Овчинников — следом. Отлично держится! Но «мессеры» не отстают. С пяти тысяч очертя голову бросаюсь вниз. А где Овчинников? Потерялся? Что-то на него не похоже. Ага,

он перешел на другую сторону, так ему удобнее наблюдать. Пока искал ведомого, следил за «мессерами», не заметил, что до земли рукой подать, еще секунда — и врежусь.

С такой силой я никогда раньше не рвал ручку на себя. В глазах потемнело. На мгновение потерял сознание. Пришел в себя — самолет странно покачивается, плохо повинуется. Что такое? Смотрю — капот вспух, на плоскостях обшивка висит клочьями, элероны тоже «раздеты».

Нет, и на этот раз вражеские снаряды меня миновали. Просто я превысил все нормы перегрузок. Зато своего достиг: фашистские летчики, расстреляв боеприпасы, ушли восвояси. Мы с Овчинниковым благополучно вернулись домой. Правда, мой самолет больше в воздух не поднимался — его списали. Расставаясь с ним, я мысленно говорил: «Прости меня, верный друг, надежно послуживший, но пойми, воздушный боец не только тот, кто сбивает, но и тот, кто умеет сам не быть сбитым».

Наши пленки немедленно отправили в вышестоящий штаб. Дай бог, чтобы они оказались полезными — слишком дорого нам достались. Так дорого, что меня начало знобить. Я сказал об этом Овчинникову, тот в ответ пошутил:

— Пройдет, командир, с вас-то обшивочку не сорвало, значит, все в порядке.

А через два часа звонок из штаба армии:

— Пару Скомороха срочно отправить на повторное фотографирование с той же высоты, с того же направления, под тем же ракурсом.

Понятно — нужны какие-то уточнения.

А у меня впервые в жизни пропало всякое желание что-либо делать. Хотелось лечь и забыться. Чувствую температуру. Что делать? Когда дана команда на вылет — поздно идти к врачу, объяснять свое самочувствие. Тем более что требуются именно наши повторные снимки. Кто их сделает? Овчинников ведь меня прикрывал — он не помнит точно, как мы заходили на съемку.

Деваться некуда — летим.

Над плотиной повторяем все точь-в-точь, что делали раньше. И все события повторяются: на третьем заходе нас снова атакуют «мессеры». А на меня нашло полное безразличие ко всему, в глазах плывут и плывут какие-то желтые круги, стала одолевать дремота.

— Вася, со мной что-то неладное. Какая у нас высота?

— Две тысячи, командир. Держите курс на аэродром, буду отбиваться.

— Ищи посадочную площадку, я не могу вести машину.

— Скоморох, продержись немного, — перешел Вася на «ты», — я попробую отогнать «мессеров», тогда что-нибудь придумаем.

— Ладно, действуй...

А силы мои тают. Начинаю снижаться, искать, где бы приземлиться. Сознание то и дело пронизывает мысль: «Снимки! Снимки! Их ведь ждут».

Передал по радио Овчинникову:

— Ищи посадочную площадку, ищи.

Сколько после этого прошло времени — не знаю. Передо мной вдруг возник силуэт самолета Овчинникова, я услышал голос ведомого:

— Следуй за мной, идем на посадку...

Это было как нельзя кстати — внизу я уже ничего не видел.

— Вась, высота?

— Пятьдесят метров.

— Становись рядом, подсказывай высоту.

— Хорошо, командир.

Он тут же пристроился крыло в крыло.

— Чуть ниже, выпускай щитки, убирай обороты. Десять метров, пять метров, чуть ручку на себя...

Что было дальше — не помню.

Очнулся от ласкового прикосновения чьих-то теплых рук. Открыл глаза — надо мной миловидное девичье лицо.

— Где я, что со мной?

— В госпитале, милый. Была очень высокая температура. Теперь все проходит.

«Малярия», — мелькнула мысль. Снова дала знать о себе — я болел ею еще в детстве.

Пролежал всего три дня — заботливые медсестры, врачи, хорошее лечение быстро сделали свое дело. За мной прилетел сам комэск — Михаил Устинов. Устроил меня в фюзеляже Ла-5 и доставил в полк. От него я узнал, что мой самолет уже стоит на своей стоянке целый и невредимый, пленки в тот же день были отправлены по назначению.

Все кончилось благополучно благодаря Василию Овчинникову. Он еще раз доказал, что с ним можно идти в огонь и в воду.

В полку мне дали два дня — отдохнуть, набраться сил.

В те дни решалась судьба Днепрогэса. Множество фотоснимков, добытых не менее дорогой ценой, чем те, что доставили мы с Овчинниковым, помогли изучить все подступы к плотине, определить места, где могли быть проложены кабели, заложена взрывчатка. После этого штурмовики буквально «перепахали» подозрительные места, чтобы нарушить взрывную систему.

Пока действовали штурмовики — не дремали саперы. Под взрывами бомб, свист осколков они находили и резали провода, обезвреживали заряды. Все это в темную осеннюю ночь, в холодной воде.

А на КП фронта с нетерпением ждали вестей.

«Нервы были напряжены до предела, — писал впоследствии В. А. Судец, — казалось, ночь никогда не кончится. В эти долгие тревожные часы я поделился с М. И. Неделиным воспоминаниями своей юношеской поры. Ведь тут, в Запорожье, я знал каждую пядь земли, каждый камень и куст. Мальчишкой рыбачил в этих местах, а стал постарше — ходил сюда в походы с друзьями.

Наши отцы и старшие братья громили здесь в годы гражданской войны врагов революции, а в июле — октябре 1941 года насмерть стояли отважные советские воины, остановившие танковые орды генерала Клейста. А теперь мы опять ведем бой — бой за Днепрогэс...»

К этому остается добавить, что Владимира Александровича Судца боевая судьба снова привела в те места, где он со своим авиационным корпусом сражался в 1941 году. Теперь крылья его армии несли освобождение родному краю.

В эти боевые дни к нам на полевой аэродром в Близнецы приехали артисты из Горького. Среди них много совсем еще молоденьких, симпатичных волжанок. Все торопились закончить свои дела, чтобы вечер провести с гостями.

Вместе с артистами прибыл и командир корпуса со своей юной красавицей дочкой. Естественно, всем хотелось посмотреть на нее, а при случае и потанцевать. Все желали отдохнуть, повеселиться, просто побалагурить с новыми знакомыми.

Солдаты сделали помост, натянули брезентовые кулисы, установили скамейки. Настоящий летний театр.

Встреча с артистами радовала, настраивала на веселый лад. И когда мне приказали быть готовым к вылету, я подумал, что это розыгрыш. Начал отшучиваться. Но лететь пришлось.

Возвращаясь после выполнения задания, я понял, взглянув на часы, что концерт уже идет. И тут во мне проснулось желание показать и «свой номер». Километров за десять до аэродрома перевел самолет на снижение, на бреющем вывел его прямо на наш импровизированный летний театр и совершил над ним крутую горку. Сильной струей воздуха сорвало брезент. Все бросились врассыпную.

Как мне потом рассказывали, никто не успел сообразить, в чем дело. Все решили, что это «фоккер». И если бы я догадался сразу уйти в сторонку, а вернуться и приземлиться только через некоторое время, — никому бы и в голову не пришло, что все это моя работа.

Ну и лютовал же генерал Толстиков! Его, всегда выдержанного, спокойного, как будто подменили. Да и понятно: приехали артисты, на концерте присутствует сам командир корпуса, а тут вдруг такая выходка.

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы в дело не вмешались артисты. Кто-то сказал им, что я волжанин, и они, окружив Толстикова, стали просить за меня.

— Нам даже интересно это, — говорили они, — хоть немного почувствовали боевую обстановку, настоящий фронт.

Смягчилось сердце комкора, артисты сразу же подхватили его и меня под руки и повели к «театру». Инцидент исчерпан, концерт продолжается!

...Полевые аэродромы. Сколько их было на нашем боевом пути! Все похожие друг на друга и все такие разные по событиям, которые пришлось пережить. Ныне многие из них перепаханы, превращены в сады. Нам, ветеранам, порой трудно определить их прежнее расположение, и помочь в этом могут только местные старожилы. Но сколько воспоминаний — самых разных — хранится в памяти!

Из Близнецов мы перелетели под Синельниково.

30 ноября 1943 года отсюда в вышестоящий штаб пошло следующее донесение: «Три Ла-5 сопровождали де-

вять Ил-2 в район Кашкаровки. По пути встретили восемнадцать Ме-109 и девять ФВ-190, с которыми вели бой в течение 15 минут. В результате противник в районе цели два Ил-2 сбил и два подбил. Истребители потерь не имели. Лейтенант Скоморохов сбил один Ме-109».

Это был самый тяжкий день в моей фронтовой жизни.

Все происходило так.

Мартынов, Володин, Любимов и я отправились на прикрытие группы Ил-2, которую возглавлял штурман полка А. Заболотнов. Вскоре после взлета на самолете младшего лейтенанта О. Любимова забарахлил мотор. Он вернулся. Мы остались втроем — начало малоутешительное.

Пересекли линию фронта, подошли к цели. И тут как снег на голову — целая свора «мессеров». Со многими из них сразу схватились Мартынов и Володин. Я держусь ближе к штурмовикам, прикрываю их.

Об этой схватке трудно связно рассказать. В ней ничего нельзя было предвидеть, невозможно было вести ее по какому-то плану. Требовалось защитить «горбатых». И мы вошли в какую-то невообразимую карусель.

Первый заход штурмовикам удался — они свое сделали. Собрались было уходить, вдруг слышим голос командира дивизии:

— «Горбатые», повторите заход.

Заболотнов обращается ко мне:

— Скоморох, как ты? Где твои? Обеспечите нам второй заход?

— Ведомых не вижу. Ваш удар пришелся по цели. Может, нет смысла его повторять?

Доложили комдиву. Тот ответил:

— Ребята, нужен еще один заход. Пехота очень просит.

Если нужно — так нужно!

Пошли «илы» на второй заход. «Мессеры» еще больше остервенели, набросились на нас. Появились Мартынов и Володин в окружении стаи «мессеров».

— Уходите в сторону, оттягивайте их, — успел сказать я и увидел, что мне в хвост заходят два «мессера». Ныряю под «горбатых», те открывают огонь, и фашистские летчики уходят в разные стороны.

Начинаю косой петлей выходить к «илам» — и вижу, как к одному из них пристраивается стервятник, вот-вот откроет огонь. Упреждаю его — даю очередь чуть выше

«мессера». Фашист отжал ручку. Я снова посылаю такую же очередь — он еще ниже опускает нос. Я стреляю — он отжимает. Чем это кончится? Не даю противнику выйти из пикирования, держу перед его носом пушечную трассу до самой земли. Он врезается в гребень бугра, не решившись прорвать мою огневую завесу.

Но радоваться победе не пришлось — одновременно с «мессером» рухнули на землю и два «ила». Дело в том, что к месту боя подошла девятка «фоккеров». Пользуясь численным превосходством, фашисты сбили двух «горбатых», двух подбили.

Приказ командира дивизии был выполнен, но мы возвращались на аэродром в омраченном настроении. Злость, недовольство собой терзали каждого. Сердца переполняла ненависть к врагу, упорство которого сейчас возрастало обратно пропорционально численному перевесу. Один на один он уже в бой не вступал. Даже в паре фашисты избегали встреч с одним нашим. А вот восемнадцать, двадцать семь против троих — тут они распоясывались. Ну, ничего, скоро и этому придет конец!

Заболотнов переживал то же самое, что и мы. В наушниках вдруг раздался его густой баритон:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Мы все подхватили нашу любимую песню. Ей аккомпанировали моторы пяти штурмовиков и одного истребителя.

«Пусть ярость благородная вскипает, как волна...», — звучало в эфире как клятва, как призыв к мщению за наших боевых друзей.

На аэродроме меня встретили Мартынов и Володин. Их машины были изрядно потрепаны огнем противника.

...Октябрь — ноябрь — месяцы замечательных побед Красной Армии. Освобождены Днепропетровск, Днепродзержинск, Запорожье. 6 ноября, в канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, наши войска вошли в столицу Советской Украины Киев. Мощными салютными залпами отмечены эти победы в Москве. А в Тегеране идет конференция глав правительств трех держав — СССР, США и Великобритании. Она о многом говорила: наши успехи на фронтах застав-

ляют всех считаться с нами, поднимают престиж Страны Советов. Все это радовало, вселяло в нас уверенность в завтрашнем дне, вызывало прилив бодрости и энергии.

В крестьянской хате, где устроились Устинов, Мартынов, Шевырин и я, оживленно обсуждали последние события. К нам присоединились и хозяин с хозяйкой.

— Скоріше, синки, кінчайте з Гітлером, може, доньку нашу повернете... — вздыхали они.

Их семнадцатилетняя дочь была угнана в рабство в Германию. Двадцатый век — и рабство. Казалось бы, несовместимые понятия. Но факт оставался фактом.

Мы как могли утешали хозяев, обещали поскорей добраться до фашистского логова и освободить из неволи их дочь. Никто из нас не сомневался, что именно так и будет: мы уничтожим фашистского гада там, откуда он выполз.

Но это все еще впереди...

В декабре вся наша дивизия расположилась на полевых аэродромах вокруг Днепропетровска.

Погода не баловала нас. Боевая активность авиации снизилась. Казалось, пришло время передышки. Но передышка на войне — понятие относительное.

Как-то вернулся назад наш По-2. Летчику было поручено доставить секретные пакеты в штабы полков.

— Страшный туман — не мог пробиться, — доложил он.

Пакеты были из штабов 3-го Украинского фронта и нашей армии. Не доставить их к месту назначения — значит сорвать какую-то операцию, а это грозило большими неприятностями.

Начальник штаба дивизии полковник Д. Русанов велел выполнить приказ любой ценой, отправив летчика на боевом самолете. Выбор пал на меня.

Сунув пакеты за пазуху, я взлетел. Туман — не видно ни зги. Пришел в район полевого аэродрома, а где он — определить не могу, хотя мне приходилось летать сюда на разведку. Вышел на Днепр, пронесся на малой высоте вдоль реки, заметил знакомый глубокий овраг, он и вывел меня почти к месту посадки, пришлось лишь немного довернуть. Сел с трудом, а потом долго соображал, куда рулить — видимость плохая. Вскоре появляется подполковник В. Шатилин — он тогда командовал полком.

— Ты что, приблудился?

— Да нет, пакет вам доставил.

Из белой мглы выскочил газик командира дивизии полковника А. Селиверстова. Оказывается, не надеясь, что я пробьюсь сквозь туман, он лично приехал сюда.

— Ехать тяжело, а как же вы летели? — удивился комдив.

— Ползком по оврагам, товарищ полковник! — ответил я, и все рассмеялись, приняв мои слова за шутку.

— Разрешите следовать дальше? — обратился я к комдиву. — Надо еще один пакет доставить.

— Выждем немного. Может, распогодится?

Часа два спустя, когда снегопад немного уменьшился и видимость чуть улучшилась, Селиверстов сказал:

— Даже сейчас рискованно посылать тебя, а нужно.

— Пробьюсь как-нибудь!

— Ну что ж, давай. Только будь осторожен... в оврагах.

Прежде чем взлететь, решил кое-что уточнить на земле. Мимо Кайдаков проходят шоссейная дорога и линия электропередач на Запорожье, Никополь. Развернул самолет параллельно им. С трудом оторвался от земли. И тут же пошел сильный снег, облепил машину. Набрал высоту метров двадцать пять. Боялся только одного — зацепиться за провода и потерять их из виду.

Помню: к полевому аэродрому примыкает лощина. Но как ее найти? Снег совершенно залепил переднее стекло. Смотреть можно только в боковые, да и то трудно что-либо разглядеть. В такую непогоду я еще никогда не летал. Где же спасительная лощина? Вот что-то темнеет внизу. Лощина? Да, это она! Выпустил шасси, щитки. Вижу — впереди купол церкви. Так и должно быть. Доворот вправо. Посадка. Рулить снова невозможно — дальше носа ничего не видно. Спасибо, товарищи включили прожектора.

Командиром здесь Григорий Денисович Онуфриенко. К нему бы я пробился сквозь огонь ада. Он же был немало удивлен. Смотрел на меня и глазам своим не верил. А когда поверил — только и сказал:

— Не будь рядом самолет, ей-богу, решил бы, что ты пешком притопал.

Утром следующего дня я собирался домой, а полк Онуфриенко отправлялся на штурмовку переднего края противника в районе Кривого Рога. Туда же следовал и полк Шатилина. Вот какая тайна хранилась в пакетах.

Что же касается летчиков нашего полка, то им пришлось срочно заняться совершенно необычным по тем временам делом — обучаться ночным полетам. Большая часть полка во главе с Мелентьевым перебазировалась на полевой аэродром в Павлоград.

Вызвано это было тем, что в Синельниково штаб 3-го Украинского фронта несколько раз подвергался ночным бомбардировкам. Нужно было принимать какие-то меры. К нам прибыл командир корпуса.

— Что будем делать? — спросил он.

— Учиться летать ночью,— ответили мы хором.

— А кто хоть раз был в ночном небе?

— Мне дважды пришлось... за пассажира,— заявил я под общий смех товарищей.

— За пассажира, говорите? Тогда, пожалуй, с вас и начнем. Первый полет в сумерках, а потом — в темноте.

В тот же день был подготовлен старт: разложили костры, расставили ниточкой фонари для обозначения взлетной полосы.

В сумерках никаких затруднений я не испытал. При ночном взлете уклонился в сторону на разбеге. Обошлось благополучно.

Но однажды случилось совершенно неожиданное. Меня вдруг ослепили прожекторные установки нашей системы ПВО. Схватили и не выпускают из своих цепких, ярких лучей. Не хватало еще, чтобы свои зенитки открыли огонь. Пришлось уйти в сторону Запорожья, а оттуда украдкой, чтобы, не дай бог, снова не заметили прожектористы, возвращаться домой.

Не было у нас никакого опыта ночных полетов, не знали мы тогда, что организация их требует четкого взаимодействия с войсками ПВО. Я оказался не единственным летчиком, которому пришлось вступать в единоборство с прожекторами.

На этом наша учеба закончилась — следующей ночью мы уже несли боевое дежурство. Я провел первый в своей жизни ночной бой, в котором лично чуть было не стал жертвой своих зенитчиков. «Хейнкель» рванулся в сторону и выскользнул из объятий прожектора, а мой истребитель тут как тут. И хоть зенитчики были предупреждены о наших действиях, однако еще не умели различать ночью свои и чужие машины — всему нужно учиться — и открыли по мне бешеный огонь. Вырваться из огневого кольца удалось чудом.

И все же эти испытания не прошли даром — пару вражеских машин наши летчики сразили и тем самым заставили противника отказаться от ночных бомбардировок. Мы же убедились: на войне, когда требует обстановка, все можно постичь и освоить, но лучше готовиться к любым действиям заранее. Сейчас даже курсанты летных училищ осваивают ночные старты. Могли овладеть ими и мы — хотя бы в запасном полку. Тем более что тогда уже знали: немцы летают ночью. К сожалению, наверстывать упущенное нам пришлось в боях.

3-й Украинский фронт ведет упорную борьбу за расширение плацдармов на правом берегу Днепра. К концу года, когда враг был отброшен на 20—30 километров севернее Марганца, наступление на кировоградском и криворожском направлениях приостановилось. Но воздушные бои не прекращались. Они были насыщены всевозможными драматическими ситуациями, в них проявлялись исключительное самообладание и мужество.

Как-то к нам пришли свежие армейские газеты с портретами гвардии лейтенантов Петра Кальсина и Георгия Баевского. Крупным шрифтом было написано: «Геройский подвиг комсомольца Кальсина». Газета рассказывала о том, что 12 декабря 1943 года оба летчика вылетели на задание в район Никополь — Кривой Рог. В воздушном бою самолет Баевского был подбит, стал снижаться. Приземлился на территории, занятой противником. Летчику грозил плен. Но находчивый лейтенант Кальсин приземлился рядом с подбитым самолетом товарища, поднялся с ним со вспаханного, мокрого поля и вернулся домой.

Тогда же по всей армии прогремело и имя Николая Краснова. На наши позиции в районе Запорожья двигалась целая армада бомбардировщиков. И неожиданно сверху свалился на них неизвестно откуда взявшийся яркий краснозвездный истребитель. Он с ходу поджег одного «юнкерса», затем второго.

На помощь ему подоспели другие истребители. Противник, сбросив бомбы на свои же окопы, ушел, не досчитавшись четырех самолетов.

В тот же вечер в штабе нашего корпуса раздался настойчивый звонок.

— Скажите, как фамилия летчика, который дрался

сегодня с бомбардировщиками? — спросил пехотный командир.— Краснов? Объявите ему от всех нас сердечную благодарность.

Всего в боях за Запорожье Герой Советского Союза капитан Н. Краснов уничтожил одиннадцать самолетов противника.

Узнали мы в те дни и имя еще одного героя — уроженца Днепропетровщины лейтенанта Г. Кучеренко. Случилось так, что он был сбит над родными местами. С большими трудностями, измученный, окровавленный, возвратился к своим, снова сел за штурвал истребителя и сразил в боях восемь фашистских самолетов.

«За 3 дня 6 побед»,— так называлась корреспонденция в армейской газете, посвященная Олегу Смирнову, позже ставшему Героем Советского Союза.

В небе Украины доблестно сражались верные сыны социалистической Родины — представители многих национальностей. Лейтенант А. Суворов — русский — уничтожил десятки немецких танков, младший лейтенант В. Кривонос — украинец — поджег на фашистском аэродроме несколько самолетов. Лейтенант Султан-Галиев — татарин — вогнал в приднепровскую землю восемь стервятников. Старший лейтенант Е. Савельев — родом из Карелии — в боях за Левобережную Украину заслужил звание Героя Советского Союза.

...Наступал новый, 1944 год.

Каждый мысленно оценивал пройденный боевой путь, свой вклад в общее дело борьбы с фашистами.

Более двенадцати месяцев я на фронте. Хотелось разобраться, какие перемены произошли во мне, каким я стал.

В последнее время думал о том, что мое прежнее мальчишество бесследно улетучилось. А вот признаков чисто юношеского возраста что-то не замечал. По-моему, война всех нас перебросила через эту прекрасную пору, сразу ввела в мир взрослых мужчин. Юноша — мечтатель, романтик. На фронте этого почти не было. Там царил один жестокий закон: не мы врага — так враг нас. И вся энергия ума, все физические силы уходили на то, чтобы все-таки повергать, а не быть поверженным. Согласитесь: такое — не для юношей, такое — удел зрелых мужей.

Но нам ведь было по двадцать два... По виду мы оставались совсем молодыми парнями, а внутренний мир далеко не соответствовал нашим юным годам.

У каждого — пять, десять, пятнадцать сбитых самолетов. Мой счет в небе Украины доведен до тринадцати. Подводя итоги боевой работы за год, командир эскадрильи капитан Устинов отметил, что мною не потерян ни один ведомый и моего боевого самолета не коснулся ни один вражеский снаряд.

Где ты, прежний, адлеровский Николай Скоморохов? Где ты, желторотый птенец, не умевший постоять за себя? Правду говорят, что за одного битого двух небитых дают.

Я еще не знаю, как сложится моя дальнейшая фронтовая судьба, что ждет меня впереди. Но у меня уже не бегают мурашки по спине при встрече с фашистской воздушной армадой, а это позволяет сохранить ясность мысли, трезвость расчета, спокойствие и выдержку.

Мне удалось открыть для себя простую истину: проигрывает тот, кто ошибается. В бою это стоит жизни. Ставка слишком большая. Значит, надо научиться не ошибаться, использовать каждый промах врага.

Приоткрылась и другая истина: можно отлично владеть самолетом, умело строить маневр, метко стрелять, но не обладать главным качеством летчика-истребителя — боевой активностью,— и победы не видать.

А ведь, как это ни странно, именно об этой черте воздушного бойца нам меньше всего говорили. А, оказывается, надо было. Зачем заново открывать то, что уже известно? Был опыт воздушных боев в Испании, на Халхин-Голе, в период финской кампании. Но, к сожалению, до нас, курсантов, он почему-то не дошел. И мы, как говорится, начинали с нуля.

Нас приучали к летной дисциплине. Это было верно. Прежде чем научиться писать, читать — надо освоить азбуку. Но наше обучение и воспитание заканчивалось, если можно так выразиться, чистописанием. В училище мы не шли дальше. Оно и понятно — времени у нас было в обрез. Однако «только чистописание» слишком дорого нам обходилось. Ибо с первых же дней участия в войне убедились: учебные полеты и боевые — это небо и земля.

В бою, помимо всего прочего, сражаются характеры. А характеры — это воля, самообладание, дерзость, инициатива. Многим из нас вначале очень недоставало этого.

И выживал тот, кто уже в жестоких схватках сумел развить в себе необходимые бойцовские качества.

У каждого из нас был в жизни священный момент — принятие военной присяги. Мы клялись защищать социалистическую Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагом.

Верность присяге — большая вдохновляющая сила в мирной учебе и в дни тяжелейших испытаний. Но она, эта верность, имеет замечательное свойство: окрыляет лишь того, кто клятву свою подкрепляет высоким личным мастерством.

На фронте иногда говорили: этому везет, тому не везет. И там же, на фронте, мы убеждались: успех не приходит сам по себе, как случается это в лотерее. Человек — творец своей судьбы, в том числе и боевой. И каждый из нас творил ее по мере сил и возможностей.

...Мы отпраздновали еще один Новый год военной поры.

Отпраздновали его на украинской земле, у крутых берегов Днепра Славутича.

1944-й вел нас дальше — снова к Черному морю.

Что же сулит нам третий год войны?

Глава VII

СНОВА К ЧЕРНОМУ МОРЮ

Время, продолжая свой вечный бег, работало на нас. По всему чувствовалось: враг бессилен изменить ход событий, инициатива в наших руках.

Мы верили, что начало 1944 года будет и началом нашего нового наступления. Приказы и политбеседы прояснялн обстановку: главная задача 3-го Украинского фронта заключается в разгроме вражеской никопольско-криворожской группировки. И лишь одного мы не могли тогда знать — на картах Генерального штаба стрела нашего маршрута уже направлена на многострадальную и героическую Одессу.

Путь по Правобережью Украины от Днепропетровска до Одессы не такой уж и долгий — по прямой всего че-

тыреста километров. Сейчас — менее получаса лету. А тогда мы преодолевали его три с лишним месяца — в среднем по четыре километра в день.

Трудными были эти километры, но богатыми всевозможными, а подчас и неожиданными событиями. Одно из них назовем «похищением невесты».

В конце декабря наша эскадрилья перелетела на полевой аэродром Соленое для взаимодействия с подразделением авиационных корректировщиков во главе с майором А. Жало.

Здесь же базировался и полк Онуфриенко.

Произошла приятная встреча, мы уже о многом переговорили, вспомнили все былое, как вдруг увидели, что на посадку заходит юркий По-2.

Кто бы это мог быть?

Вместе с Григорием Денисовичем поспешили к самолету.

Когда увидели, кто к нам прилетел,— удивлению не было предела: с крыла спрыгнул Александр Иванович Покрышкин.

Вот так новость!

Поздоровались, глаз с него не сводим: не терпится узнать о цели столь необычного визита. У меня мелькнула мысль: не летчиков ли подбирать в свой полк прибыл?

Александр Иванович не спеша, вразвалочку направился в штаб полка Онуфриенко. Со времени первой моей встречи с Покрышкиным на Кубани он изменился — в нем стало больше солидности и сдержанности. И в то же время он остался простым, скромным, хотя слава о нем гремела уже на всех фронтах. А его формула «Высота — скорость — маневр — огонь» была взята на вооружение многими летчиками-истребителями. Наш Мартынов разработал более короткий, шуточный вариант: «Высота — залог здоровья». Когда мы сказали об этом Александру Ивановичу, он скупо улыбнулся, бросил:

— И так годится...

Но зачем все-таки он пожаловал к нам?

В штабе Александр Иванович обратился к Онуфриенко:

— Батальон далеко расположен?

— Да нет, батальон майора Пахилло рядом.

— Проводите меня туда.

Что же нужно Покрышкину? Лишь по дороге выяснилось: он прилетел повидать свою любимую девушку — медсестру, с которой познакомился еще в Грозном.

Удивительное чувство — любовь. Приходит время, и оно, как зелень по весне, пробивается, несмотря ни на какие невзгоды.

Это святое чувство влекло меня в далекую Астрахань. И вот теперь оно привело к нам прославленного героя войны.

Вечером — танцы. Александр Покрышкин и Мария Коржук — молодые, влюбленные — покорили всех нас.

Я смотрел на них, а сам думал о своей Марии. В карманах моей гимнастерки всегда хранились ее письма. Вылетая на задание, я сдавал парторгу все документы, а письма оставлял — они служили мне талисманом в боях.

Танцы продолжались, все веселились. Никому и в голову не приходило, что у Александра Ивановича зреет дерзкий план, который он, умевший доводить свои решения до конца, осуществит с нашей помощью.

Лишь потом, когда буду помогать Марии надевать меховое обмундирование перед дальним путешествием на По-2, я пойму, почему под конец вечера на ее лице промелькнула растерянность. Видимо, тогда Покрышкин сказал Марии, что намеревается увезти ее с собой.

Пройдет двадцать с лишним лет после войны. На юбилейном торжестве, посвященном 60-летию маршала авиации В. А. Судца, за праздничным столом Мария Кузьминична Покрышкина поднимет тост за достойных своего командарма воспитанников, в том числе и за одного из них, посвященного в тайну «похищения невесты». Я сразу не догадался, что речь идет обо мне. А когда понял — Судец уже рокотал своим басом, показывая бокалом в мою сторону:

— Так вот кто, оказывается, содействовал похищению лучшей медсестры моей армии! И куда? На соседний, 4-й Украинский фронт... Знал бы тогда — ох и всыпал бы за такие штучки...

Да, благодаря решительности Александра Ивановича наша Мария очутилась на соседнем фронте, откуда никакая сила уже не могла ее вернуть: она стала супругой героя-летчика.

Проводив Александра Ивановича и Марию, мы приступили к своим обычным делам.

Разговоры с Покрышкиным об истребителях — свободных охотниках не прошли даром: этот вопрос продолжал волновать нас, вызывать споры. Некоторые горячились.

— Чего ждать? — шумели они.— Раз наше командование ничего не предпринимает — надо в Москву писать. Там поймут, поддержат. В других армиях давно действуют эскадрильи охотников, а мы только языки чешем...

Но писать в Москву не пришлось. Жизнь свое взяла: было принято решение — из летчиков 31, 116 и нашего 164-го полков создать эскадрилью охотников.

Каждый хотел попасть в число счастливчиков. Из нашего полка такими оказались Султан-Галиев, Виктор Кирилюк, Анатолий Володин, Иван Новиков и я. В 31-м полку этой чести удостоились Олег Смирнов, Виктор Кузнецов, из 116-го пришли Николай Краснов со своим ведомым Василием Калашонком, а также Михаил Губернский.

Майор Краснов — командир эскадрильи, известный летчик. О его боевых заслугах знали все. Я очень обрадовался своему назначению заместителем Краснова. У такого командира есть чему поучиться.

Командирами звеньев стали: лейтенант Смирнов, младший лейтенант Кирилюк.

Краснов, Смирнов и я — коммунисты. Остальные — комсомольцы. Все мы пока оставались на партийном и комсомольском учете в своих полках: эскадрилья — нештатная.

Подчинялась она непосредственно дивизии. В эскадрилье с первого дня воцарилась необычная, своеобразная атмосфера — все чувствовали себя немного первооткрывателями, экспериментаторами. Но при этом ни у кого не проскальзывало даже малейшей нотки зазнайства или превосходства.

Новое всегда привлекает молодых. Они охотно принимают его, даже если что-то теряют при этом. В эскадрилью все, кроме Краснова и меня, пришли с понижением в должностях. Замкомэски стали командирами звеньев, командиры звеньев — старшими летчиками, старшие летчики — рядовыми. Но это обстоятельство никого не смущало. Каждому хотелось попробовать себя в настоящем свободном бою, в котором никто ничем не ограничивает, не сковывает твоей инициативы и активности.

Истребителю, сбившему более десятка самолетов, какими были в эскадрилье охотников все, кроме Кузнецо-

ва, свобода действий — высшая награда. Но она особенная — ее еще нужно оправдать.

Об этом у нас шел серьезный разговор на первом же собрании в чистом поле у села Андреевки, где мы базировались теперь вместе с 31-м истребительным полком.

Опять судьба меня сводит с Григорием Онуфриенко, снова мы будем летать с ним в одном районе, выручать друг друга.

«Самокритичность — первая черта коммуниста» — вспомнились его слова. Да, сейчас, когда каждый из нас по сути дела предоставлен самому себе, самокритичность нужна как воздух, который держит наши крылья. «Победителей судят — и прежде всего они сами себя» — это тоже слова Онуфриенко. Как много в них большого смысла!

Таким было в общих чертах мое выступление на первом собрании в эскадрилье охотников. Майор Краснов предложил всем поближе познакомиться с Григорием Онуфриенко, взять на вооружение его боевой опыт.

Совет был принят и незамедлительно выполнен. Уже на следующий день мы с затаенным дыханием слушали бывалого воздушного бойца...

Первые полеты — на слетанность пар, ознакомление с районом. Мы сразу же почувствовали: комэск наш — под стать Онуфриенко. В воздухе держится легко, непринужденно, абсолютно все видит, его маневр — экономичен, расчетлив, огонь — короток и точен. Почерк настоящего аса. Позже мы убедимся и в том, что он воздушный бой не ведет, а как бы творит его. Он жил только небом. А там, как известно, учат не столько словами, сколько делом, личным примером. В этом отношении я не знал равного Краснову. Покажет — на всю жизнь запомнишь.

На земле он тоже не отличался многословием. Был строг и беспредельно честен. В любом случае докапывался до истины и всегда остро чувствовал малейшую фальшь. Короче говоря, бывший летчик-испытатель авиамоторного завода за время войны, в которой участвовал с первого дня, вырос в замечательного, настоящего командира.

Мы были уверены, что сразу же включимся в боевую работу. Но Краснов поступил по-своему.

— Дело наше новое,— сказал он.— К нему нужно хорошенько подготовиться. Засядем за схемы, попробуем хотя бы в общих чертах продумать тактику наших действий. Для начала повоюем на бумаге...

— Мы охотники, а не чертежники,— возразил темпераментный Султан-Галиев.

— Нет, только кандидаты в охотники,— отрезал Краснов.— А кандидаты всегда держат экзамен теоретический и практический. Вот и начнем с теоретического...

Это живо напомнило мне Микитченко. Тот ведь тоже внушал нам, что практика воздушного боя должна строиться на глубоком знании теории.

Несколько дней мы корпели над схемами, чертежами. Исходя из собственного опыта, тактики противника, разрабатывали варианты наших действий в самых разнообразных условиях.

Потом собрались вместе, доложили о своих соображениях. Краснов выслушал, дал им оценку, высказал собственные взгляды на характер и тактику свободной охоты.

Разговор состоялся творческий, носил дискуссионный характер. Одни отстаивали свою точку зрения, другие соглашались с доводами товарищей. Краснов корректно, ненавязчиво, но настойчиво проводил свою линию. Нам нравилось это. Уважение к подчиненным всегда поднимает командира в их глазах.

— Ну, что ж,— подвел итоги всех занятий Краснов,— поработали мы хорошо. Пришли к единому мнению: охотнику указывается район действий, а задача — постоянная: уничтожать врага на земле и в воздухе. Теперь мы усвоили десятки приемов. Придумаете новые в бою — честь вам и хвала. А сейчас — ужин, отдых. Завтра — первая проба.

И началась наша долгожданная деятельность как истребителей-охотников. Знаем свой район, идем туда, ищем там врага, вступаем с ним в бой.

Немцы не сразу сообразили, кто мы, каковы наши задачи. Они давно заметили, что от станций наведения, командных пунктов нас, истребителей, далеко не отпускают, и выбирали себе наименее безопасные маршруты.

И вдруг сюрприз: встречается пара или четверка, не скованная никакими условностями, вольная как ветер. В воздушном бою любая необычность в поведении противника действует на психику, настораживает, вызывает беспокойство, тревогу, замешательство. Так было и с гитлеровцами: они начали паниковать. Нам это, само собой разумеется, на руку. В первых же вылетах мы с Красновым сразили один Ме-109.

Дрались и другие наши летчики, но безрезультатно. Нам бросилось в глаза, что в их действиях все же много шаблона, к которому враг уже привык, выработав свои методы противодействия. Ясно было, что новые приемы сами собой не так просто даются, надо переходить к настойчивым поискам.

Так рассуждали мы с Красновым в один из вечеров после напряженного дня. И тут он хлопнул себя ладонью по лбу:

— Коля, говорят, новое — это забытое старое. Я тебе выскажу идею, которую год назад в своем полку не смог «пробить». Может, сейчас она послужит нам, а?

Все гениальное — необычайно просто. Мысль Краснова сводилась к следующему: при схватке с противником боевые развороты завершать выходом в обратную сторону.

Я сразу хорошо понял Краснова.

Обычный боевой разворот — фигура известная. Ею пользуются все без исключения истребители. К ней привыкли и приспособились, ею никого не удивишь. А вот то, что предложил Краснов, — совершенно новое, новаторское решение, своего рода открытие.

Когда рождается что-то новое, не терпится его немедленно испробовать, испытать. На второй день чуть свет мы с Красновым поднялись в воздух, попробовали выполнить доселе невиданную фигуру. Получилось! Прекрасно получилось. А ну-ка, разыграем между собой воздушный бой...

Дело было над нашим аэродромом. Все высыпали на летное поле, наблюдая за нами. И все недоумевали: мы сражались по каким-то неписаным правилам, совсем не похожим на те, что все знали.

Ни Краснов, ни я не смогли атаковать друг друга. Необычное завершение фигуры открывало нам большие новые возможности.

Недаром говорят: тактика — тоже оружие.

У нас появилось оружие, которое сразу намного увеличило наши шансы, повысило нашу неуязвимость. И главное — овладеть им не стоило большого труда.

Наш боевой разворот был представлен для утверждения как новая фигура в вышестоящий штаб. Когда дело дошло до Москвы, выяснилось, что там уже есть такое же представление из другой армии. В этом не было ничего необычного — счастливая мысль могла прийти в голову

не одному лишь Краснову. Важно то, что она наконец «пробила» себе дорогу, была по достоинству оценена и признана.

Постепенно у нас складывалась только охотникам присущая тактика действий. Линию фронта пересекали при полном радиомолчании. Шли, как правило, на бреющем: на криворожско-никопольском направлении гитлеровцы стали использовать радиолокаторы. Смутным было наше представление о них, но знали: с их помощью мы можем быть обнаружены, вот почему прибегали к крайне малым высотам.

В указанном районе старались появляться со стороны солнца. Там ходили парами в поисках врага. Если не находили его в воздухе, штурмовали наземные цели, выбирая их по своему усмотрению. Встречали «мессеров», «фоккеров» — связывали их боем, в самый подходящий момент использовали свой новый прием, который, как правило, приносил нам успех. Но вражеские летчики — тоже не простаки. Вскоре и они станут увертываться от наших приемов тем же способом.

Каждый воздушный бой мы тщательно анализировали, извлекали для себя уроки, делали выводы.

Краснов особенно много внимания уделял взаимодействию в парах. Он предъявлял высокие требования к командиру пары, который, по его понятию, подобно архитектору, должен еще до закладки фундамента видеть контуры будущего здания, представлять себе, как может сложиться воздушная схватка. «Ведущий — творец боя!» — это Краснов настойчиво внушал каждому из нас.

— Если цель своевременно замечена, быстро и правильно занята исходная позиция, дерзко и решительно проведена атака — вы неизменно поставите противника в положение обороняющегося,— убежденно говорил командир эскадрильи.— А в обороне, всем известно, не развернешься, она сковывает инициативу, ограничивает свободу маневра, что уже само по себе равносильно поражению. Вот так должен действовать, организовывать бой свободный охотник...

Были у Краснова и на ведомого свои сложившиеся взгляды. Главную его функцию он видел в защите командира, обеспечении полной безопасности. А это требовало особого мастерства и исключительной выдержки. Ведомые нередко увлекались атаками противника, забывали

о своей главной обязанности и в результате подводили себя и ведущего.

— Научишься оберегать командира — будешь потом сам ценить ведомых. Взаимодействие пары предполагает обоюдную заботу друг о друге, в противном случае успеха не видать,— поучал летчиков майор Краснов.

Постепенно наши пары превращались в своеобразные «летающие крепости» — к ним никто не мог подступиться, а их огонь был неотразим. Боевая взаимовыручка незаметно вырастала в большую воинскую дружбу. В эскадрилье складывался прекрасный, сплоченный коллектив, где все — успехи, неудачи, радости, горести — было общим, где каждый стоял горой за другого.

Олега Смирнова мы наделили партийной властью, Анатолия Володина — комсомольской. И сразу же почувствовали результаты их деятельности: начали по очереди выпускать юмористический боевой листок, проводить политические информации. Помню, какую бурю гнева вызывали в наших сердцах материалы о судебных процессах над изменниками Родины. Для меня все гитлеровские прислужники были на одно лицо — похожими на того старосту, которого видел на Кубани.

...Наша боевая деятельность была в разгаре, когда пришло извещение о том, что в Днепродзержинске состоится летно-тактическая конференция 9-го смешанного авиакорпуса.

Ехать пришлось мне: за два дня до вызова от нас внезапно ушел майор Краснов в полк Онуфриенко.

Мы предчувствовали, что человек с таким опытом и умом долго не задержится на одном месте. Но когда узнали о его перемещении — всем стало грустно. Понимали: в должности заместителя командира полка Краснов принесет больше пользы, однако им еще не было сказано последнее слово в должности командира эскадрильи охотников. Я намекнул об этом Григорию Онуфриенко, тот совершенно неожиданно ответил:

— Последнее слово за тобой, Скоморох, принимай эскадрилью — это приказ комдива.

Опешив от такой новости, я не знал, что сказать: мне не нравилась скоропалительность назначения.

— Все будет хорошо, Скоморохов,— добавил Онуфриенко, видя мое замешательство.— Эскадрилья в опера-

тивное подчинение передана полку, так что рассчитывай на мою поддержку и помощь...

Вот так я очутился на корпусной конференции.

Не думал, что этому мероприятию придадут такое большое значение: в нем приняли участие командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский, представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский, наш командарм генерал-лейтенант авиации В. А. Судец и другие вышестоящие начальники и командиры.

Цель конференции — обобщить опыт боевых действий авиаторов корпуса. Выступали многие летчики, делились своими соображениями, наблюдениями, выводами, давали советы, вносили предложения. Мой блокнот пополнился очень ценными записями.

В заключение выступили Р. Я. Малиновский и А. М. Василевский. Они одобрили работу конференции, порекомендовали обобщенный опыт довести до каждого летчика.

Я не предполагал, что в ближайшие дни после окончания конференции снова встречусь с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, но уже при совершенно других обстоятельствах.

Нашей эскадрилье было поручено прикрытие самолета, на котором следовали с аэродрома Морозовка А. М. Василевский и сопровождавшие его генералы.

Помню, получая приказ, я спросил Онуфриенко:

— Почему остановились именно на нашей эскадрилье? Мы же все-таки охотники...

Тот в ответ хитро подмигнул:

— Прикрывать высокое начальство — дело особо почетное. А ты уже имеешь опыт общения с ним. Вот тебе и карты в руки.

Под «общением с высоким начальством» он подразумевал мою встречу с Р. Я. Малиновским. Но тогда было совсем иное дело...

Когда генералы во главе с А. М. Василевским прибыли на стоянку, я, представившись, доложил:

— Эскадрилья в составе шести самолетов готова к выполнению задания!

Василевский поздоровался со мной за руку.

— Как отдохнули?

— Хорошо, товарищ Маршал Советского Союза!

— Давно воюете?

— С тысяча девятьсот сорок второго года...
— Знаете, куда полетим?
— Так точно!
— Как вы здесь сражаетесь?
— Стараемся, товарищ Маршал Советского Союза!
В разговор вмешался наш командарм.
— Старший лейтенант Скоморохов лично сбил шестнадцать самолетов,— сказал он.
— Что ж, тогда можно быть спокойным,— улыбнулся Василевский.
Я чувствовал себя очень скованно. Ведь рядом со мной был начальник Генерального штаба. Усилием воли взяв себя в руки, я обратился к нему:
— Товарищ Маршал Советского Союза, считаю своим долгом доложить, что маршрут нуждается в корректировке — в районе Запорожья он проходит в десяти километрах от переднего края, не исключено нападение «мессершмиттов».
— Именно на этот случай мы и берем с собой столь надежное прикрытие,— спокойно ответил Василевский.
— Зачем же рисковать? Ваш Ли-2 чересчур хорошая мишень. Лучше все-таки выбрать маршрут побезопаснее.
— Вы так думаете? Ну-ка позовите командира моего самолета подполковника Афанасьева,— обратился он к порученцу.
Через минуту прибыл энергичный, подтянутый, худощавый офицер.
— Афанасьев, вот командир эскадрильи прикрытия утверждает, что мы выбрали не совсем удачный маршрут...
— Он прав, товарищ Маршал Советского Союза!
— Вы что, сговорились? Ладно, будем иметь в виду, что маршрут рискованный, но менять его не станем. Готовьтесь к вылету!
Мы пошли к самолетам, я тихо сказал Афанасьеву:
— Может, сами незаметно изменим маршрут?
— Этот номер не пройдет,— ответил он.— Маршал отлично ориентируется, всегда сличает карту с местностью...
В боевом эскорте идут Смирнов, Новиков, Калашонок, Кирилюк, Кузнецов. Чувствую, что каждый из них утроил бдительность, не снимает пальцев с гашетки оружия. Знаю, что каждый из них жизнь отдаст, но не до-

пустит врага к охраняемому самолету. В. А. Судец перед вылетом предупредил нас:

— Головой ответите, если хоть один вражеский снаряд зацепит Ли-2...

Думаю, что командарм сделал это ради формы, он прекрасно понимал, на что мы способны ради образцового выполнения возложенной на нас задачи.

Первую половину маршрута прошли благополучно. Вот и Запорожье. Тут мы все еще более насторожились. Свой боевой порядок построили так: я с Калашонком — сзади, Кирилюк — справа. Остальные слева. Временами снижаюсь до бреющего полета, осматриваю нижнюю полусферу. Кирилюк наблюдает за верхней.

Когда удалились от Запорожья километров на тридцать, все облегченно вздохнули.

Вот наконец и полевой аэродром Отрада — конечный пункт маршрута. И тут вдруг перед нами откуда ни возьмись возникает «як». И ведет себя странно: стал рядом, вроде рассматривает нас. Что за чертовщина? Беру его на прицел. Кирилюку передал:

— Покачай ему крыльями, чтобы отстал.

Кирилюк качает крыльями, а «як» как будто не видит этого, идет на сближение.

Всякие чудеса бывали на войне. Иногда и враг летал на наших машинах. Может быть, это как раз такой случай? Кто его знает, но безопасность представителя Ставки Верховного Главнокомандования — прежде всего. Снова прицеливаюсь, даю заградительную очередь. Он тут же — к аэродрому. Давно бы так!

Приземляемся и мы. «Як» лежит на фюзеляже.

После посадки докладываю Василевскому о выполнении задания.

— Молодцы! — пожал он мне руку.— Немцы поняли, с кем имеют дело, не рискнули напасть. Только почему вы своих сбиваете?

Я не успел рта открыть — в разговор включился встречавший гостей командующий 8-й воздушной армией генерал Т. Т. Хрюкин, в хозяйстве которого мы произвели посадку:

— Товарищ Маршал Советского Союза, у «яка» случилась неисправность, он и пошел на вынужденную...

— Да, больше деваться ему было некуда,— сказал Василевский.— Идите, Скоморохов, отдыхайте, ждите указаний.

— Слушаюсь! — Я взял под козырек, собрался уходить.

— Подождите, Скоморохов,— вдруг остановил меня маршал.— Что это у вас за латки на куртке?

— Зашил дырки от эрликонов, товарищ Маршал Советского Союза!

— Вот те на! Такой летчик — и в латаной куртке. Не годится.

В тот же день по распоряжению генерала Хрюкина мне выдали новенькую американскую куртку. Старую я не сдал — оставил себе. Расставаться с ней было не так-то легко: она — свидетельница моих нижнедуванских передряг.

Итак, от Малиновского — новый комбинезон, от Василевского — новая куртка. Получалось, что высокое начальство заботилось о моем внешнем виде больше, чем собственное. Это случалось потому, что волею случая я попадал ему на глаза. Но в то время все мы были одеты бедновато и никто не жаловался: понимали — война.

Вечером в летной столовой нас атаковали пилоты «яков»:

— Вы что, слепые? Не узнаете своих?

— А вы не видите, на кого нападаете?

В ходе короткой перепалки выяснилось, что летчики «яков» ни разу не видели близко Ла-5 и приняли их за «фоккеров». Почему же их никто не предупредил об этом особо ответственном рейсе Ли-2, прикрывать который будут Ла-5? Хотя бы показали им макет нашего истребителя.

Странно было слышать, что и на третьем году войны не все еще знают свои собственные самолеты. Пусть в 41-м Покрышкин сбил самолет соседнего полка — тогда это можно было понять. Но сейчас, когда уже все научены горьким опытом, с подобным никак не хотелось мириться. Во всяком случае, я про себя решил: вернусь в эскадрилью — еще раз проведу занятие по изучению советских боевых самолетов.

Улетали мы обратно через два дня. Проводили Ли-2 до Запорожья, а сами отправились в Днепропетровск — наш аэродром оказался раскисшим.

Мы уже истосковались по настоящей боевой работе, всем хотелось побыстрее отправиться на свободную охоту.

Но события на войне развиваются по своим законам, и предугадывать, чем тебе придется заниматься завтра,— дело безнадежное.

В марте Ставка поставила 3-му Украинскому фронту задачу преследовать отходящие части противника, не допуская его ухода за Южный Буг; захватив переправы на участке Константиновка — Вознесенск — Новая Одесса, с ходу овладеть Николаевом и Херсоном, в дальнейшем освободить Тирасполь и Одессу, продолжать наступление с целью выхода на государственную границу с Румынией.

Главный удар был нанесен с плацдарма западнее Широкого. В образовавшуюся во вражеской обороне брешь сразу же устремилась конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева. Достигнув Нового Буга, она должна была пройтись по гитлеровским тылам в районе Николаева.

На авиацию нашего корпуса возлагалась задача по прикрытию и поддержке действий группы Плиева. До сих пор там в качестве авиационного представителя находился командир дивизии, а теперь его должен был сменить начальник штаба полковник Д. Русанов, переброску которого в группу поручили мне.

На По-2 вылетаем в тыл врага.

Как пригодился мне опыт полетов по оврагам! Благо их много в тех краях, они здорово нас с Русановым выручили.

На подходе к Новой Одессе встретились с «мессерами». Что против них По-2! Беззащитная мишень. Но По-2 — вездеход. Я снизился до самой земли, пошел «ползать» по глубоким оврагам. «Мессеры» носятся над нами, стреляют, а причинить вреда не могут. А вот когда выскочили на Южный Буг, стали пересекать его — тут пришлось совсем туго.

Кричу Русанову:

— Пойдем к казакам и с ходу сядем?

— Давай,— отвечает он,— иначе вообще не доберемся.

Снова «поползли» над кустами. Вот и лагерь казаков. В центре — небольшая площадка. Убираю газ, шлепаемся прямо на нее. Тормозов на По-2 нет. Он бежит, а «мессеры», как ошалелые, клюют его. Пришлось нам на ходу выскочить. Когда я потом подошел к нашему «небесному тихоходу», он имел жалкий вид: перкаль с крыльев содрана, элероны изрешечены.

— Как назад полетишь? — сокрушенно спросил Русанов.

— Что-нибудь придумаем.

Нас тут же обступили обрадовавшиеся нашему прилету казаки и казачки. Были они одеты кто во что горазд, но у каждого мужчины на голове красовалась кубанка.

Казачки тут же занялись ремонтом По-2: притащили куски брезента, стали им залатывать дыры на плоскостях. Ребята, которые помоложе, где-то раздобыли горючего — пополнили баки. Попрощавшись со всеми, я отправился домой, надеясь, что больше не придется летать этим маршрутом.

Только надежды эти не оправдались. В Кривом Роге, где теперь на площадке базировалась наша эскадрилья, я узнал, что нам приказано прикрывать Ли-2, перебрасывающие оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты в группу Плиева.

Что ж, нет худа без добра: хоть маршрут хорошо знаю.

Труженик Ли-2 — самый беззащитный самолет из всех, которые нам приходилось встречать. Тяжело груженный, вооруженный одним пулеметом, он лишен малейших шансов на спасение при встрече с противником. И в то же время на войне без него невозможно было обойтись: другого столь удобного транспортного средства тогда не имелось.

Но прикрытие Ли-2 — не для свободных охотников. Все приступили к выполнению новой задачи без особого энтузиазма. Требовалось в срочном порядке поднять настроение летчиков. Провели партийно-комсомольское собрание. Я рассказал, в каких тяжелых условиях сражаются плиевцы, как остро нуждаются они в помощи.

Удивительной силой обладает вовремя сказанное нужное слово! Когда людям ясно, почему им велят то, а не иное, они трудятся с утроенной энергией.

Протяженность маршрута Ли-2 была около 130 километров. Но все осложнялось тем, что летать надо было днем, пересекая линию фронта. «Транспортники» выходили в заданный район и по сигналам с земли, подаваемым по радио или ракетами, сбрасывали на парашютах свой груз.

«Мессеры» остервенело атаковали наши группы. Из-под каждого куста били зенитки. С трудом прорывая завесу огня, мы пробивались к группе Плиева. Наши ребята сдержали слово: ни один Ли-2 не был потерян. Но

погиб Виктор Кузнецов. Отбивая атаку «мессеров», он вскочил в облака, не справился с управлением, вошел в штопор, а выйти из него не смог: не хватило высоты. Упал на территорию, занятую казаками. Его сразу же вытащили из-под обломков Ла-5. К месту падения самолета немедленно выехал командир дивизии полковник А. Селиверстов, наблюдавший за воздушным боем с земли. На его руках Виктор скончался. Всем было не по себе: не уберегли самого молодого, но подававшего надежды боевого товарища.

Опыт прикрытия Ли-2 пригодился нам, когда в районе Березнеговатого — Снегиревки попала в котел 6-я немецкая армия. Фашисты бросили туда под прикрытием «мессершмиттов» целые косяки Ю-52 с продовольствием и боеприпасами. Только немногим из них удалось прорваться сквозь наш заслон: мы жгли Ю-52 один за другим.

13 марта освобожден Херсон. Правобережье Днепра полностью очищено от фашистских оккупантов!

В эти дни в газетах было опубликовано Постановление Верховного Совета Украинской ССР, в котором выражалась искренняя благодарность доблестной Красной Армии, великому русскому народу, всем народам Советского Союза, Советскому правительству, Коммунистической партии за освобождение украинской земли от гитлеровской нечисти, за неоценимую помощь в восстановлении разрушенного фашистами народного хозяйства.

В эскадрилье состоялся митинг, на котором было зачитано это Постановление. Наши авиаторы поклялись и впредь беспощадно громить врага на земле и в воздухе вплоть до полного его уничтожения.

— На благодарность правительства Украины ответим новыми боевыми подвигами, новыми сокрушительными ударами по врагу! — сказал коммунист лейтенант Олег Смирнов.

Такие митинги проходили во всех наших частях. Они вызвали волну нового патриотического подъема. Летчики эскадрильи стали драться с особой ожесточенностью. Немало фашистских асов вогнали они в землю в районе Вознесенска — Николаева.

24 марта освобожден Вознесенск. Но вместе с этой радостной вестью пришла и другая, печальная: в тот же день в районе Березовки был сбит командир 306-й Крас-

познаменной штурмовой авиационной дивизии полковник Александр Филиппович Исупов.

Слава о его подвигах шла по всему фронту. Армейская и фронтовая газеты не раз рассказывали о сокрушительных ударах по врагу, наносимых штурмовиками под его командованием.

И вот он сбит над оккупированной территорией, взят в плен.

О трагической судьбе этого прекрасного человека, бывшего комиссара полка, заместителя командира дивизии по политической части, мы узнали уже после войны. Он был направлен в лагерь Маутхаузен. Там пытались заставить его стать на путь измены, поручили ему выступить перед пленными. Свою пламенную, страстную речь под свист эсэсовской плетки отважный сокол закончил словами:

— Да здравствует Советская Родина!

Его заточили в блок смерти № 20. Он не пал духом — стал готовить побег военнопленных. Тайный план был раскрыт, полковника А. Ф. Исупова зверски казнили на глазах у пленников Маутхаузена.

...Наши войска неудержимо развивали наступление. Мы беспрестанно меняли полевые аэродромы.

На северной окраине Кривого Рога мне довелось произвести еще одну вынужденную посадку прямо на огороде железнодорожника. Нет, меня не подбили. Мы с Калашонком после боя с «юнкерсами» возвращались на аэродром, а тут, как назло, сгустился туман. Пока решали, что предпринять, горючее кончилось. Калашонок сел на «живот» на южной окраине Кривого Рога, мне удалось дотянуть до северной.

Самолет не получил особых повреждений, но все же было жаль его до слез: он ведь новенький, и не просто Ла-5, а Ла-5фн — с повышенной мощностью мотора. Я его совсем недавно получил.

Начиная с Баштанки, всем нам не терпелось поскорее увидеть славную Одессу, хотя бы с воздуха. Будут ли фашисты упорно отстаивать важный для них приморский город?

В последний день марта майор Онуфриенко решил лично слетать на разведку в район Одессы. Мне предложил быть его ведомым. Я с радостью согласился. Еще бы, в такой полет с таким летчиком!

Перед тем как занять места в кабинах, Онуфриенко сказал мне:

— В воздухе будь особенно осмотрительным. Открою тебе свой секрет: я — дальтоник. Это усложняет мне поиск цели.

— Понял, Григорий Денисович,— ответил я, немного опешив от такой новости. Ведь Онуфриенко был незаурядным летчиком. И это при таком зрении... Удивительный все-таки человек! Околдовал меня с первой встречи и до сих пор продолжает поражать...

Летели спокойно. Просматривали дороги, переправы, определяли, куда и сколько движется вражеских войск.

Оставалось километров пятьдесят до Одессы. Ее облет не входил в наши планы. Но как тут удержаться!

— Пойдем посмотрим, как живет Одесса,— передал по радио Онуфриенко.

У меня сильней забилось сердце: сейчас увижу Черное море. То самое море... У синей волны его началась моя фронтовая жизнь.

Километров за пятнадцать до города сделали горку, осмотрелись, снова снизились и на бреющем продолжали путь.

Что я знал о героической Одессе? Источником моих познаний были книги, песни, рассказы шестаковцев. Но их оказалось достаточно, чтобы запомнить и полюбить этот необычный по своей судьбе южный город.

Вот встает перед нами его широкая панорама, бросаются в глаза развалины кварталов, улицы, забитые фашистской военной техникой, порт, у причалов которого скопилось множество кораблей.

А еще дальше — Черное море.

Я видел его осенью и не знал, что оно бывает такой ослепительной голубизны. Недаром говорят, что весной все обновляется.

Бурю чувств вызвало во мне это краткое свидание с морем. Возникшее в душе приподнятое, праздничное настроение не смогли омрачить даже густые разрывы зенитных снарядов.

Здравствуй, море! Я вернулся к тебе через все невзгоды, сквозь грозы, сквозь огненное небо.

Мы пришли в тот край, где родилась боевая слава Льва Львовича Шестакова и его орлов. Это они взлетали прямо с улиц города для отражения вражеских налетов. Это они принесли отсюда на далекий азербайджанский

аэродром высокий бойцовский дух, непоколебимую веру в нашу победу, которые, как эстафету, передали нам. Может быть, благодаря именно этому мы и смогли прийти сюда, чтобы продолжить героическое дело шестаковцев...

Онуфриенко, бывавший в Одессе до войны, быстро сориентировался, по железнодорожным путям мы вышли прямо на городской вокзал. Он битком набит людьми и техникой. Фашисты спешно грузятся в эшелоны, идет эвакуация войск.

Мы с ходу зашли на штурмовку эшелонов. Потом еще разок. На вокзале поднялась невообразимая паника, фашисты все бросали и разбегались. Мы с малой высоты били по крышам вагонов. Загрохотали взрывы, вспыхнули пожары.

Вот какую первую «визитную карточку» оставили мы фашистам на одесском вокзале.

Вернулись на полевой аэродром Петропавловский — там гости: московские артисты во главе со Львом Свердлиным. Он полюбился нам по фильмам «Жди меня», «Насреддин в Бухаре». Мы страшно обрадовались встрече с ним и его коллегами. Онуфриенко на радостях, пока готовили сцену, показал гостям высший пилотаж. Артисты пришли в неописуемый восторг. Через каких-то полчаса все стали своими, казалось, что мы давным-давно знаем друг друга.

Концерт прошел весело, под бурные аплодисменты. Кроме нашего полка на нем присутствовало полсела.

Наутро артисты захотели посмотреть наши боевые машины, разошлись по эскадрильям. Летчики усаживали их в кабины, рассказывали что к чему.

Свердлин поинтересовался, как удается в воздухе попадать в самолет противника.

Онуфриенко начал было объяснять, а потом передумал, стал оглядываться. Увидел на краю летного поля заброшенную мазанку, сказал своему технику:

— Проверь, нет ли там кого, закрой газетой окно и возвращайся сюда.

Техник все сделал.

— А теперь, Лев Наумович, я вам покажу, как мы в воздухе стреляем. Это будет убедительнее,— предложил Онуфриенко.

Он взлетел, набрал небольшую высоту, развернулся и пошел прямо на мазанку, в какой-то миг дал короткую очередь — газета в проеме окна исчезла.

Теперь аплодировали гости.

— Такое не часто увидишь,— восхищались они,— настоящий артист!

«Вот тебе и дальтоник»,— подумал я.

Свердлин оказался уроженцем Астрахани. Для меня это было приятным открытием. Мы поговорили, вспомнили наш родной город, нашлись у нас и общие знакомые.

— Если буду в Астрахани — обязательно расскажу, как сражаются наши земляки,— пообещал Свердлин на прощание.

Долго еще вспоминали мы эту встречу с артистами. Дорого было нам их внимание, они ради нас тоже ведь совершили подвиг — приехали в такое время на фронт.

Наступило утро нового дня.

Примчался к нам посыльный из штаба полка:

— Срочно готовиться к перелету.

Я тут же поднял всю эскадрилью.

Султан-Галиев, протирая спросонья глаза, как-то ехидно улыбнулся:

— Шутка это, наверное, командир, ведь сегодня первое апреля.

А что, если и в самом деле шутка? Григорий Денисович вполне мог ее выкинуть. Но тут мы увидели, что и другие помчались на аэродром.

Через час приземлились в поле у Старой Кантакузинки. Оказывается, там уже находился 866-й полк соседней дивизии, работавший на «яках».

Различие в самолетах тут же стало предметом бурного обсуждения их достоинств, перешедшего в спор, разрешить который можно было только в воздухе.

Онуфриенко взлетел и выполнил головокружительный каскад фигур высшего пилотажа.

Командир 866-го полка подполковник Н. Кузин решил не оставаться в долгу — он приказал одному из лучших своих летчиков командиру эскадрильи капитану Александру Колдунову подняться в воздух и показать, на что способен истребитель Як-1.

Саша Колдунов попал на фронт необычным путем. Он находился в запасном полку и рвался в бой — ему хотелось воевать. Но командование не торопилось его, как и многих других, отпускать. Тогда Саша пошел на крайность: при отправке на фронт очередной группы летчиков спрятался в чехлах на борту Ли-2 и «зайцем» прибыл

в боевую часть. Возвращать Колдунова в тыл не стали — и не прогадали.

За год он вырос в превосходного воздушного бойца, возглавил эскадрилью, а потом стал дважды Героем Советского Союза.

И вот Саша ушел в небо доказать, что Як-1 не уступает Ла-5. И доказал, успешно повторив все проделанное Онуфриенко, выполнив кое-что свое.

Мнение наблюдавших за этим необычным состязанием было единодушным: и машины, и летчики равноценны.

От Старой Кантакузинки уже рукой подать до Одессы.

Вместе с наступающими войсками в освобождаемые города и села возвращались партийные и советские работники. Как-то нашей эскадрилье поручили сопровождать группы По-2. Предупредили:

— Задание особо ответственное!

Прикрытие По-2 — дело не простое. Слишком уж они тихоходные. Приходится стараться, чтобы не уйти вперед, обеспечить надежную охрану. Нам пришлось несколько раз сопровождать шестерки По-2 на аэродром, расположенный километрах в пятнадцати от Одессы, и оттуда на окраину города.

Изрядно уставшие, мы расположились вблизи города на ночлег, познакомились с теми, кого оберегали. Это оказались руководители одесских партийных и административных органов, люди, на плечи которых теперь легла вся тяжесть забот о восстановлении приморского города.

На обратном пути заметили странный паровоз, который медленно двигался к Одессе, оставляя за собой разрушенную колею. Прошлись на бреющем — видим, у паровоза сзади крюк, им он режет шпалы, разрушает путь. Ударили по черному паровозу. Он пустил пары. Готов, значит. Но только отошли — опять начал двигаться. Послал Кирилюка — тот дал очередь, от которой паровоз взорвался.

Прошло еще два дня — Одесса стала нашей. Мы перебазировались на полевые аэродромы сначала в Рауховку, затем в Раздельную.

А вскоре пришла невеселая весть: наша эскадрилья расформировывается. Почему?

Полки, из которых мы ушли, потеряли многих опытных летчиков. Командиров мало устраивало необстрелянное пополнение, и они настояли на возвращении своих опытных воздушных бойцов.

Более чем трехмесячное существование эскадрильи охотников ознаменовалось десятками сбитых фашистских самолетов, множеством уничтоженной боевой техники на земле. Очень жаль было терять дружный, сплоченный, боевой коллектив. Он мог бы многое и многое еще сделать. Однако пришлось расставаться.

Григорий Онуфриенко тут же предложил мне перейти командиром эскадрильи к нему в полк.

Предложение заманчивое. Но как же быть со своим родным коллективом? Как расценят товарищи мой поступок? Будет ли кому-нибудь в радость мой уход из полка? И тут я вспомнил Ермилова... То, что было между нами, как-то затушевалось. Но он и другим приносил огорчения, многие страдали из-за него.

Нет, служить рядом с таким человеком — это не по мне. Правда, там я узнал и прекрасных людей, у которых многому научился. Евтодиенко, Шахбазян, Девкин — этих уже нет в живых, но с ними я рос как воздушный боец. Шевырин, Овчинников, Устинов, Онискевич... Нет, тяжело все-таки расставаться с тем, что стало частицей твоего сердца.

Долгими и тяжелыми были мои раздумья. Онуфриенко это видел и обратился к командиру дивизии. Последовал приказ, который поставил, как говорится, точку над «и».

Так я стал командиром первой эскадрильи 31-го Краснознаменного, ордена Кутузова III степени истребительного авиационного полка.

Судьба снова, теперь уже надолго, свела меня с человеком, к которому я тянулся всем сердцем.

С Онуфриенко я прошел по всему югу Украины — от Нижней Дуванки до Малого Тростянца. На этом долгом и трудном пути пришлось перенести много испытаний. Мне всегда придавал сил пример Героя Советского Союза Г. Д. Онуфриенко, с которым мы сражались рядом в небе, который и учил меня, и выручал из беды.

...Волга, Кубань, Дон, Днепр уже были в глубоком тылу, их чистые воды больше не осквернит фашистская нечисть.

Впереди у нас лежали Днестр и Прут.

НА РУБЕЖЕ ДНЕСТРА

Начиналось четвертое военное лето...

В Малом Тростянце мы пробыли май, июнь, июль и три недели августа. Соловьиная, вишневая Украина как будто не хотела, не спешила нас отпускать: смотрите, мол, какое прекрасное лето, все благоухает, цветет, отдохните, наберитесь сил перед новыми грозными испытаниями...

Да, пройденный нами путь был нелегок. А что предстояло еще пережить — этого никто не мог предвидеть. Знали мы лишь то, что враг будет стоять насмерть на границах нашей Родины: ведь выход советских войск за пределы Советского Союза грозил полным распадом блока фашистских государств.

Наступившее затишье было тревожным и напряженным.

На нашем фронте еще оставались оккупированные врагом Измаильская область Украинской ССР и Молдавия. Днестр превратился в огненный рубеж, на котором как бы замерли противоборствующие силы перед грандиозным решающим столкновением.

Наступление приостановилось, происходило накапливание сил и средств, но для нас, летчиков, перерыва в боевой работе не было. Авиация отдыхала на войне лишь в нелетную погоду.

А сейчас стояли великолепные солнечные дни.

За моими плечами — три месяца командования эскадрильей охотников. По тому военному времени — школа солидная. За этот период я приобрел некоторые навыки воспитания и обучения людей. Но и крепко запомнились слова заместителя командира 31-го полка по политической части майора А. И. Резникова:

— В работе с людьми, как и в воздушном бою, нет рецептов на все случаи. Оправдавший себя в одних обстоятельствах метод может жестоко подвести в других. Сколько подчиненных, столько и характеров, недопустимо ко всем подходить с одинаковой меркой.

Авраам Иосифович преподал мне первые уроки военной педагогики. До этого со мной никто не вел таких бе-

сед, и мне приходилось с большим трудом самому постигать секреты воспитания бойцов. Зато, по словам того же Резникова, в таких условиях лучше проявляется человек, быстрее выясняется, может ли он быть командиром.

Итак, новая эскадрилья — новые люди. Правда, мне повезло. Со мной Виктор Кирилюк, Василий Калашонок и Олег Смирнов — старая закаленная гвардия. Они-то и составили ядро, вокруг которого стал формироваться коллектив эскадрильи.

Из новеньких сразу всем пришлись по душе коммунист младший лейтенант Борис Кисляков и комсомолец лейтенант Николай Панков. Они вместе прибыли в 31-й полк из высшей школы воздушного боя.

Борис Кисляков быстро завоевал всеобщую симпатию. Он закончил военно-политическое училище, воевал в пехоте, а когда потребовались добровольцы в авиацию — захотел стать летчиком. Овладел самолетом, техникой пилотирования — и на фронт.

Благодаря большому жизненному опыту, широкому кругозору, умению легко и просто разъяснять самые сложные вопросы он стал в эскадрилье агитатором. Послушать его беседы приходили даже воины из соседних подразделений.

Такого нужного всем нам человека, разумеется, мы всячески старались оберегать. В боевой строй вводили его неторопливо, осторожно, каждый делился с ним крупицей своего собственного опыта.

Очень восприимчивый, внимательный, всей душой стремившийся поскорее стать настоящим воздушным бойцом, Кисляков довольно уверенно шел в гору.

Парторг эскадрильи лейтенант Павел Прожеев не мог нарадоваться таким помощником. Мне тоже было приятно видеть, как прочно вживался в коллектив этот скромный, незаурядный человек. Когда Прожеев отсутствовал, Кисляков исполнял комиссарские обязанности. А в воздухе нередко обращались к нему:

— Комиссар, прикрой!

Хуже обстояло дело с Иваном Филипповым. Он слабо владел техникой пилотирования. А учить этому на фронте некогда и некому. Оставалось одно: направить его в школу воздушного боя. Потом Филиппов вернется к нам отлично подготовленным летчиком, станет моим ведомым.

Алеша Маслов... Спокойный, уравновешенный, выше среднего роста блондин. Стал ведомым у Калашонка. Ни-

какие невзгоды не могли вывести Маслова из душевного равновесия. Дрался он в воздухе уверенно, но на риск особенно не шел. Обладал одним удивительным свойством — мог спать где угодно и сколько угодно. Боясь за него, мы иногда в воздухе спрашивали:

— Маслов, ну как там, не заснул?

Шутки в этом не было. Стоило Алеше подняться без кислородной маски выше четырех тысяч — его тут же одолевала дремота, машина валилась в штопор. С падением высоты Маслов просыпался, выводил самолет в горизонтальный полет.

Странное свойство! Но к нему привыкли и особого значения этому не придавали. У меня, правда, болела душа, когда я отправлял его на боевое задание. Но что поделаешь? Он и слушать не хотел о том, чтобы его перевели в тыл.

Полюбились нам и прибывшие чуть позже отличные ребята, хорошие летчики — лейтенанты Борис Горьков и Василий Гриценюк. Первый — невысокого роста, улыбчивый крепыш. Он подкупал всех своей искренностью и задушевностью. Второй обладал замечательным голосом, на досуге часто пел украинские песни, и они всегда брали нас за сердце.

Первая эскадрилья славилась в полку своими техниками и механиками. Это были прямо-таки асы своего дела. Им ничего не стоило за ночь восстановить, ввести в строй изрешеченную пулями машину. Выделялся среди всех 43-летний мастер по вооружению старшина Федор Павлович Анискин. Его называли уважительно «дед». До войны он был председателем колхоза в Белоруссии, воевал в пехоте; заслужил орден Красной Звезды и после ранения попал к нам.

Его организаторские навыки очень пригодились. Эскадрилья — хозяйство сложное. Надо подумать о размещении, питании людей, о бане, стирке, сушилке. Особую заботу проявить о девушках, которые находились с нами в одном боевом строю. Все это отлично понимал наш «дед» и умел наладить эскадрильский быт. Видя его незаурядные хозяйственные способности, я назначил его своим ординарцем, и стал он у нас своеобразным начальником тыла. Хорошо, когда в эскадрилье есть такой человек!

Учиться у него сметке и находчивости присылали своих хозяйственников даже командиры соседних эскадри-

лий — капитан Николай Горбунов и майор Дмитрий Кравцов. Оно и понятно: никто ведь не учил нас организации быта и отдыха. А на войне это далеко не второстепенное дело.

Я попал в полк с большими боевыми традициями, это ко многому обязывало. Онуфриенко, Краснова, Горбунова, Кравцова и других летчиков знала вся армия. Об их подвигах рассказывала армейская газета «Защитник Отечества». Я хорошо знал, на что способны эти люди, как много можно у них перенять. Не стесняясь, шел за советами к Горбунову и Кравцову, поучиться боевому мастерству — к Онуфриенко и Краснову. Правда, появилась у меня одна особенность: раньше все, что слышал от бывалых бойцов, брал на вооружение. А сейчас их опыт подвергал критическому анализу, отбирал из него только самое полезное, поучительное. Все как бы просеивалось сквозь сито моего собственного опыта. Видимо, наступала та боевая зрелость, когда ты уже способен сам решать, что тебе нужно, а что нет.

Здесь служилось хорошо — не было людей, подобных Ермилову.

Но родной полк, в котором проходило мое бойцовское становление, я не забывал ни на минуту. Каждая его победа радовала, каждая неудача огорчала. Особенно ранило мое сердце сообщение о том, что в тяжелом состоянии отправлен в госпиталь Султан-Галиев. Это было невероятно — такой виртуоз воздушного боя и вдруг попал в беду! Лишь через несколько лет он выздоровел и вернулся в авиацию.

Еще не остыли переживания за Султан-Галиева, как новый удар: погиб командир второй эскадрильи капитан Николай Горбунов.

Над Южной Украиной в полную силу расцвел талант этого крылатого бойца. Казалось, никто не сможет противостоять ему в боевых схватках. Однажды во главе четверки он встретил более двадцати Ю-87 под прикрытием десяти ФВ-190. Стервятникам пришлось спасаться бегством, многие из них так и не вернулись на аэродром. Трех сбил лично Горбунов.

И вот воздушный бой над излучиной Днестра в районе Дубоссар. Двадцать ФВ-190 против восьмерки наших истребителей. Горбунов всей группой ринулся на «фокке-ров». Подожгли одного, второго фашиста. И тут сверху свалилась десятка «мессеров». Они подбили ведомого

командира третьей эскадрильи Дмитрия Кравцова — младшего лейтенанта Валерия Панютина. Машина вспыхнула, но Валерий стал уходить на свою территорию. «Мессеры» — за ним. Панютин выпрыгнул с парашютом — фашисты открыли огонь. Кравцов не выдержал, бросился на выручку ведомому. Таким образом, одна пара оторвалась от основной группы. Вторая пара, Цыкин — Капустянский, тоже оказалась скованной боем. Образовался смертельный клубок и вокруг третьей пары.

Горбунова прикрывал командир звена лейтенант Владимир Пещеряков. В один из моментов, когда на него и Горбунова обрушили свой огонь сразу два «мессера», он ушел в сторону...

Хоронили мы Николая Ивановича Горбунова, уроженца села Водопьяновка Воронежской области, на кладбище села Грасово Одесской области. В почетном карауле стояли все его боевые друзья. Не было лишь Пещерякова. Совесть терзала его душу не только за капитана Горбунова, но еще и за своего ведомого лейтенанта Валентина Бегуна, которого ранее он потерял, уклоняясь от огня противника.

Всем было ясно, что причина гибели Горбунова и Бегуна — трусость Пещерякова. Такое у нас не прощалось.

Состоялось заседание выездного суда военного трибунала. Первое в моей жизни. Мне поручили выступить на нем общественным обвинителем.

Наверное, мои слова, высказанные от имени всех однополчан, били Пещерякова больше, чем сам приговор. Мы отказывали ему в доверии. Он отступил от военной присяги, за его трусость жизнью своей заплатили два летчика.

Военный трибунал приговорил Пещерякова к семи годам лишения свободы, а позже нашли возможным разрешить ему летать в нашем корпусе в качестве стрелка-радиста. В 1947 году случай свел меня с ним в академии, где он был командиром учебного звена. Кровью искупив свою вину, Пещеряков снова заслужил право быть летчиком.

Страх и трусость...

Это отнюдь не синонимы.

Страх как чувство присущ всем. Он возникает чаще всего перед неизвестностью, таящей в себе опасность, и выражается тревожным беспокойством, душевным смя-

тением, скованностью действий. Страх бывает такой, что от него мороз по коже пробегает.

Однако в душе человека идет напряженная борьба между «опасно» и «надо». У сильных, волевых, дорожащих своей репутацией и честью, ставящих общие интересы выше личных, верх всегда берет «надо». У слабых — «опасно». И на свет появляется омерзительная, предательская трусость.

Так было и с Пещеряковым. Его нравственные устои и убеждения оказались слабее подленького стремления к самосохранению. Такая же история случилась и с младшим лейтенантом Леонидом Кодольским, трусость которого стоила ему собственной жизни.

Он сменил Василия Гриценюка, попавшего надолго в госпиталь: лопнули барабанные перепонки. Случилось это во время полета из Малого Тростянца в глубокий тыл противника. На обратном пути под Кишиневом наткнулись на пару «мессеров». Завязалась схватка. Тут откуда ни возьмись — еще пара «мессеров». Дело плохо: у нас горючее-то на исходе. Надо выходить из боя. Решаю прибегнуть к излюбленному методу — камнем пикировать до самой земли, там вырывать машину и на бреющем — к своим. При выходе из пикирования от резкого перепада давления у меня из левого уха потекла кровь, а у Гриценюка — из двух сразу. После лечения Василий снова придет к нам, но уже со значительной потерей слуха. Мы вмонтируем в его шлемофон усилители, так он пролетает до конца войны и благополучно вернется на родную Украину.

Первое впечатление Кодольский произвел хорошее. Спортсмен, летает сносно. Несколько раз взяли его с собой на задание для «обкатки» — не позволяли ему ввязываться в бой. А потом пришло время, когда надо было и ему драться, а он все в стороне.

Не понравилось это нам, но молчим, продолжаем приобщать молодого летчика к нашему делу. Чувствуем, ему оно не по душе. Начинаем проводить воспитательную работу, напоминать о военной присяге, уставных требованиях. Вроде бы все понимает. А как в бой — так в сторонку.

«Тактика» труса нашла свое отражение в боевом донесении от 15 мая 1944 года. «Младший лейтенант Л. Г. Кодольский в составе четверки Ла-5 во главе с лейтенантом О. Н. Смирновым вылетел на прикрытие наших

войск. Над передним краем группа встретила двенадцать Ю-87 под прикрытием шести ФВ-190. Смирнов повел группу в атаку. Младший лейтенант Кодольский в бой не вступил, ушел в облака, оторвался от группы, приземлился на запасном аэродроме».

После этого случая у меня с Кодольским был откровенный разговор. Но он не признавал за собой вины — сослался на всякие объективные причины.

Тогда я решил проверить его в боевом вылете. В моем присутствии он ни разу не покинул поля боя, но все время держался пассивно ниже меня. Как-то, отбив атаку фашистов, я передал ему по радио:

— Выходи наверх — «мессеры» ушли.

Он «выплыл» рядом. Я увидел его побелевшее лицо, понял: он весь во власти страха. Страх сковал его, превратил в жалкого труса. Почему? Слишком ли дорожил Кодольский своей жизнью? Или вообще не рожден был для боя?

В любом случае нельзя терять воинского достоинства. Кодольский же этого не понимал или делал вид, что не понимает. Неужели рассчитывал вот так, «юзом», пролетать до победы, а потом наверняка выдавать себя за героя? Только небо войны — экзаменатор строгий.

Майор Краснов взялся лично проверить Кодольского. Они взлетели, ушли к переднему краю. Я предусмотрительно послал им вслед Кирилюка и Панкова — на всякий случай. И не напрасно. Как только завязалась схватка с «мессерами», Кодольский моментально исчез. Туго пришлось бы Краснову, если бы не подоспела наша пара.

А Кодольский вдруг появился над аэродромом. Снизился до бреющего полета, начал разворачиваться, да так, что крылом зацепил землю, повредил его. Потом чуть поднялся, стал заходить на посадку и сорвался в штопор на очень малой высоте.

Так бесславно завершился путь еще одного человека из числа тех, настоящие фамилии которых пришлось изменить и сейчас их не хочется называть.

Да, нигде не проверяется человек так, как на войне. Вот почему, наверное, столь крепка и нерушима дружба тех, кто с честью и достоинством прошел через ее жестокое горнило.

...Пока мы сражались в воздухе, наземные войска вели активную подготовку к новому наступлению.

Недалеко от аэродрома находился полигон. На нем

беспрестанно ревели танковые моторы, столбом стояла пыль. Что там происходит? В один из дней мы посетили полигон и увидели тренировку пехотинцев. Автоматчики, пулеметчики, бронебойщики занимали полигонные траншеи, всевозможные хода сообщения, щели, а затем над их головами шли тяжелые танки.

— Бои предстоят тяжелые, мы психологически закаляем молодых солдат,— пояснил нам командир стрелкового батальона.

Это посещение оставило глубокий след в нашем сознании: мы еще раз убедились, насколько тяжел труд «царицы полей», прониклись еще большим стремлением как можно лучше, активнее обеспечивать боевые действия наземных войск.

Чем ближе дело к Ясско-Кишиневской операции, тем больше внимания к нашей подготовке. Сначала — полеты на освоение района предстоящих боевых действий, изучение характера обороны противника. Затем мы приняли участие в учениях. Далее на специальных полигонах отрабатывали наиболее эффективные способы поражения наземных целей.

Впервые в истории советских ВВС силами нашего корпуса было осуществлено сплошное перспективное фотографирование обороны противника на всю оперативную глубину.

Мы вели усиленные разведывательные полеты. Летчики достигали портов Измаил, Тульча, Браилов, Галац, определяли наличие судов, устанавливали их классификацию, облетали железнодорожные узлы, вели наблюдение за шоссейными дорогами, засекали места сосредоточения войск и техники противника, скопления его резервов.

Неустанно трудились в эти дни инженеры, техники, механики. Особенно хочется отметить инженера полка старшего техника-лейтенанта И. Мякоту, техников-офицеров И. Кошеленко, В. Лебедева, М. Миранцова, Ф. Никифирова, Н. Шкатова, механиков сержантов А. Братцева, В. Геренко, А. Дмитриева, ефрейторов Марию Глазунову, Валентину Смолину, Раису Исайкину, красноармейцев И. Варенникова, Анну Корнилкину, Г. Снидо, Веру Сушеву и многих других, чьи золотые руки снаряжали и готовили в полет наши боевые машины.

Нас неоднократно посещали работники политотдела, выступали с лекциями и беседами. Активно работали

партийные и комсомольские организации, пропагандисты и агитаторы.

Лейтенант Прожеев использовал любую возможность, чтобы провести с летчиками, техниками, механиками читку газет, прослушивание сводок Совинформбюро. Лучшие из лучших принимались в партию. Такой чести в нашей эскадрилье удостоились Василий Калашонок и Борис Горьков.

Теперь все чаще и чаще заходила речь об интернациональном долге советского воина-патриота, о нашей освободительной миссии. Мы начали изучать подготовленные политотделом материалы о военно-политическом и экономическом положении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии.

Невольно думалось: неужели побываем в этих государствах, принесем им освобождение от фашизма?

В эти же дни произошло одно радостное событие: к нам прибыла делегация из города Новомосковска Днепропетровской области, чтобы вручить самолеты, приобретенные на средства трудящихся. Визит не был случаен: наша 295-я Краснознаменная, ордена Кутузова II степени истребительная авиационная дивизия удостоилась в свое время почетного наименования Новомосковская.

И вот на аэродроме выстроились новенькие боевые самолеты с броской надписью на бортах «Новомосковский колхозник».

Машины вручал лучшим из лучших глава делегации — секретарь городского партийного комитета. Воздушные бойцы, удостоившиеся чести летать на подаренных им самолетах, поклялись, что оправдают доверие народа новыми победами в схватках с ненавистным врагом.

Было приятно сознавать, что волна народного патриотического движения, начатого моим земляком — саратовцем Ферапонтом Головатым, докатилась и до нас, принесла нам также необходимые новенькие самолеты-истребители. Мы знали, что до этого такая же партия боевых машин от комсомольцев Дальстроя была вручена 5-му гвардейскому истребительному полку.

Мне хорошо был знаком этот полк — под Харьковом мы базировались с ним на одном аэродроме. В нем служил еще один мой земляк, ставший Героем Советского Союза в сентябре 1943 года — незадолго до своей трагической гибели,— Иван Никитович Сытов. Старожилы-

харьковчане наверняка помнят, как над площадью Дзержинского вел воздушный бой один наш истребитель с четырьмя «мессерами», два из которых были уничтожены отважным советским летчиком — лейтенантом Иваном Сытовым.

Горько сознавать, что такого человека нет уже в живых. Он был достоин получить первым этот подарок.

Знали также, что самолеты, построенные на средства трудящихся Запорожской области, были вручены эскадрилье Героя Советского Союза В. И. Попкова, позже награжденного второй Золотой Звездой.

Мы терпели, ждали своей очереди.

Но не просто ждали, а старались заслужить столь высокую честь своими делами.

Приезд делегации вылился в большой, светлый праздник.

Утро нового дня, связанное с грустным прощанием с гостями, вернуло нас к обычным боевым будням.

Враг пытался беспрестанно штурмовать с воздуха наши позиции. Он вел разведывательные полеты. В небе то и дело завязывались горячие схватки.

К этому времени в полку произошли некоторые существенные перестановки. Командиром 2-й эскадрильи назначили Дмитрия Кравцова, его заместителем — Олега Смирнова. Третью принял старший лейтенант Петр Якубовский — его разведэскадрилью расформировали, он вернулся в свой родной полк.

Прошел слух, что нашего начальника штаба подполковника Н. М. Сергеева забирают в оперативный отдел армии.

Что ж, Николай Михайлович вполне заслуживал такого выдвижения. Он — старый вояка, дрался еще с басмачами, затем окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Дело свое знал превосходно. Всегда спокойный, уравновешенный, образцово выполнял возложенные на него разнообразные обязанности. Для полка такой начальник штаба был просто кладом, расставаться с ним никому не хотелось. Но слухи подтвердились. Сергеев от нас ушел, а на его место назначили моего старого знакомого — майора Г. Горнова.

Разве мог кто-нибудь подумать тогда, что такое перемещение, кроме огорчений, ничего всем нам не принесет? К сожалению, именно так и произошло. А что касается

Григория Онуфриенко, то придет время — и в его военной судьбе оно сыграет роковую роль...

С уходом Смирнова в эскадрилье стало меньше опытных воздушных бойцов. Командиром звена вместо Смирнова был назначен Калашонок, появился у нас еще один новичок — лейтенант Николай Козлов.

Пока что мы не имели боевых потерь. В эскадрилье охотников их тоже не было, за исключением Кузнецова, не сумевшего выйти из штопора. Хотелось и сейчас так подготовить людей, чтобы победы оплачивались как можно меньшей ценой, а не так, как это было у Алексея Артемова. Он сбил тринадцать самолетов, но и сам потерял десять машин. Когда в последний раз пришел пешком с боевого задания, товарищи поздравили его с возвращением, но все-таки сказали словами Маяковского:

— «Юбилей — не елей», впредь будь искусным в бою, сохраняй своего верного друга — самолет.

6 июня, как известно, после почти двухлетних проволочек свершилось, наконец, долгожданное событие: открылся второй фронт.

Гитлеровцам, конечно, было над чем задуматься. Успехи Красной Армии способствовали усилению национально-освободительной борьбы в оккупированных странах, росту противоречий в блоке фашистских государств.

Долгим, очень долгим было наше ожидание. Многие уже потеряли было веру в вероятность его открытия.

Наступившее предгрозовое затишье командование дивизии решило использовать для отдыха летного состава. Был организован пятидневный профилакторий. Там я встретился с Валентином Шевыриным — моим бывшим ведомым.

Приятно было узнать, что он стал настоящим воздушным асом, имеет солидное число сбитых вражеских самолетов. Об одном успешно проведенном им бое молва как-то докатилась даже до нас. Он был тогда ведущим четверки, а сражаться пришлось в общей сложности с пятьюдесятью четырьмя Ю-87. Наша четверка сбила шесть вражеских самолетов, и половину из них сразил Шевырин.

Мы прекрасно провели с ним время. Купались. Ловили рыбу. Вспоминали минувшие бои, старых знакомых.

— Все сожалеют, что ты ушел из полка,— сказал как-то Валентин.— И понимают, что так тебе лучше, а

все равно сожалеют. Наш Устинов скоро уходит на курсы, вот и был бы у нас комэском...

— Должность меня не прельщает,— ответил я.— Есть вещи поважнее.

— Например?

— Ну, хотя бы уверенность в том, что тебя никто не унизит...

— Ты имеешь в виду Ермилова? Он все такой же. Сам в боях не бывает, а других поучает. И не смей ему перечить — наживешь недруга на всю жизнь.

— Странно, что никто его не поставит на место.

— Начальство не знает. А те, что пониже,— молчат, не хотят связываться с ним.

— Да, трудно жить с такими людьми...

В профилактории нам выпала возможность посетить Одессу.

Мы осмотрели все ее достопримечательности, зашли в оперный театр. Там как раз была репетиция. В пустом зрительном зале занимаем места, наслаждаемся пением настоящих певцов. Антракт. Зажигается свет — мы на виду у артистов. Аплодируем им, а они — нам. Приглашают на сцену. Робея, смущаясь, поднимаемся за кулисы. Через пять минут со всеми перезнакомились, был накрыт не очень богатый стол. Мы поднимали тосты за артистов, они — за нас, за наши боевые награды: у меня на гимнастерке сияли три ордена, у Валентина — два.

Так в хорошей, теплой, сердечной компании за кулисами оперного театра завершился мой второй визит в Одессу. Он и остался в памяти как единственное, связанное с коротким отдыхом, приятное воспоминание за всю войну.

...Наступил День Воздушного Флота СССР. В 1942 году я встречал его еще в глубоком тылу. В 1943 году — в чадном небе Курска и Донбасса. И вот теперь — на подступах к нашей государственной границе.

В прошлом году как раз в эти дни наш полк понес тяжелые потери: с задания не вернулись Владимир Евтодиенко, Сергей Шахбазян, Иван Григорьев и Иван Алимов. Эти жертвы не были напрасными, они приблизили нас к победе над ненавистным врагом. Однако и сейчас, год спустя, невозможно было спокойно думать о том, что больше я никогда не увижу своего первого боевого учителя Володю Евтодиенко, верного друга и това-

рища Сергея Шахбазяна, надежных товарищей Ваню Григорьева, Ваню Алимова.

Смелые, отважные были эти люди. И погибли героями. Евтодиенко с шестеркой Ла-5 в районе Богородичного обнаружил около двадцати Ю-88, заходивших на бомбежку нашего переднего края. Он со своими ведомыми смело ворвался в фашистский строй, нарушил его, заставил противника повернуть назад. И тут наших «ястребков» внезапно атаковала десятка «мессеров».

Пять «лавочкиных» вернулись домой. Шестого не дождались — погиб Володя Евтодиенко.

Из глубоких раздумий меня вывел Павел Прожеев.

— Товарищ командир, в День авиации люди хотят, чтобы вы рассказали о пройденном пути, о боевых товарищах. Для молодых летчиков это будет очень интересно и полезно.

Вот так я уже стал вроде бы ветераном эскадрильи. Сам-то на год, может быть на два, старше своих подчиненных. Да, в летах разница невелика, а вот в душе я уже давно чувствую, как преждевременно перешагнул незримую грань между молодостью и мужской зрелостью.

Готовясь к выступлению, я стал просматривать сохранившиеся в вещевом мешке письма, записки, конспекты. И вдруг наткнулся на вырезку из армейской газеты «Защитник Отечества». На полях пометка красным карандашом — 21 июля 1943 года. В глаза бросается заголовок «Один групповой бой». А внизу — подпись: лейтенант В. Евтодиенко.

Вот так находка! Для беседы лучшего не придумаешь.

Летчики, техники, механики затаив дыхание слушали огненные строки, написанные человеком, отдавшим свою жизнь за нашу Родину.

Это была необычная корреспонденция. В ней рассказывалось о том, как группа Ла-5 в составе Евтодиенко, Аверкова, Кузнецова и Балакина в одном воздушном бою уничтожила пять ФВ-190. Причем ярко описывались все подробности схватки, и невольно вырисовывался образ инициативного, дерзающего командира группы, успех которому принесли хорошо налаженная радиосвязь между парами и внутри них, надежное взаимодействие ведомых и ведущих, компактность строя, выносливость и упорство летчиков. И еще — осмотрительность, зоркое

наблюдение за врагом. Иногда фашист нарочно подпускал к себе нашего истребителя. Когда тот приближался на дистанцию огня, «приманка» уходила вниз, а другой вражеский истребитель атаковал нашу машину сверху.

«Кто в воздухе все видит — тот неуязвим!» — прочел я последнюю строчку.

Признаться, не ожидал того большого впечатления, которое произвела эта газетная корреспонденция. Наша беседа превратилась в поучительный, содержательный урок воздушного боя.

Владимир Евтодиенко продолжал жить в нашей памяти и сражаться в нашем строю.

Беседа эта была как бы последним аккордом в нашей длительной подготовке к предстоящему наступлению. В тот же день поступил боевой приказ нового командующего войсками фронта генерала армии Ф. И. Толбухина.

Он гласил: «Доблестные воины 3-го Украинского фронта! Выполняя наказ Родины, вы неоднократно обращали в позорное бегство ненавистного врага. В прошлых боях за освобождение Украины вы проявили чудеса храбрости и героизма... В тяжелых условиях весенней распутицы нынешнего года вы героически прошли сотни километров, очищая родную советскую землю от фашистских захватчиков. Далеко позади остались Днепр и Буг, Кривой Рог, Никополь, Николаев, Одесса... Но враг еще топчет землю Советской Молдавии и Измаильской области. Они ждут своего освобождения.

Приказываю войскам фронта перейти в решительное наступление...»

На митинге, воодушевленные призывом командования, мы поклялись не щадить врага, самоотверженными действиями вышибить его с нашей земли.

20 августа ровно в 8.00 вздрогнула земля от разрывов тысяч снарядов и бомб, обрушившихся на передний край обороны противника. Почти два часа наши артиллерия и авиация сокрушали гитлеровские оборонительные укрепления.

И началось долгожданное наступление.

На авиаторов легла задача обеспечить наземным войскам надежное прикрытие, завоевать полное и безраздельное господство в воздухе.

В первый же день наша эскадрилья беспрерывно находилась в небе. За Днестром, над молдавскими полями и виноградниками завязывались горячие схватки, у вра-

жеских летчиков было только два выхода — в землю или восвояси. Почувствовав наше превосходство, враг не оказывал активного сопротивления и урона нам не причинял. И только один нелепый случай привел к гибели Николая Панкова. Случилось это 20 августа, как раз после артиллерийской и авиационной подготовки, густая пыль от которой поднялась на высоту до одного километра. Кирилюк в паре с Панковым пошли в это время на штурмовку. Три захода сделали удачно, а на четвертом неожиданно для себя вскочили в непроницаемое пыльное облако. Кирилюк выбрался из него, а Панков не смог. Позже на этом месте нашли разбившийся Ла-5 и обгоревшего до неузнаваемости летчика. Трудно сказать, что случилось с Панковым. Одно ясно: он сложил свою голову в бою.

Да, первый день Ясско-Кишиневской операции принес нам наряду с новыми победами и траур. Все успели полюбить молодого веселого москвича Колю Панкова, но теперь его не было с нами.

А события между тем развивались.

Опомнившись, враг стал оказывать ожесточенное сопротивление. 13-я танковая дивизия гитлеровцев под молдавским селом Ермоклия предпримет одну за другой бешеные контратаки. Мы пойдем на штурмовку бронированной лавины. Истребители сделают свое дело, помогут пехотинцам устоять против злобного натиска фашистов. Но им, пехотинцам, победа достанется дорогой ценой.

После войны в селе Ермоклия памятник увековечит имена всех воинов, погибших за это село, и славные подвиги Героев Советского Союза А. И. Гусева, К. И. Гуренко, И. П. Маслова. Александр Гусев и Кузьма Гуренко вместе с другими воинами грудью встретили гитлеровские танки. Когда горело уже несколько машин, а отбиваться было нечем, поднялся из окопа с последней гранатой в руке Гусев и бросился под танк. За ним — Гуренко.

А рядом танкист Илья Маслов таранил вражескую машину. Все трое погибли, но силой своего неукротимого духа заставили фашистов отступить.

У этого подвига прекрасное продолжение.

Молодые колхозники села Ермоклия служат теперь в тех самых частях, в которые навечно зачислены погибшие герои. В самой Ермоклии есть улицы Гусева, Гуренко и Маслова.

Молдавия высоко ценит подвиги своих освободителей.

Мне было приятно узнать, что документалисты студии «Молдова-фильм» сняли картину «Дочь Волги и Днестра» — об уроженке города Вольска, отважной летчице одного из истребительных полков, действовавших на 3-м Украинском фронте,— Марии Кулькиной. В дни Ясско-Кишиневской операции она вступила над Днестром в неравный бой с группой «мессеров» и геройски погибла. Мы тогда мало что знали об этой славной дочери России. И вот теперь экран возродил ее жизнь...

...Наступление продолжалось, войска фронта прорвали оборону противника. О том, как действовала в это время авиация, красноречиво свидетельствует следующее показание одного из немецких военнопленных: «Когда наш батальон занял исходное положение в районе Ермоклии и танки двинулись в атаку, на нас обрушились русские самолеты, вывели из строя много людей и боевой техники, практически рассеяли наш батальон, он перестал существовать как таковой».

Немцы предпринимали отчаянные попытки как-то выправить положение. 22 августа они усилили свою авиацию за счет каких-то ресурсов. В воздухе увеличилось число «фоккеров», «мессеров», «юнкерсов». Следовательно, и нам работы прибавилось. Командир 2-й эскадрильи Дмитрий Кравцов, будучи ведущим четверки, столкнулся с большой группой ФВ-190. Он не только не дал им отбомбиться, но лично сам сразил двоих меткими очередями.

Сильно не повезло немецкому бомбардировочному полку на аэродроме в Лейпциге. Он только подготовился к нанесению удара по нашим наступающим войскам, как подвергся внезапной интенсивной штурмовке группой Ил-2, ведомой старшим лейтенантом Александром Шониным. Фашистский аэродром со всей своей техникой был безнадежно выведен из строя.

В эти же дни прославился своими точными штурмовыми ударами по вражеским эшелонам на сильно защищенном средствами ПВО Кишиневском железнодорожном узле 23-летний уроженец деревни Мартыново на Пермщине Григорий Сивков. Ничто не могло остановить его на пути к цели, помешать выполнить боевую задачу. Впоследствии Григорий Флегонтович станет дважды Героем Советского Союза.

Наше господство в воздухе безраздельно.

Не стоит на месте и полковая жизнь. В это время

происходят непонятные перемены в нашем руководстве — майора Н. Краснова переводят на ту же самую должность в 116-й полк. Почему? Толком никто не может объяснить. Но главное вот в чем: Онуфриенко не срабатывается с Горновым, последний слишком властолюбив, ему так и хочется подменить командира, взять все в свои руки. Зато Краснов и Онуфриенко — настоящие боевые побратимы, способные отлично руководить боевым полком.

— Перевод Краснова — дело рук Горнова,— пришли все к заключению.

С появлением Горнова у нас то и дело стали происходить всевозможные трудно объяснимые явления. То пойдет какой-то слушок о ком-либо из командиров, то кого-то своевременно не представят к очередному воинскому званию. Пойдешь к Горнову — он ссылается то на одного, то на другого.

Все это раздражало, вносило в нашу жизнь нервозность. Только через год — весной 1945 года станет все ясно. Время, как пленка, проявляет все.

Итак, вместо Краснова пришел к нам майор И. Петров. Он в первом же бою, встретившись с десятью ФВ-190, сбил двух из них. Ясно: воевать умеет. А будет ли таким же надежным помощником Онуфриенко, каким был Николай Краснов?

...Третий день Ясско-Кишиневской операции. Непрерывные взлеты и посадки. Меня с трудом дождался новый молодой летчик. Я сразу узнал его — Алексей Чебаков, адъютант генерала О. В. Толстикова.

Его появление удивило меня.

— Ты что, летчиком стал? — спросил я.

— Надоело быть адъютантом, долго просил генерала, наконец он отпустил меня на учебу...

— Значит, понял, где тебе быть важнее?

— К настоящему делу потянуло...

— Сейчас дадим тебе самолет, посмотрим, как ты взлетаешь и садишься, а потом решим, что делать дальше.

К сожалению, со взлетом и посадкой у него не ладилось. В воздухе он держался не совсем уверенно. Не могло быть и речи о том, чтобы сразу бросить его в круговерть фронтового молдавского неба.

Высказав все это Чебакову, я тут же с Василием Калашонком отправился к Днестру. Проштурмовали танко-

вую колонну противника, а потом смотрим — на горизонте два «мессера». Честно говоря, я уже соскучился по ним — что-то в последние дни не попадались они мне на глаза.

Даем газ — и к «мессерам». Вот уже нужная дистанция... Целюсь в ведомого, но тот быстро уходит. Передаю Калашонку:

— Займись ведомым, я атакую ведущего.

Калашонок погнался за ведомым. Мы с «мессером» остались вдвоем. Неужели струсит, не примет боя? Вижу — уходит с набором высоты. Нет, не тот уже фон-барон пошел, вышибли из него гонористый арийский дух.

Увеличиваю скорость, вот-вот настигну фашиста, а он возьми да и юркни в облака.

Я тоже оказался в них. И тут произошло нечто невероятное: мою машину резко, как на сверхскоростном лифте, понесло вверх, потом точно так же бросило вниз, словно в глубокий колодец. В ушах гудит, от фонаря кабины во все стороны летят искры.

И тут я сообразил, что попал в грозовое облако. Ну, держись, брат! От волнения почувствовал сухость во рту. Ведь я абсолютно беспомощен, моя жизнь всецело в руках грозной слепой стихии. Можно сгореть, взорваться, камнем полететь вниз.

Лучше встретиться с десятком «мессеров», чем пережить такое. В самом тяжелом бою ты сам себе хозяин, а тут — всецело во власти случая.

Мой истребитель — как щепка в море. Он совершенно не повинуется. Я приготовился к самому худшему. Но судьба и на этот раз оказалась благосклонной ко мне. На высоте полутора тысяч метров машина выскочила из облака. Опомнившись, я тут же вывел ее в горизонтальный полет, огляделся и ужаснулся: капот весь во вмятинах, побиты рули, элероны. Крепко поработал град.

С той поры я опасаюсь кучево-дождевых облаков, всегда обхожу их стороной.

На аэродроме меня с распростертыми объятиями встречает Калашонок. Он сразил своего «мессера», видел, как я вскочил в грозовые облака, а куда потом делся — не мог понять.

Пока механики и техники ремонтировали мой Ла-5, пришло распоряжение подавить огонь неприятельской артиллерийской батареи.

Четверкой — Кирилюк, Калашонок, Горьков и я — вы-

летаем в указанный район. Видим: батарея действительно ведет непрерывный огонь по нашим наступающим подразделениям. С ходу наносим штурмовой удар. Батарея стрельбу прекращает. Отходим в сторону — снова открывает огонь. Все-таки надо заставить ее замолчать. Становимся в круг, ходим над батареей, постреливаем, экономя снаряды, а фашисты в щелях отсиживаются. Тут срабатывает психологический момент: самолеты над головой,— значит, надо спасаться. А нашим пехотинцам это на руку — мы облегчили им продвижение вперед.

С нашей легкой руки такой метод блокировки вражеской артиллерии авиацией распространился по всей армии.

В конце августа наши войска вошли в Кишинев. Большая и сильная группировка противника оказалась в железном кольце. Продолжая громить врага, исключительное боевое мастерство проявили штурмовики, ведомые Героем Советского Союза капитаном Н. Н. Дьяконовым, и истребители, возглавляемые ставшим уже Героем Советского Союза А. И. Колдуновым.

Наш полк в это время перебазировался на полевой аэродром Манзырь. Именно здесь за несколько дней до нашего прилета погиб, повторив подвиг Николая Гастелло, командир эскадрильи штурмовиков Герой Советского Союза П. Зубко. Не желая сдаваться в плен, отважный летчик направил горящую машину прямо на фашистскую артиллерийскую батарею.

Манзырь — это уже Молдавия. Местное население буквально засыпало нас цветами. Мы, летчики, почти не бывали на земле, встречи наши с местными жителями были короткими, но радостными и сердечными.

Семь дней боев — и такой успех! Враг откатывается на запад, открывая нам дорогу на Балканы.

Государственная граница СССР восстановлена.

От нее начинается наш путь через Румынию, Болгарию, Югославию. И надо его пройти...

Глава IX

БУХАРЕСТ — СОФИЯ

Вот и пришел долгожданный час, к которому мы стремились все годы: ураган войны катится на запад, за пределы нашей Советской Родины.

Каждый из нас, доживший до этого замечательного часа, ясно сознавал всю его историческую значимость, ощущал свою личную причастность к событиям, несущим коренные перемены всему Европейскому континенту, вызвавшим новые веяния во всем мире.

Мы уже были не только освободителями своей социалистической Родины, теперь на наши плечи ложилась священная интернациональная миссия — принести избавление от коричневой чумы всем порабощенным странам. Это повышало нашу ответственность, придавало новые силы для беспощадной борьбы с ненавистным фашизмом.

Нам, в большинстве своем родившимся за десять-пятнадцать лет до прихода Гитлера к власти, предстояло теперь принять самое активное участие в полном и окончательном разгроме созданной им бешеной военной машины.

Ни мне, ни моим сверстникам, даже обладавшим самой буйной детской и юношеской фантазией, не могло прийти в голову, что нам придется побывать с освободительной миссией во многих зарубежных странах, стать свидетелями происходящих там политических и социальных перемен.

Ясско-Кишиневская операция привела к тому, что Румыния вышла из гитлеровского блока и объявила войну фашистскому рейху.

23 августа в Бухаресте вспыхнуло вооруженное восстание, свергнувшее диктатуру Антонеску. Гитлеровцы подвергли Бухарест сильной бомбардировке с воздуха и артиллерийскому обстрелу. Однако уже ничего не смогли изменить.

На нашем фронте, как и на других, в то время происходили важные, волнующие всех события. И каждый из нас вносил в их развитие свою посильную лепту, способствовал общему успеху.

Родина высоко оценила заслуги авиаторов нашего 10-го Одесского штурмового авиационного корпуса в Ясско-Кишиневской операции. Его 306-я и 136-я дивизии получили наименование Нижнеднестровских. Так же был назван и наш 31-й полк.

Очень многие летчики, техники, механики заслужили правительственные награды. А командующие фронтами генералы Ф. И. Толбухин и Р. Я. Малиновский стали Маршалами Советского Союза.

...Манзырь — небольшое, уютное местечко. Молдавское население тут занято в основном сельским хозяйством. Хорошо ухоженные виноградные плантации, сады и поля в тот год принесли обильный урожай.

Местные жители плохо говорили по-русски, но тем не менее мы прекрасно понимали друг друга.

В памяти молдавского народа сохранились волнующие дни, когда в порабощенный румынскими боярами край впервые пришла Красная Армия. Было такое торжество, равного которому не найти в истории Молдавии.

И вот теперь мы все почувствовали, как рады люди вернувшемуся к ним счастью — солнцу Советской власти.

Хозяин, в доме которого я остановился, не знал, куда меня посадить и чем угостить. Вот тогда-то я попробовал настоящую кукурузную мамалыгу, отведал брынзы и домашнего вина.

— Ешь, сынок, ешь, набирайся сил,— говорил хозяин,— путь тебе предстоит долгий, еще много людей под Гитлером.

Однажды я спросил у него:

— Как вам жилось?

— Разве это можно назвать жизнью? — ответил старик.— Мы день и ночь молились на восток, чтобы вы скорее пришли...

Такие беседы производили на нас сильное впечатление. Ведь здесь люди совсем недавно изнывали под гнетом румынских бояр. Само слово «бояре» для нас — далекая история. А здесь они, оказывается, существовали в одно с нами время, и не исключено, что, перейдя границу, мы воочию увидим представителей этого сословия.

Что там, за Прутом? Какой мир увидим, с чем встретимся?

Наземные части уже перешли границу. Вот-вот должны и мы сняться, перелететь на первый румынский аэродром. Утром меня вызвал Онуфриенко.

— Скоморохов, тебе поручается совершенно секретное задание. Будешь прикрывать товарища Константинова.

— А кто он?

— Я не знаю. Идем завтракать.

Не успели перекусить — появляется командир корпуса О. В. Толстиков.

— Готов, Скоморохов?

— Так точно; товарищ генерал! Только вот не знаю маршрута — надо же карты подготовить.

— Куда пойдете — и мне не известно. А что для вас карты? Куда лидер — туда и вы.

Я мысленно поблагодарил судьбу за то, что она наделила меня способностью быстро ориентироваться на местности.

Кто такой Константинов? Если все так обставляется, значит, лицо чрезвычайно ответственное. Любая ошибка при его сопровождении может дорого обойтись.

Оказалось, что о картах я беспокоился не напрасно.

В полдень прибывает Ли-2. Он с особым шиком заходит на посадку, приземляется. Видимо, летчик — настоящий мастер.

Личный состав эскадрильи выстроился. Командование полка — ближе к Ли-2. Проходит несколько томительных минут. Наконец открывается дверь, на землю по трапу спускается коренастый, с крупной головой, выразительными чертами лица военный.

Да это же маршал Жуков!

Ошибки нет: Константинов — это Жуков. Да и понятно: Георгий Константинович — отсюда и Константинов. Так вот кого доверено прикрывать...

Имя маршала Г. К. Жукова гремело по всем фронтам. Его авторитет очень высок. Но в то же время все наслышаны о нем как о человеке крутого нрава. Об этом говорил и внешний облик Георгия Константиновича — ладная боксерская фигура, крутой лоб, энергичные жесты, волевой взгляд. Естественно, что все его уважали и побаивались. Что же касается меня,— я тоже смотрел на него с восхищением и некоторой робостью.

Жуков поздоровался с командирами корпуса и полка, поговорил с ними о чем-то, потом все они повернулись ко мне.

— Старший лейтенант Скоморохов,— представил меня маршалу Онуфриенко.

— Здравствуйте, товарищ Скоморохов.— Жуков протянул мне руку.

— Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза! — ответил я.

— Вам задание известно?

— Так точно!

— Ну, доложите: куда пойдем, в каком порядке, как будете прикрывать? Покажите план!

При этих словах круглое лицо генерала Толстикова как-то неестественно вытянулось, Онуфриенко поднял к небу глаза. Я быстро вытащил из-за голенища левого сапога карту, на которой была проведена одна-единственная жирная черная линия от Манзыря на Кубей.

— Что это? — жестко спросил Жуков.

— Наш маршрут...

— Мне нужен ваш план.

— Сейчас доложу, товарищ Маршал Советского Союза.

Достаю блокнот, карандаш, начинаю изображать боевой порядок истребителей по прикрытию Ли-2. При моих талантах в рисовании схема получилась маловыразительной.

Жуков взглянул на расстановку самолетов на листке блокнота, обратился к Онуфриенко:

— Вы что-нибудь поняли из этого творчества?

— Товарищ Маршал Советского Союза, он не силен в графике, но имеет большой опыт сопровождения ответственных работников...

В одно мгновение мой любимый командир изменился в лице. Никогда не видел его таким и очень удивился столь неожиданной метаморфозе. Бесстрашный ас перестал быть похожим на себя. Вот когда у меня впервые мелькнула мысль о том, что иной раз в своей среде, в присутствии большого начальника, можно испытывать страх гораздо больший, чем в бою. И тут же вспомнил встречи с Р. Я. Малиновским и А. М. Василевским. Ведь тогда все было совершенно иначе.

Жуков слушал Онуфриенко, окидывая его колючим, тяжелым взглядом. Потом снова повернулся ко мне.

— А где ваши летчики?

— Вот они, товарищ Маршал Советского Союза,— показал я на строй эскадрильи.

И только теперь, как бы со стороны взглянув на свою родную эскадрилью, я ужаснулся: у всех был крайне неприглядный вид. Стыдно до боли, обидно стало мне и за себя и за ребят. Мы как-то сжились со своими нехватками-недостатками, обносились и не обращали на это внимания.

— Это и есть ваши соколы? — поморщился Жуков.

— Так точно.

— Ну и ну! — Маршал безнадежно махнул рукой и,

круто повернувшись, твердой, пружинистой походкой направился к своему самолету.

У меня оборвалось сердце. Что это значит — мне отказано в доверии?

— Быстро по самолетам! — сказал подбежавший с бледным, осунувшимся лицом Онуфриенко.

Я, обойдя Ли-2, взлетел первым. За мной — пара, а потом еще четверка.

В воздухе мы выстроились почетным эскортом вокруг Ли-2. Я осмотрелся, и душа моя оттаяла: строй истребителей прикрытия идеальный. Ко мне снова вернулось прежнее чувство самоуважения. «Вот только надо любой ценой прилично одеть эскадрилью»,— подумал я.

Мы сопровождали маршала Жукова до границы, эскадрилья села в Кубее, а он, уже без прикрытия — в нем отпала нужда,— полетел в штаб 3-го Украинского фронта, расположившийся в румынском городке Фетешти, недалеко от Черноводского моста через Дунай.

Только много лет спустя после войны из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» узнаю я о цели его прилета в штаб нашего фронта: ему было поручено подготовить войска к переходу болгарской границы. Царь Борис все еще продолжал сотрудничать с фашистской Германией.

Мы остались в Кубее. Туда же вскоре перебрался и весь полк.

Долго мы потом вспоминали эту встречу с Г. К. Жуковым.

...Кубей — наш последний полевой аэродром на советской земле. Видимо, это учел комбат майор Пахилло — принял все меры для того, чтобы мы были устроены как можно лучше: подобрал нам уютные квартиры, стол наш был богатым и разнообразным. Пахилло проявлял чудеса распорядительности, хозяйственной сметки, изобретательности. С его помощью удалось наконец более или менее прилично одеть эскадрилью. Трудно еще было с летным обмундированием, но Пахилло сумел раздобыть все, что требовалось.

Мы тщательно начали готовиться к полетам над незнакомой нам местностью. Румынии присущи все типы ландшафтов — от горных до степных, сосредоточенных на сравнительно небольшом пространстве. Одну треть

территории занимают Нижнедунайская и Тисская низменности, котловины северной части Молдавской возвышенности. До тридцати процентов территории страны — горы.

Короче говоря, местность самая разнообразная, что требует особой подготовки для ориентировки на ней.

Усилилась в это время и партийно-политическая работа. Политотдел армии провел семинар замполитов полков, парторгов и комсоргов эскадрилий. Состоялась первая теоретическая конференция, посвященная победам Красной Армии в Великой Отечественной войне. Приятно было сознавать, что пройденный нами путь от Волги до Днестра уже становится предметом изучения. А мы продолжаем историю дальше...

На семинарах в полках обсуждали тему «Освободительная миссия Красной Армии». Мы еще не знали, как будем выглядеть практически, но теоретически готовились к тому, чтобы достойно представлять нашу социалистическую Родину за рубежом.

Нам было интересно узнать, что сама Румыния — относительно молодое государство. Во II веке до нашей эры она была всего лишь провинцией Римской империи. В XII—XIII веках к югу от Карпат образовались княжества Валахия и Молдова, которые потом подпали под иго Турции. Оба дунайских княжества боролись за свою независимость, в 1858 году объединились, но опять-таки с сохранением верховной власти турецкого султана. Лишь победа России в русско-турецкой войне принесла румынам полное освобождение и свою собственную государственность.

Это было символично — прошло всего около семидесяти лет, как Россия избавила румын от турецкого ига, и вот теперь им на помощь в борьбе с фашистским засильем пришли советские люди.

Подобные экскурсы в историю — весьма полезная вещь. В данном случае они помогли нам проникнуться еще большим доверием и уважением к трудолюбивому румынскому народу, плечом к плечу с которым предстояло драться с общим врагом.

...Приказ, которого мы так долго ждали, поступил неожиданно: срочно перебазироваться на румынский аэродром Кэлэраши. Посмотрели на карту — город на Дунае, недалеко от границы с Болгарией. Очевидно, придется действовать в небе двух государств.

На коротком митинге от нашей эскадрильи выступил парторг лейтенант Павел Прожеев.

— С честью пронесем наши победные знамена до полного освобождения народов Европы от фашистского зверя! — так закончил он свою немногословную, динамичную речь.

И вот под крылом — Румыния. Сразу бросаются в глаза первые признаки капиталистического образа жизни: крохотные крестьянские наделы, роскошные помещичьи усадьбы.

Вокруг нового аэродрома — сплошные виноградники. Заруливая на стоянку, я обратил внимание на румына в высокой черной шапке, который выглядывал из кустов. Приподнимется, посмотрит на нас и снова пригнется. Что за человек? Что ему надо?

Когда вылезли из кабин, нас встретили представители военной комендатуры:

— Нигде ничего не трогать,— сказали они.

Все понятно. Только вот трудно удержаться от соблазна: кругом густо облепленные большими янтарными гроздьями виноградные лозы. Они так и манят к себе. Один из летчиков обратился к командиру полка:

— Неужели такому добру пропадать?

— Приказано не трогать,— значит, не трогать!

А когда кто-то отыскал в складском помещении бочку вина и выкатил прямо на поле, Онуфриенко тут же опрокинул ее. Добротное вино хлынуло на землю, источая вокруг аромат.

С продуктовыми запасами было туговато. Пришлось питаться одним мясом, которого оказалось в избытке. Оно быстро всем приелось, нас манили к себе виноградники, но никто не сорвал ни одной кисти.

Так было, пока мимо аэродрома не прошла колонна освобожденных из гитлеровских лагерей наших военнопленных. Оборванные, изможденные, измученные, они еле плелись под жарким в этих местах осенним солнцем. У виноградников остановились и рассыпались. Нам очень интересно было поговорить с этими хлебнувшими горя людьми. Мы стали расспрашивать: кто они, откуда, когда и как попали в плен? Выяснилось, что здесь много военных моряков из Одессы и Севастополя.

Бывшие пленные рассказали нам об ужасах гитлеровских застенков, о том, как их пытались превратить в рабов хозяева виноградных плантаций.

— Буржуи-румыны — чистые фашисты. Они измывались над нами как хотели,— рассказывал моряк с наколотым на груди якорем. — Многие пытались спастись бегством — их уже нет в живых. Полиция, собаки, доносчики разные — трудно скрыться. Бедные, простые люди нам сочувствовали, но все они страшно запуганы.

Сложные чувства вызвала эта встреча. Подумалось, что волею судьбы и сам мог оказаться на месте этих несчастных. А с другой стороны, мужественная истина: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает». Но разве может быть война без пленных? Главное в том, чтобы в любых обстоятельствах оставаться верным патриотом своей великой Родины. Тогда и в плену, и в других тяжелых ситуациях будешь бойцом...

Задумались мы и над тем, что услышали о богатых румынах. Выходило, что буржуй есть буржуй, независимо от того, немец он или другой нации. Его алчность, жажда наживы не знает границ, он уподобляется зверю, способному на любое преступление. В том, что это так, мы убедимся потом и в Болгарии, и в Югославии, и в Венгрии, и в Австрии. Хорошо, что нашлась на земном шаре сила, сумевшая остановить занесенную над миром кровавую руку фашизма.

...Через несколько дней мы разместились на квартирах у местных румын. Кирилюк, Калашонок, Горьков, Кисляков и я поселились у одного хозяина-торговца. Он, его жена, сын, дочь и служанка говорили по-русски. От служанки узнали: вся эта семья жила в оккупированной Одессе. Чем там занимались? Все тем же — торговлей. У хозяина есть еще несколько домов в Констанце.

Кирилюк стал возмущаться:

— Это же настоящий буржуй. Кому война, а ему нажива.

К хозяину он относился с нескрываемым недоброжелательством. Тот всячески избегал встреч с Кирилюком.

Между тем жизнь в городе забила ключом, но всюду ощущался ее частнособственнический уклад: куда ни обратишься — сталкиваешься с деловитыми, чересчур предупредительными хозяйчиками. Наверное, они чувствовали, интуицией угадывали, что время их прошло, и потому относились к нам подчеркнуто корректно, с холодноватой вежливостью.

Что же касается молодежи, то она сразу потянулась к нам. Юноши и девушки расспрашивали о жизни в Советском Союзе, и все, что мы рассказывали, было для них открытием. Нет ни богатых, ни бедных, каждый может быть избран в органы власти, образование, медицинская помощь бесплатные — некоторые не хотели этому верить. А у нас еще больше возрастала гордость за свою Советскую Родину.

...Над румынской землей мы продолжали выполнять свои боевые задачи. Правда, напряжение здесь спало — наше господство в воздухе было безраздельным. Нам поручалось прикрытие наземных частей, которые успешно продвигались вперед. К 5 сентября советские войска вышли к болгарской и югославской границам, и, естественно, центр тяжести наших боевых действий переносился в первую очередь на Болгарию.

Первые же полеты на разведку показали, что в горах с густыми лесами весьма непросто отыскивать нужные объекты, привязываться к местности. Мы снова взялись за карты-двухкилометровки и выучили все наизусть.

Хотя боевое напряжение ослабло, мы предчувствовали, что это затишье перед новой бурей. Не может быть, чтобы враг спрятал свое жало. Конечно, в Румынии его песня уже спета, бои идут в Трансильвании.

А вот Болгария... Она еще не вышла из войны. Поэтому мы готовились к любой неожиданности. В том числе и к жестоким воздушным боям. Тут нас хорошо выручило одно обстоятельство: на румынских аэродромах были захвачены немецкие самолеты — Ме-109 и ФВ-190. Предоставилась возможность полетать на них, получше изучить их сильные и слабые стороны. И мы немедленно воспользовались этим столь подходящим случаем. Быстро освоились с кабинным оборудованием трофейной техники и стали пробовать ее в полетах. Потом провели целую серию учебных воздушных боев: «мессеры» и «фоккеры» против «лавочкиных». Удалось выявить немало любопытных особенностей во вражеских машинах, что потом принесло нам неоценимую пользу.

Самоотверженно готовились к предстоящим испытаниям и наши авиационные специалисты. Они показали себя настоящими героями. Коммунисты капитан Михаил Скоробогатов, старшина Даниил Матвиенко, комсомолец сержант Александр Лучинин за одну ночь сменили цилиндры мотора, к утру доложили о завершении всех работ.

Вообще борьба за сокращение сроков обслуживания и ввода техники в строй приобрела тогда большой размах. Особенно радовал тот факт, что наши агитаторы, призывавшие сослуживцев беречь каждую секунду времени, сами подавали в этом деле пример. Агитатор-коммунист техник-лейтенант Федор Володин быстрее всех заменял свечи зажигания. Высокое мастерство обслуживания авиаоборудования показывал и агитатор нашей эскадрильи старший техник-лейтенант Николай Молчан. Нужно ли после этого говорить о том, насколько действенным, эффективным было каждое их слово, обращенное к товарищам?

Да, много сил и энергии было затрачено нами в преддверии боев за освобождение братского болгарского народа. Братского, потому что подавляющее большинство его состоит из южных славян. Братского, потому что еще со времен Шипки, когда русские войска помогли Болгарии освободиться от турецкого ига и воссоздать свое государство, между двумя славянскими народами жило взаимное стремление к сближению и дружбе.

К счастью, нам не пришлось в Болгарии проливать кровь.

8 сентября, когда наши войска перешли румыно-болгарскую границу, их встретили с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой части болгарской армии. По всей линии наступления началось стихийное братание. В селах и городах население устраивало митинги и демонстрации. В ночь на 9 сентября произошло восстание в Софии, в результате которого к утру власть в стране перешла в руки Отечественного фронта. Новое правительство объявило войну фашистской Германии.

На эти волнующие события метко откликнулась наша армейская газета «Защитник Отечества»: «Покинули Гитлера румыны, отказались от него и финны, отвернулись теперь и болгары — уж больно сильны наши удары...»

Стремительное развитие событий, казалось, может помешать летчикам хоть краешком глаза взглянуть на столицу Румынии — Бухарест. Однако нам повезло. Мы увидели с воздуха этот великолепный, почти не пострадавший от войны город. Он запечатлелся в моей памяти неправильным белокаменным кругом с радиально сбегавшимися к центру нарядными улицами.

Походить по его площадям и улицам мне доведется только в следующем году, уже после победы.

...Последний раз купаемся в Дунае. Завтра мы уже будем далеко отсюда — на болгарском аэродроме Габровница, расположенном рядом с Фердинандом, ныне называющимся Михайловградом. Мы не могли не заинтересоваться: откуда в Болгарии немецкое название города — Фердинанд? Ясность внес Борис Кисляков. Он рассказал, что после разгрома русскими турок на болгарский престол был посажен усилиями Англии, Германии и Австро-Венгрии немецкий принц. Тогда-то и начали появляться в стране поселки с немецкими названиями. Германский империализм впутал Болгарию в первую мировую войну, затем, сохранив свое влияние, втянул ее в новую авантюру.

Как же настрадался болгарский народ от разномастных пришельцев! Чего только не творилось на этих богатых землях, омываемых дунайскими волнами! Неужели именно нам, нашему поколению советских людей, выпало счастье раз и навсегда покончить с вековым злом и несправедливостью, царившими в многострадальной прекрасной Болгарии?

...Эскадрильей идем курсом к Габровнице. Нас предупредили: советских наземных частей там еще нет, если на аэродроме окажутся гитлеровцы — вступить с ними в бой. В воздухе все время поддерживаем по радио связь со штабом полка, оставшимся пока в Кэлэраши.

Вот и Габровница. Полевой аэродром. Садимся. Осмотрелись. Тихо. Ни души. И вдруг в ближайших кустах что-то зашевелилось. Горьков тут же выхватил из кобуры пистолет. Видим, среди листьев пытливые детские глазенки. Вспомнилась Нижняя Дуванка, тогда в кустах притаились люди, не знающие, кто приземлился.

— Товарищи, выходите, мы свои, русские! — крикнул я во весь голос.

— Ура, другари, наши! — бурно взорвались кусты, и из них высыпали на аэродром дети, юноши, девушки и пожилые люди. Они обнимали и целовали нас, возбужденно расспрашивали, долго ли мы здесь пробудем, где намерены разместиться, и все наперебой предлагали нам свою помощь.

Так встречаться могли только истинные братья после долгой-долгой разлуки.

Поздним вечером наши хозяева начали разводить нас по домам — и слушать не хотели о том, что мы стесним их, создадим какие-то неудобства.

— Брат в доме — радость в доме, — говорили они.

Я, Митя Кравцов и Витя Кирилюк поселились вместе. В болгарской семье сразу почувствовали себя как дома. Хозяин, хозяйка, их черноглазая дочка стали готовить ужин. Сели за стол — и потек задушевный, сердечный разговор. Поздно ночью, когда нас валил с ног сон, хозяйская дочка сказала, что на улице стоят соседи, очень хотят посмотреть на советских летчиков.

— Пусть заходят! — дружно ответили мы.

Через десять минут дом до отказа заполнился людьми. Снова расспросы, бесконечные разговоры. Всем нам было очень уютно, тепло, хорошо. Но служба есть служба — далеко за полночь пришлось расстаться.

На гостеприимной болгарской земле мы впервые за всю войну спали самым глубоким и спокойным сном. Как в своем родном доме после всех бурь и невзгод. Над нами не висели тревоги и опасности.

Несмотря на то что легли поздно, на ногах были в шесть утра, чем немало удивили хозяев. После сытного завтрака отправились на аэродром.

Вместе с нами туда стекались со всех сторон местные жители. Вчерашнего общения с другарями им было явно недостаточно. И мы еще не наговорились с ними. Однако у нас есть свои дела. Онуфриенко, собрав всех командиров, сказал, что для поддержания постоянной боевой готовности надо организовать дежурство эскадрилий. Свободные от своих обязанностей будут беседовать с местным населением, которое буквально заполнило летное поле. Люди шли и шли, чтобы хоть словечком обмолвиться с нами, посмотреть на нас, потрогать наши машины.

Долго ждали болгары этого часа. И когда он пришел, не сразу поверили своему счастью, еще и еще раз хотели удостовериться, что это действительно так.

С их добрыми напутствиями уходили мы теперь на задания — облет нового района, разведку болгаро-югославской границы. До Югославии от Габровницы было недалеко. И все понимали, что расположились на таком месте неспроста.

...Однажды на аэродроме появилась группа парней и девушек лет пятнадцати-семнадцати на велосипедах. Начали говорить с ними — объясняются на чистейшем русском языке. Оказалось, это дети белоэмигрантов. Вот с кем нам еще не приходилось встречаться! Они рассказали, что живут в деревне, километрах в двадцати отсюда,

очень ждали нашего прихода, чтобы хоть раз в жизни поговорить со своими, русскими людьми.

Это были молодые люди, совершенно неразделявшие взглядов родителей. Они смело высказывали свои суждения, очень гордились тем, что русские. С особой радостью принимали от нас алые звездочки, тут же цепляли их к своим рубашкам. Им очень хотелось побольше узнать о своей родине. Расспрашивали о Москве, о Ленинграде и Киеве. К сожалению, немногие из нас бывали в этих городах. Я подумал: плохо, что мы так мало видели наших прекрасных городов, ведь это очень много значит для воспитания патриотических чувств. Может быть, когда-нибудь каждому советскому человеку в юные годы будет предоставляться возможность побывать во всех краях и больших городах нашей Родины, чтобы на всю жизнь впитать в себя ее неописуемую красоту, раздолье и могущество.

Однажды к нам пожаловали пожилые эмигранты. И сразу пропали сердечность, взаимопонимание... Старики оказались спесивыми, держались настороженно. Да и трудно им было быть иными: ведь в нашем лице они увидели мир, который отвергали, от которого бежали, которому пророчили гибель.

А жизнь рассудила по-своему: отвергнутый ими мир сокрушает теперь фашизм, несет освобождение Европе, являет всем народам земли пример самого справедливого, нового, социалистического общества.

Не получилось разговора со стариками белоэмигрантами. Эти жалкие отщепенцы не представляли для нас никакого интереса. И слова их мертвые не затронули в наших душах ни единой струны. Вот только детей их, тосковавших по земле предков, было жаль. Все-таки отблеск далекой родины волновал их души, наполнял тоской.

Я вспомнил свою Волгу, Саратов, Астрахань. Родная моя сторона! Ты вся во мне, в каждой моей клеточке. Тобой я живу, ты одарила меня силой и счастьем. Я пройду через все невзгоды и испытания, но до конца дней своих сохраню непоколебимую верность тебе...

...Полеты в сторону Югославии — как много общего у них с адлеровскими: под крылом такие же горные кряжи, узкие долины, бурные реки. Еще бы несколько снежных вершин, похожих на Эльбрус или Казбек, и — «Кавказ подо мною». Особенно запомнился мне полет на разведку, когда почти повторилась та же история, которую

я пережил в районе Сочи: облака не давали возможности пересечь горы, мы с ведомым пошли по руслу Дуная на высоте 50—100 метров между отвесными скалами. Река здесь узкая, зажата в ущелье, того и гляди крылом зацепишься за гранитную глыбу. Проскочили Железные ворота и, выполнив задание, повернули обратно. А тут пошел дождь, облака низко нависли над рекой. С трудом пробирались назад. Привезли необходимые разведданные. Последовали бесконечные восторженные рассказы о суровой первозданной красоте этих мест.

Я снова и снова вспоминал Кавказ.

Но теперь, пролетая над горами Югославии, мы были совсем иными, очень и очень не схожими с теми желторотиками 1942 года, которых страшили и случайный залет в облака, и первая встреча с врагом, и первая схватка с ним.

Сейчас мы искали врага, жаждали боя. Наши разведданные говорили о том, что Югославию фашист не думал легко уступать. Значит, будут жестокие схватки и в небе. И если седой Кавказ был свидетелем моих первых бойцовских неудач, то уж тут, над югославскими горами, постараюсь не ударить в грязь лицом! Тем более что у нас появилось достаточно времени, чтобы осмыслить до тонкостей накопленный нами опыт, отбросить все ненужное, взять на вооружение лучшее.

Пока мы переживали пору относительного затишья, некоторым нашим собратьям из соседних полков довелось выполнять далеко не обычные задачи.

Утром 11 сентября поднялись в воздух с румынского аэродрома Король-1 два самолета, пилотируемых майором Н. Козловым и старшим лейтенантом В. Мясниковым, и взяли курс на Софию.

Это был рейс с особой миссией: на борту находились члены делегации ЦК Болгарской рабочей партии и представители штаба фронта. Они направлялись в восставшую столицу для решения вопроса совместных действий советских и болгарских войск.

Вот что рассказал об этом полете майор, ныне генерал-лейтенант авиации, Н. В. Козлов.

— На высоте три тысячи метров мы пересекли Центральные Балканы, и тут перед нашим взором во всей своей красоте предстала София — гордость болгарского народа.

Учащенно забились наши сердца, на душе — праздник. И понятно: мы первыми из советских летчиков приземлимся в столице Болгарии!

Однако восторги пришлось унять — нас предупредили, что на аэродроме могут быть еще гитлеровцы. Снижаемся до бреющего, проходим над летным полем и видим до полусотни фашистских самолетов — Ме-109, Ю-87, «Дорнье-215». Это нам, конечно, не нравится. Продолжаем наблюдение. У здания аэропорта видим множество людей. Кто они? Присматриваемся — машут руками, подбрасывают вверх головные уборы. На крыше развевается красное знамя. Производим посадку. Как только выключаем моторы, в кабины врывается многоголосое громкое «ура». Нас в буквальном смысле вынесли на руках, начали качать, обнимать, целовать, осыпать цветами, угощать сигаретами, фруктами...

Переговоры завершились тем, что уже 14 сентября целый ряд частей 17-й воздушной армии перебазировался на аэродромы Софийского и Видинского аэроузлов и оттуда начал боевую работу.

Майору Н. Козлову довелось принимать участие и во второй операции, которую можно назвать приключенческой. Много лет спустя после войны она ляжет в основу художественного кинофильма «Украденный поезд».

Все началось с того, что некоторые представители фашистского болгарского правительства, работники немецкого посольства и военной миссии в ночь на 18 сентября, захватив с собой архивные документы, а также часть золотого запаса и другие государственные ценности, на специальном поезде направились в Турцию.

В тот же день генерал В. А. Судец вызвал к телефону заместителя командира 449-го бомбардировочного полка майора Н. Козлова и приказал ему пятью экипажами, взяв на борт автоматчиков и подрывников, отправиться па поиски злополучного поезда, найти и захватить всех, кто на нем находится.

Никогда за всю войну ничего подобного не приходилось выполнять нашему брату летчику.

Экипажи во главе со старшими лейтенантами Мясниковым, Шевкуповым, Фридманом, Гапоненко быстро приготовились к вылету.

Шестьдесят восемь автоматчиков и подрывников, руководимые инженером полка по вооружению капитаном технической службы А. Гурьевым, в течение получаса

отработали свои действия по захвату поезда, затем погрузились в бомболюки. Под прикрытием истребителей нашей дивизии авиационная экспедиция отправилась в свой необычный рейд.

Долго шли над железной дорогой на высоте 200—300 метров. Нигде никаких поездов нет. Неужели беглецы успели скрыться в Турцию?

Наконец на станции Малево заметили два эшелона. Один был с паровозом, другой — без него. Неужели они? Стали в круг, рассмотрели все как следует. Один эшелон забит солдатами и грузами. Другой — тоже, но в середине этого состава — три классных вагона. Сомнений нет — это беглецы. Подтверждением тому и Ли-2, стоящий невдалеке от станции. На нем штаб фронта прислал оперуполномоченного с группой автоматчиков.

Козлов повел свою группу на посадку. Приземлились метрах в четырехстах от эшелонов, стали хвостами к ним — наши стрелки сразу же взяли вагоны на прицел.

Солдаты выскочили на крыши вагонов и застыли в изумлении. А наши автоматчики и подрывники в это время заняли оборону.

Истребители все время висели над станцией, готовые в любую минуту к штурмовке.

Козлов и Гурьев с двадцатью автоматчиками пошли к эшелонам. К ним присоединилась и группа прилетевших на Ли-2. Навстречу им тут же направились машинист с помощником. Оба радостно улыбались, были очень довольны тем, что все закончилось таким образом.

Они рассказали: вести поезд их заставили силой. Гнали эшелоны на полной скорости всю ночь. А к утру свернули с основной магистрали на глухую дорогу, заканчивающуюся в горах тупиком. Поезд разделили на два эшелона — для маскировки. К вечеру собирались двигаться дальше. Да вот появились советские самолеты, и гитлеровцы, а также некоторые руководители бывшего фашистского болгарского правительства со всем своим имуществом на двух автомашинах, снятых с платформ, удрали в сторону турецкой границы.

Вот так сюрприз!

Возле эшелона стояли еще пять автомобилей, на которых не успели бежать второстепенные чины. Майор Козлов приказал офицеру, прибывшему на Ли-2, посадить в два грузовика своих людей, взять проводника из местных жителей и кратчайшим путем на предельной скорости

начать погоню. Сам же помчался к самолету и по радио передал истребителям, чтобы два из них прошлись на юго-восток, к турецкой границе, и в случае обнаружения автомашин предупредительным огнем заставили их остановиться, а не повинуются — уничтожили.

Ровно через пятнадцать минут истребители доложили, что машины с фашистами остановлены недалеко от Свиленграда, к ним приближаются наши грузовики.

Операция «Украденный поезд» завершилась захватом всех пытавшихся бегством спастись от возмездия. Болгарскому народу были возвращены чрезвычайной важности документы и большие ценности. Все участники этой операции удостоились правительственных наград.

Вот какие любопытные дела творились на нашем 3-м Украинском фронте.

Не обходилось без приключений и у нас. Как-то звено Михаила Цыкина после облета линии фронта возвращалось домой. При подходе к аэродрому с КП полка поступило распоряжение:

— Восточнее Габровницы проходит «мессершмитт». Его надо посадить.

Звено тут же легло на нужный курс, настигло неприятеля, зажало его в клещи, принудило к приземлению на нашем аэродроме.

«Мессер» оказался не простой — последней конструкции, с обзорным радиолокатором на борту. Ме-109 Г-6 — так назывался он.

Естественно, самолет привлек наше внимание. Мы осмотрели, ощупали его со всех сторон и пришли к выводу, что ничего-то особенного в нем нет. Даже локатор был настолько примитивным, что вряд ли мог принести летчику какую-либо пользу.

Пока мы делились впечатлениями о машине, за нами наблюдал фашистский пилот. Он стоял вялый, раскисший. Я вспомнил другого пленного летчика, с которым довелось говорить в Барвенково. Тот держался высокомерно. Он еще находился под гипнозом геббельсовской пропаганды, на что-то надеялся.

Этот же потерял почву под ногами, ему теперь все было безразлично. И понятно: Габровница не Барвенково, держаться спесиво здесь, когда уже все ясно, было бы просто смешно.

В первых числах октября довелось распрощаться с ми-

лой сердцу Габровницей и ее сердечными жителями. До слез жаль было покидать болгарских друзей.

Калашонок захватил парашютную сумку, в которой хранился мой и его небогатый скарб, мы расцеловались с хозяевами и направились на аэродром. Там заняли места в кабинах самолетов, запустили моторы и — прощай, Габровница! Невыносимо тяжело покидать настоящих друзей.

Улетали с грустным настроением. Но вскоре, после посадки в Брегово, оно заметно улучшилось: снова была столь бурная, радостная встреча, что нам казалось, будто мы никуда и не улетали, все еще находимся среди габровницких друзей.

Брегово — небольшой зеленый городишко, приютившийся на стыке Румынии, Болгарии и Югославии.

Первое, что мы услышали от жителей о их городе, было:

— Болгарский петух в Брегово слышен в трех государствах.

Здесь мы снова без конца отвечали на расспросы болгар о нашей стране, выслушивали их рассказы о невыносимой жизни при гитлеровцах. И опять звучали слова искренней благодарности в наш адрес, в адрес всей Советской Армии.

Прислушиваясь к радостным голосам, я вспомнил своего земляка Валентина Егорова и подумал о том, что ему, наверное, проще было в этой стране, когда с группой десантников его забросили сюда за несколько недель до начала освобождения Болгарии. В 1946 году мы встретились с ним при поступлении в Военную академию имени Фрунзе, он подтвердил, что действительно чувствовал себя среди болгар как среди своих людей.

Да, друзья-болгары души не чаяли в нас.

В Брегово меня поселили к болгарину лет сорока, имевшему симпатичную жену, похожую на нее дочку и шустрого черноглазого сынишку.

Приветливые, доброжелательные хозяева не отпускали меня на завтрак и ужин в летную столовую. Щедро накрывая на стол, они были счастливы, если я оставался дома, пробовал их угощения. Просыпаясь, я каждое утро видел на столе запотевший графин с розовым виноградным соком, вазу с отборными фруктами.

Возвращался вечером, садился бриться (этим делом я никогда не занимался с утра — такова сила суеве-

рия) — в окне тут же появлялась голова мальчишки. Он пристально следил за каждым моим движением, глазел на мое обмундирование, летную амуницию. Как только заканчивал бритье, надевал гимнастерку, мальчишка исчезал, и тут же, постучав, заходила юная Мирослава. Вслед за ней — отец с матерью. И дальше весь вечер мы проводили вместе. Не трудно было заметить, что девушка неравнодушна ко мне. Это не могло меня не тревожить. Приятно сознавать, что к тебе тянется столь прелестное существо, но к чему это? Ведь она только сердце разобьет, и на том все кончится. Кроме того, хоть мне и было всего 24 года, я чувствовал себя намного старше Мирославы и относился к ней, как к маленькой девочке.

Она же продолжала всем сердцем тянуться ко мне. Родители понимали ее душевное состояние. Но что они могли поделать?

Мать как-то спросила меня:

— Это правда, Колья, что вам не разрешают жениться на иностранках?

Я ответил, что правда, она горько вздохнула и больше не возвращалась к этому разговору.

Казалось, что проще — съехать с квартиры, и, как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Но как тут съедешь, если Мирослава каждое утро провожает тебя на аэродром и каждый вечер встречает, а отец и мать принимают, как родного сына?

Но рано или поздно все это должно было кончиться. Так оно и получилось. В один из дней мы, как обычно, отправились на аэродром, а вернуться не смогли: к вечеру уже были в Югославии.

Два дня находились в другой стране. На третий к нам прибыли наши тылы — уже не батальон Пахилло, он остался в Габровнице, а новая обслуживающая часть.

Адъютант эскадрильи привез мне печальную весть: Мирослава сильно заболела, лежит в постели, и родители горюют — они уверены, что я погиб.

Мне стало не по себе. Я жестоко поступил с этими добрыми, отдавшими мне все свои лучшие чувства людьми, не известив их о своем внезапном отлете, хотя и не мог этого сделать. Но теперь надо что-то предпринять. Поговорил с Онуфриенко, рассказал ему обо всем. Он понял, что тут случай особый, разрешил слетать в Брегово.

Вот подо мной снова знакомый до боли городишко. Отыскал дом, в котором жил, сделал над ним пару ви-

ражей, покачал крыльями и — на аэродром. Приземлился, вылез из кабины, а ко мне уже бегут Мирослава и ее братишка. Она что-то быстро говорит, говорит, а я не пойму что. Но вот успокоилась, и мы направились к дому, на пороге которого нас встретили воспрянувшие духом родители.

Угодно же было судьбе послать мне еще и такое испытание! Ведь я тоже не железный. Искренняя, сердечная привязанность этого милого существа не могла не волновать, не вызывать ответных чувств. И мне немалых усилий стоило не поддаваться им. Это видели отец и мать и прониклись ко мне еще большим уважением.

Мы засиделись до глубокой ночи. Понимали: это последняя встреча. И с каждым часом все грустнели и грустнели.

Утро принесло нам тягостное прощание. Вся семья направилась со мной на аэродром. Там я расцеловался с отцом и матерью Мирославы, обнял девушку, пожал руку ее братишке и взлетел. Сделав над их головами две прощальные свечи, навсегда ушел за горизонт.

Война — это, помимо всего прочего, еще и самые тяжелые, самые грустные расставания...

Видимо, тогда подобных расставаний было немало. Потому что и через тридцать лет они дают знать о себе самым неожиданным образом. Во время работы над этой главой в «Неделе» за 29 января — 4 февраля 1973 года я наткнулся на крайне взволновавшее меня письмо из Болгарии. Называлось оно «Отзовись, Николай!». Меня так и кольнул в сердце этот заголовок — я ведь тоже Николай и тоже был в Болгарии. Но речь шла о другом нашем военном — моем тезке. Не могу удержаться от соблазна привести это письмо полностью. Мария Сивриева из Софии обращалась в «Неделю»:

«...Много-много лет во мне живут воспоминания об одном советском солдате, учителе литературы. Воспоминания чистые и милые. Может, это смешно в мои-то пятьдесят лет! Но так хочется поделиться теперь с ним мыслями о жизни, о трогательной дружбе наших народов, о наших детях, о поэзии». К своему обращению Мария приложила письмо Николаю.

«Помнишь, Николай, мы познакомились с тобой в городе Лясковец. Это было осенью 1944 года. Встретились случайно — болгарская девушка и солдат из Советского Союза... Мы долго кружили по дорожкам, пока дошли

до станции, и долго ждали поезда. Но еще дольше искали слов, чтобы объясниться. Мне было так трудно. Потом приехала в Софию и вспоминала все до мелочей.

И вот пришло твое первое письмо. Сколько раз я перечитывала его! Помнишь, мы спорили о Гомере? А потом было твое последнее письмо с войны, где ты писал, что помнишь меня и бережешь мою фотографию. Этим все и кончилось.

Не хочу думать, что тебя больше нет. Отзовись, Николай, если ты жив. Столько лет прошло, что уже не страшно припомнить прошлое и рассказать детям (а может, и внукам), как война нас свела ненадолго и разделила».

Пока читал эти строки, комок несколько раз подступал к горлу. Мне казалось, что это через годы и расстояния обращается ко мне Мирослава. Наверное, так было не только у меня — многим письмо напомнило годы нашей фронтовой юности и такие вот чистые и светлые встречи.

Ничем они не кончались, но оставались в памяти на всю жизнь как свидетели сердечной любви болгарского народа к советским воинам — своим освободителям...

Хороша страна Болгария. Но долг зовет нас дальше, приводит в Югославию.

Румынию и Болгарию мы прошли, приобретая бесчисленное множество новых искренних, верных друзей, познавая радость общения с людьми, избавленными наконец от фашистского рабства.

Фронтовая дорога продолжалась. И по-прежнему никто не знал, что сулит она каждому из нас, какие еще готовит испытания.

Глава X

ПУТЬ НА БЕЛГРАД

Югославия... О ней у меня было самое романтическое представление. Оно осталось таким же и после того, как мы с боями прошли страну из конца в конец, освободили Белград, близко познакомились со свободолюбивым и мужественным югославским народом.

Здесь мы снова получили уроки географии и истории,

пополнив запас своих знаний о государстве, которое, как таковое, образовалось лишь после первой мировой войны, в 1918 году, в составе королевства Сербии вместе с большей частью Македонии, а также Черногории, провинций Воеводина, Словения, Хорватия, Далмация, Славония, Босния и Герцеговина.

Названия-то какие — певучие, сочные! Две трети страны занимают горы. И какие горы! Ими не налюбоваться. С высот, на которых мы летали, они вообще неописуемы — их просто нужно видеть.

Первый югославский аэродром, на котором мы приземлились, не имел ничего общего со всеми, на которых нам приходилось базироваться до сих пор.

Представьте себе остров километров двенадцать длиной и четыре шириной, посреди Дуная, с прекрасным пастбищем, небольшим селом.

Этот остров первым обнаружил с воздуха наш командарм В. А. Судец. Требовалось посадить авиационные полки как можно ближе к переднему краю. Лучшего места для этой цели не найти. Но неизвестно, кто на острове, каковы условия посадки, базирования и взлета.

И вот командарм внезапно появился у нас в Брегово. Он послал четверку во главе с майором Кравцовым на разведку острова.

Через несколько минут Митя был над островом. Решил приземлиться один. Остальные будут его прикрывать и, если что не так, начнут штурмовку.

Выбрал получше площадку, совершил круг и пошел на посадку. Только машина застыла — к ней со всех сторон повалили люди, многие с винтовками. Кто такие? Как поступить? Кравцов не успел ничего сообразить, как был окружен со всех сторон. Ему все дружески улыбались, приглашали сойти на землю. Ясно, что свои, а впрочем, все быть может, только вот взлететь ему никак нельзя — вокруг люди. Посмотрел вверх — истребители виражат над ним. Ладно, что будет то будет — Митя откинул фонарь, ловко спрыгнул с крыла и сразу же снова взлетел вверх — его начали качать возбужденные, радостные люди, громко скандируя:

— Живили, о брате славяне! Живили, о Црвена Армия!

Так встретили югославы на своей земле первого советского летчика.

Долго качали, потом бережно опустили на землю, стали обнимать. Одна маленькая девочка протиснулась между взрослыми, взяла Митину руку и начала целовать. Наш закаленный в боях воздушный ас не выдержал, прослезился. Взял девочку на руки и держал ее, пока не пришло время улетать, чтобы вернуться на гостеприимный остров со всем полком.

Три с половиной года находилась Югославия под фашистской пятой. И три с половиной года горела под ногами гитлеровцев земля. Пламя национально-освободительной борьбы с каждым днем разгоралось, и это привело к тому, что к моменту выхода наших войск на югославскую границу большая часть страны находилась под контролем Народно-освободительной армии.

Югославское освободительное движение — славная страница борьбы этой мужественной страны. История, богатая подвигами, к которым волею судьбы приобщился и один из моих земляков — второй пилот транспортного самолета Борис Тихонович Калинкин.

А случилось это так.

Весной 1944 года гитлеровское командование решило нанести сокрушительный удар по Народно-освободительной армии и партизанским отрядам для того, чтобы развязать себе руки на Балканах, собрать резервы для отправки на Восточный фронт.

25 мая в районе города Дрвар был выброшен фашистский десант, который нанес удар по Верховному штабу югославской армии.

Немцы овладели городом. Но члены Верховного штаба и правительства Югославии сумели уйти в горы. Гитлеровцы преследовали их по пятам. И тогда было принято решение эвакуировать югославское руководство в безопасное место.

Выполнение этой далеко не простой задачи было поручено экипажу транспортного самолета авиационной группы особого назначения, возглавляемому майором А. С. Шорниковым.

В ночь на 4 июня 1944 года летчики Шорников и Калинкин, пройдя над Адриатическим морем и хребтами Динарских гор, пробившись сквозь дожди и туман, преодолев систему немецкой противовоздушной обороны, приземлились на маленькой площадке в горах, взяли на борт двадцать человек, в том числе и маршала Тито, руководителей союзных военных миссий и благополучно

доставили в Бари (Италия) на нашу авиационную базу, созданную по договоренности с союзниками.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении столь необычного задания, А. С. Шорников и Б. Т. Калинкин были удостоены звания Героя Советского Союза и Народного Героя Югославии.

Остров Темисезигет, на который прилетели вначале мы, а затем и 659-й истребительный и 951-й штурмовой полки, относился к территории, на которой уже довольно длительное время югославы не видели гитлеровцев. Правда, фашисты находились близко. Но жители острова уверяли: захватчики здесь даже носа не показывают. Этому можно было верить: каждый местный житель имел при себе автомат, винтовку или пистолет.

На острове жили в основном сербы. Оказалось, что у них такой же, как у нас, алфавит. Мы снова находились среди братьев и ощущали это на каждом шагу.

Нужно было расчистить от кустов и коряг полосу для взлета и посадки — хозяева острова не дали нам взяться за лопаты и топоры, все сами сделали.

Организовали охрану самолетов, впервые за всю войну поставленных в линию (иначе ширина расчищенной площадки не позволяла), а хозяева острова помимо нашего выставили и свой патруль. Только если у нас постоянно находилось на дежурстве четыре человека, то от них — около шестидесяти, которые группами ходили вокруг стоянки.

А сколько споров было при размещении личного состава! Мы сначала поселились на квартирах по четыре человека. Сербы пошли к Онуфриенко, шумели, настаивали, чтобы в каждом доме остановился русский. Кончилось все тем, что каждый хозяин выбрал себе постояльца. И только командиры эскадрилий — Якубовский, Кравцов, я — поселились вместе у престарелого серба.

Наступила первая ночь на югославской земле. Мы попросили сербов, чтобы они на всякий случай разведали, как ведут себя гитлеровцы. Несколько человек сейчас же отправились в путь, вернулись часа через два, доложили, что все в порядке, фашисты, видимо, даже не подозревают, что так близко от них находится советская авиация.

За ужином разговорились с хозяевами, и оказалось, что глава семейства хорошо владеет русским языком. Еще в первую мировую войну попал в плен и прожил где-то в Таврии лет пять.

...На острове — югославская осень: красочная, какая-то зелено-золотистая. И горы вокруг такие же. Воздух налит свежестью, погода пока солнечная, но чувствуется, что вот-вот задождит. Я вспомнил астраханскую осень. Там она сухая, иногда жаркая.

Хорошая погода — наш верный союзник. Мы ведь базируемся в пятидесяти километрах от Белграда. От нас без конца требуют все новые и новые разведданные — мы накануне освобождения столицы Югославии.

А у нас — нехватка горючего. Тылы пробираются через горы медленно — на дорогах завалы. Нам остается сливать бензин из всех самолетов, чтобы заправлять несколько, на которых и ходим по очереди на задания. Но вот горючее совсем подходит к концу. А между тем наши передовые части уже завязали уличные бои на окраинах Белграда. Что делать?

Онуфриенко послал одного летчика через Дунай на север разведать, нет ли там аэродрома. Тот вернулся и доложил, что недалеко от Бела-Црква передвигается какая-то часть, судя по бензовозам — батальон аэродромного обслуживания. Послали туда людей. Это оказался батальон Пахилло. Мог ли он не выручить своих прежних боевых друзей? Одна цистерна с бензином была доставлена на берег Дуная, а потом по реке — на остров.

Одна цистерна для полка — это слезы. Разослали гонцов в разные концы. А пока, экономя горючее, летали в район Белграда. Самым бережливым оказался Василий Калашонок. Не знаю, как он умудрялся, но у него всегда по возвращении с задания в баках оставалось больше, чем у других, горючего. Видимо, этот смышленый белорус хорошо усвоил, что запас горючего — гарантия благополучного завершения полета.

С каждым днем возрастало количество боевых вылетов. Мы оказались в гуще событий — нас использовали для решения самых разнообразных задач. В связи с тем что немецкой истребительной авиации в воздухе было мало, командарм В. А. Судец принял решение нанести удары по наземным целям. По железным, шоссейным, горным дорогам и водным путям двигалась масса вражеской техники.

Уничтожать! Не пропускать ее в Белград!

Мы считали и пересчитывали снаряды, стараясь не тратить их попусту при штурмовках, и одновременно недоумевали: где же снабженцы? Пусть батальону трудно к

нам пробиться, но ведь можно организовать доставку горючего и боеприпасов по воздуху. Впрочем, мы, наверное, не знали многих трудностей и разных обстоятельств. Но мы совершенно изумились — раздался звонок из корпуса по поводу цистерны, которую уступил нам Пахилло. Онуфриенко дали понять, что он занимается партизанщиной и это ни к чему хорошему не приведет, о таком факте будет доложено в штаб армии.

Григорий Денисович вскипел.

— Что ж, сидеть сложа руки и ждать, пока кто-то подумает о нас? — возмущался он. — И как вообще в корпусе узнали об этой цистерне? Не мог же сам Пахилло туда сообщить?

Пахилло не мог — это мы знали точно. Да, собственно говоря, и сообщать-то не о чем было — сколько таких цистерн оставлено на дорогах войны поломанными и подбитыми! Все дело в том, как подобный факт оценить, преподнести. Можно похвалить за находчивость, инициативу, а можно и приписать партизанщину и потрепать нервы командиру полка.

История с цистерной вылетела у всех из головы, как только прибыл наш батальон. Сразу все встало на свои места, мы снова окунулись в боевую работу. В это время к нам пришла памятка-воззвание. В ней, в частности, говорилось:

«...Твоя задача, товарищ, состоит в том, чтобы перехватывать отступающие по югославским дорогам немецко-фашистские войска, разбитые в Румынии и Болгарии, а также и те, которые пытаются прорваться в Германию из Греции, Албании и самой Югославии».

Мы самоотверженно выполняли свою задачу. От метких очередей наших истребителей и штурмовиков на горных дорогах пылали танки, самоходные орудия, бронемашины и автомобили.

Враг ожесточенно сопротивлялся. В районе Скопле его зенитчикам удалось подбить машину командира звена 707-го штурмового полка лейтенанта Михаила Антипова. Ему пришлось приземлиться. Фашисты бросились к штурмовику. Но ведомый — парторг эскадрильи младший лейтенант Георгий Дорохов не оставил командира в беде. Он сел рядом с подбитой машиной, вылез из кабины, крикнул:

— Товарищ лейтенант, садитесь за штурвал, я со стрелками полечу в задней кабине.

В одно мгновение все заняли свои места, Антипов дал полный газ — ни с места: колеса засели в грязи.

Антипов, спрыгнув на землю, скомандовал:

— К бою!

Заняли круговую оборону, и тут появились два наших истребителя. Их вели Александр Колдунов и Виктор Степанов. Летчики возвращались с разведки. Продолжая наблюдать за тем, что происходит на земле, они увидели там штурмовиков и, быстро сообразив в чем дело, пошли в атаку. Своим огнем истребители прижали гитлеровцев к земле. Этим воспользовались экипажи штурмовиков, напрягая последние силы, они выкатили машину на дорогу, снова заняли свои места и на этот раз благополучно взлетели.

Когда я вспоминаю об этом эпизоде, мне обязательно приходят на память стихи:

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь!

Друг на фронте — не только тот, кто рядом, с кем каждый день встречаешься и летаешь. Там друг — каждый, кто с оружием в руках сражается против общего врага. В описанном эпизоде Дорохов спасал своего командира. Что же касается Колдунова и Степанова, то ни Антипова, ни Дорохова они никогда в глаза не видели, ничего не знали о них. Однако все действовали согласно неписаному закону: сам погибай, а товарища выручай.

Велика, неоценима сила боевой дружбы, войскового товарищества на войне: ты всегда уверен, что не останешься с бедой один на один, к тебе придут на помощь, тебя обязательно выручат. И это окрыляло в бою.

Уже тогда зарождалось боевое содружество между воинами Советской Армии и их братьями по классу в Румынии, Болгарии, Югославии. Оно крепло в совместных сражениях и закладывало основы будущего оплота мира и социализма в Европе — нерушимого союза братских вооруженных сил.

В начале октября югославские и болгарские войска по разработанному советским командованием плану перешли в наступление на направлениях Ниш — Лесковац, Скопле — Велес. Летчики нашей армии активно поддержали их с воздуха. Это была первая совместная операция на

территории Югославии. Она завершилась полным разгромом неприятеля и освобождением большой территории.

Такой поворот событий не мог не радовать нас: ведь теперь тяжесть войны разделяют с нами наши братья по оружию, они помогают нашим войскам, прошагавшим с боями от Волги до Дуная. Достаточно сказать, что общими усилиями фактически была уничтожена фашистская группировка «Сербия».

И такое понятие, как пролетарский интернационализм, сейчас на наших глазах обретало плоть и кровь, становилось силой, которая способна была сокрушить любого врага.

Да, все мы получили здесь наглядный и поучительный урок пролетарского интернационализма. И уже тогда невольно приходило на ум: при таком единстве действий народам Европы не страшен никакой враг, они всегда смогли бы защитить свою независимость, отстоять мир и счастье.

Конечно, мы тогда еще не могли знать, как сложится все после победы над фашизмом. Но война открыла нам могучие корни взаимной дружбы и любви между нашими воинами и простыми людьми освобождаемых стран, подрубить их было бы преступлением перед всем человечеством. Это мы уже тогда очень хорошо понимали. И не только мы. С нами были солидарны наши новые друзья, как мирные жители, так и те, кто с оружием в руках сражался за освобождение своей родины.

В октябре грянули ожесточенные бои за освобождение Белграда. Удар по врагу наносили 4-й механизированный корпус генерала В. И. Жданова и 1-й и 12-й корпуса Народно-освободительной армии Югославии.

В эти дни наши вылеты следовали один за другим, и в основном на штурмовку. Нас предупредили о необходимости действовать очень осторожно и осмотрительно, беречь город и мирное население. Все это требовало от нас исключительной точности.

Отличились многие летчики, и особенно из эскадрильи Петра Якубовского, уничтожившие значительное количество вражеской боевой техники. В полку была выпущена красочная стартовка: «Привет группе Якубовского, успешно выполняющей все боевые задачи!»

С хорошей стороны показали себя и летчики нашей эскадрильи — Кирилюк, Калашонок, Горьков, Кисляков и

другие. Порой меня поражала их неутомимость, неудержимое рвение к полетам.

Борис Кисляков под Белградом открыл свой боевой счет — сбил первого ФВ-190. Радость первой победы так взволновала его, что он даже не заметил, как оторвался от нас, израсходовал все горючее и пошел на вынужденную.

Только к вечеру мы узнали, что с ним и где он. Был у нас трофейный «икар». Я на нем частенько летал. Погрузив два баллона со сжатым воздухом, три канистры бензина, я отправился на выручку. У «икара» особенность: для увеличения оборотов мотора ручку газа нужно давать не от себя, а тянуть назад. Я к этому быстро приспособился. Но оказалось, до первого особого испытания, которое случилось именно тогда, когда я шел на посадку. На планировании передо мной совершенно неожиданно появились телефонные провода. Я отдал сектор газа от себя, чтобы взмыть вверх. Но вместо этого нырнул под провода и с плюхом приземлился.

Заправили мы с Борисом самолет, взлетели. Он в полку рассказывал: «Вот мастак наш командир, как Чкалов, увидел провода — под них, и все тут». Я же со страхом думал о том, что мне здорово повезло: ошибка могла стоить жизни.

Поздравили Бориса с первым сбитым «фокке-вульфом», пожелали ему больше никогда не терять ориентировки. А меня через день поздравили с двадцать третьим уничтоженным стервятником. Не думал я тогда, что до конца войны мой личный счет возрастет еще на столько же.

В те дни мы впервые услыхали о героических действиях авиационной группы Героя Советского Союза полковника А. Н. Витрука. Она придавалась Народно-освободительной армии Югославии. Участвовала в боях и одновременно подготавливала югославских летчиков. Рассказывали, что там, где появлялись воздушные бойцы Витрука, враг не находил себе места ни в воздухе, ни на земле.

После освобождения Белграда, А. Н. Витрук станет Народным Героем Югославии. Впоследствии погибнет и будет похоронен на Холме Славы у памятника Неизвестному солдату в городе Киеве.

Станет известным и коммунист отважный летчик 672-го штурмового авиационного полка младший лейте-

нант В. С. Серегин, который удостоился высокого звания Героя Советского Союза. А спустя много лет после войны вся страна будет хоронить его у Кремлевской стены вместе с первым в мире космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным.

...Дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом очищали в Белграде советские и югославские войска от фашистов. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, а вечером 17 октября их группа «Витман» перешла в наступление, стремясь занять район горы Авала и обеспечить прорыв всех своих сил на запад.

Потребовались срочные меры, чтобы не допустить выхода в тыл нашим войскам в Белграде почти 18-тысячной группировки противника.

Было решено задержать наступление врага ударами с воздуха. С этой целью В. А. Судец прибыл на командный пункт 4-го гвардейского механизированного корпуса, и вскоре над полем боя появилась наша авиация. Массированные, сокрушительные удары буквально парализовали гитлеровцев, расстроили их боевые порядки. Осуществить свой замысел они не смогли. Окруженная вражеская группировка предприняла отчаянные попытки выйти к реке Сава и переправиться на левый берег. Но штурмовики и истребители с нашими наземными войсками сорвали этот замысел.

Как сейчас помню массированный налет эскадрильи штурмовиков, возглавляемой капитаном Н. Платоновым в районе Земуна.

Шесть заходов сделали «илы», израсходовали весь боезапас. А уходить им нельзя — командующий требует имитировать штурмовку дальше. Грозные машины одна за другой переходят в пикирование и с воем несутся к самой земле. Один раз, второй, третий. А дальше что? Фашисты в конце концов раскусят в чем дело, опомнятся, откроют бешеный огонь. Но тут последовало распоряжение командарма возвращаться домой. Только начали удаляться от цели — появились «мессеры». Мы заметили их, предупредили штурмовиков.

А «мессы» не нападают. Почему? Видимо, знают, что мы уже долго в воздухе, у нас вот-вот кончится горючее и мы сами упадем на землю. Однако враг просчитался — мы обрушились на него и одного фашиста тут же сбили. Остальные поспешили уйти.

Наступило утро 20 октября. Оно началось штурмом

последней цитадели гитлеровцев в Белграде — старинной крепости Калемегдан, а закончилось встречей в ней командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта танковых войск В. И. Жданова и командира 1-й армейской группы Народно-освободительной армии Югославии генерал-подполковника Пеко Дапчевича.

Противник в панике начал переправляться через реку Саву по мосту, на лодках, бросался вплавь.

Надо было захватить мост. Но как? В. И. Жданов и В. А. Судец выработали оригинальный план, который тут же начали осуществлять. Над мостом и аэродромом Земун повисли наши штурмовики, прикрываемые истребителями. Они заставили замолчать вражеские зенитки и артиллерию, пехоту — залечь. И тут на полной скорости на мост ворвались наши танки, проскочили его, завязали бой в городе Земун.

Стараясь помочь наземным войскам развить успех, мы построили свою боевую работу так: первая эскадрилья уходила с поля боя — ее сменяла вторая, а потом появлялась третья. Противник находился под непрерывным огнем до полутора часов. Командарм был очень доволен нашими действиями.

Вечером 20 октября Белград был освобожден.

С тех пор этот день отмечается как знаменательная дата в жизни югославского народа. С ним пришла и утвердилась долгожданная свобода, за которую отдали свои жизни лучшие сыны Югославии, за которую сложили головы многие советские воины.

Есть в столице Югославии тихий уголок, в любое время года засыпанный живыми цветами. Здесь покоятся павшие в боях за Белград советские и югославские воины. 20 октября каждый год сюда приходят тысячи жителей столицы для торжественного возложения венков на могилы своих освободителей.

День 20 октября! Вот как вспоминает о нем рабочий-строитель Шилойко Маркович:

— Мне никогда не забыть этот день. Когда стих грохот взрывов, я не смог больше усидеть в подвале, выбежал на улицу. А там творится что-то невероятное: плачущие от радости люди сжимают в объятиях солдат с красными звездочками на пилотках.

Да, такие встречи были тогда во всех уголках Белграда. Люди не скрывали своих чувств, слез счастья.

...За освобождение Белграда на знамени нашего полка к ордену Кутузова III степени прибавился орден Богдана Хмельницкого II степени. Эта награда вдохновляла и звала к новым победам.

Через три дня мы с Кисляковым отправились на разведку в устье реки Дравы.

На аэродроме Вуковар в устье Дравы обнаружили большое скопление вражеских самолетов.

Вернулись домой, доложили. Назавтра Онуфриенко поручил мне вести на Вуковар весь полк. Сам он был в боевых порядках нашей эскадрильи. Чтобы скрытно подойти к аэродрому, договорились соблюдать полное радиомолчание. Но нам мешали густые облака. Командир полка нарушил радиомолчание.

— Скоморох, правильно идем? — спросил он.

— Не волнуйтесь, отец Онуфрий, все нормально,— ответил я.

Снижаемся. Заходим со стороны Дравы, чтобы удар нанести вдоль стоянки. По моим расчетам, вот-вот должен появиться аэродром.

Онуфриенко запрашивает:

— Скоморох, далеко еще?

— Сейчас, командир, — отвечаю, а сам начинаю тревожиться. Делаю небольшую горку, сквозь дымку вижу очертания аэродрома. Чтобы подойти к нему незаметно, всем полком снижаемся до 50 метров.

За 3—5 километров до цели снова быстро набрали высоту и увидели забитое «юнкерсами», «хейнкелями» и другими машинами летное поле.

Удар наш был внезапным, ошеломляющим. По первой эскадрилье фашистские зенитчики не успели сделать ни единого выстрела. А вот по второй и третьей открыли шквальный огонь. Только ничего им не помогло. С аэродрома долго не смог подняться ни один самолет. Это был наш последний массированный удар в составе полка. Больше такой необходимости не возникало.

По радио мы услышали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчикам звания Героя Советского Союза. Среди них — командир нашей третьей эскадрильи капитан Петр Якубовский.

Он заслуживал этой высокой чести — незаурядный летчик-истребитель, отличный командир, человек большого личного мужества. Мы поздравили его от всей души,

пожелали увеличивать счет боевых побед и боевых наград.

...И вот мы прощаемся с островом. В последний день октября приземляемся на венгерском аэродроме Сегед.

За два дня нахождения в Сегеде летчики сумели пополнить боевой счет полка — по одному самолету сбили Виктор Кирилюк, Алексей Артемов, Петр Митрофанов. Приятно было сознавать, что, несмотря на довольно длительное отсутствие активных воздушных схваток, наши пилоты сохранили свою бойцовскую форму. Однако это вовсе не означало, что можно не заниматься тренировкой летчиков. И мы уделяли этому должное внимание.

К тому времени у нас на вооружении появилось несколько радиолокационных станций. Новинка всех заинтересовала. Мы стали изучать незнакомую до этого аппаратуру. Она хорошо помогла в нашей боевой работе.

...Что за местечко такое со столь звонким девичьим именем Эчка? На подходе к нему стараемся рассмотреть его сверху. Красивое, все в яркой осенней листве.

Югославы сразу же развели нас по квартирам. Каждому из нас пришлось выступать в роли пропагандиста нашего образа жизни. Мы рассказывали о победах на фронтах, о том, как живет и трудится советский народ. Нашлись нужные слова, выношенные душой, выверенные сердцем мысли. Иначе и быть не могло: Советскую власть, идеи партии впитали мы вместе с молоком матери.

Только перезнакомились мы с местными жителями, сдружились с ними — бросок под Нови-Сад. И те же задания — разведка, прикрытие.

На аэродроме под Нови-Садом я поселился у очень приветливого югослава. И в первый вечер он поспешил мне сообщить:

— А у меня сосед тоже русский...

— Кто же он?

— Бежал когда-то от вас...

Опять эмигрант! Сколько же их рассеялось по зарубежным странам?!

Сосед-эмигрант не замедлил явиться.

Этот человек страдал ностальгией, но боялся вернуться в родные края.

— Много нехорошего на вашей совести? — спросил я.

— Да как вам сказать — ходил в эсерах. Потом был у Деникина, у Врангеля, воевал против вас и, заметьте, не потому, что революция лично меня обидела, нет, мой

отец был всего-навсего адвокат. Я сражался с вами по идейным соображениям, не верил вашему делу...

— А теперь как?

— Да что ж тут говорить, коль вы оказались неодолимы, вон какой машине шею сворачиваете. Русский человек не может быть покорен! — закончил он с ноткой гордости в голосе.

— Теперь не просто русский — советский человек,— поправил я его. — Советская власть сделала наш народ непобедимым.

— Да, вы, наверное, правы, — согласился он.

— А чего же вы не боретесь с фашизмом?

— Хватит с меня того, что мой сын служит сейчас в Народно-освободительной армии Югославии. А мы, старшие, стали слишком трусливыми и хитрыми. Мы во всем разуверились. Вы, советские, первые, кто меня удивил. Но я не знаю, хватит ли у меня сил сейчас перестраиваться...

Символичным был этот разговор, потому что происходил 6 ноября, в канун 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Он сказал мне больше, чем можно было ожидать: завоевания Октября, нашу социалистическую Родину признают даже самые оголтелые враги, время заставляет их смотреть на самих себя, на все, что происходит вокруг, совсем иными глазами.

Вот так, далеко за пределами Родины, судьба свела меня, советского летчика, с бывшим белогвардейцем. Свела, чтобы показать, как жалок удел отщепенцев, шедших против своего народа.

Октябрьский праздник мы встречали в Эчке, куда снова вернулись. Состоялось торжественное собрание, на которое пригласили и местных жителей. С докладом выступил замполит майор А. Резников. Потом был концерт художественной самодеятельности, который закончился темпераментными югославскими танцами.

У нас на аэродроме праздник Октября прошел в спокойной, мирной обстановке. И не знали мы тогда, какие странные, непонятные события происходили в районе города Ниш.

Вот что рассказывает о них в книге «Суровые годы» Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов:

«Мне вспоминается один трагический случай, имевший место уже после освобождения Белграда. Обстановка

потребовала выдвинуть на север стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Г. П. Котова. Войска двигались ускоренным маршем и без прикрытия с воздуха, поскольку в этом районе авиации противника не было.

И вдруг мне доносят:

— Колонны корпуса подверглись бомбежке.

Спрашиваю: кто бомбит?

Отвечают: американцы.

Пришлось поднять в воздух истребители...»

Что же произошло тогда?

Над колоннами наших войск неизвестно откуда появились тяжелые истребители союзников. Они сбросили бомбы, потом открыли огонь из пушек.

Появилась новая группа самолетов. Рискуя собой, Александр Колдунов врезался в строй, затем близко подошел к ведущему и рукой показал на красную звезду на фюзеляже своего самолета. Эта группа ушла, не сбросив бомб.

...Бои, напряжение которых с каждым днем нарастало, катились за Дунай, где возникали новые очаги упорных, ожесточенных схваток, новые плацдармы.

И вот — батинский плацдарм, ударом с которого начнется Будапештская операция. Этот плацдарм просуществует не более двух недель, но ознаменуется исключительной напряженностью боевых действий на земле и в воздухе.

К нему будут подтянуты главные силы 3-го Украинского фронта. И наш полк тоже переместится в Стапар.

Надолго запомнилось нам это ничем особенно не примечательное большое село, расположенное в низине. Вблизи — широкий заливной луг. Беда! Площадка оказалась насквозь пропитанной грунтовой и дождевой водой. Мы это почувствовали сразу — самолеты плюхались в раскисший грунт, глубоко утопая колесами шасси, заметно сокращая свой пробег.

Да, взлетать с такого, с позволения сказать, аэродрома — дело далеко не простое. В этом очень скоро все убедились. Особенно после того, как пошли дожди. Взлетало звено из эскадрильи Якубовского. Три самолета оторвались от земли, а четвертый — скапотировал. Лейтенант Петр Митрофанов не учел особенностей взлета с такого грунта, действовал как в обычных условиях, он отделался легкими ушибами. Однако всем нам пришлось самое серь-

езное внимание обратить на отработку взлета с новой площадки. Это оказалось не так уж легко: нужно было приловчиться отрывать машину почти на критических углах атаки после вялого длинного разбега. Иногда, чтобы избежать капотирования, приходилось на стабилизатор сажать техников или механиков, которые спрыгивали прямо в грязь, когда истребитель набирал скорость.

Очень трудными были наши взлеты, а между тем мы должны были непрерывно атаковать противника в районе батинского плацдарма.

Онуфриенко доложил в штаб дивизии о том, как трудна здесь наша работа. Ему ответили: пока что перебазировать полк некуда, постоянно держите дежурную пару на всякий случай.

Для начала Онуфриенко приказал выделить пару из нашей эскадрильи. Кого? Я решил возглавить пару сам. Тем более что сейчас моим ведомым стал вернувшийся из школы воздушного боя на совершенно новом истребителе младший лейтенант Иван Филиппов. Машина с неизношенным мотором — то что надо в таких случаях. Да и Филиппов возвратился совсем иным — отлично подготовленным: во время проверки по сложному пилотажу показал хорошую технику пилотирования.

Он стал моим ведомым после одного памятного боя. Четверка истребителей в составе Гриценюка, Горькова, меня и Кислякова столкнулась с двадцатью шестью ФВ-190 и четырьмя Ме-109. Мы сбили три вражеских самолета. Тогда у меня была исключительно удачная лобовая атака: я шел с набором высоты; и тут из облака выскочил «фоккер». Несколько секунд стремительного полета лоб в лоб — и еще один фашист вспыхивает от моей очереди. Наблюдавший за боем со станции наведения генерал Толстиков поблагодарил нас.

Все было бы хорошо, да только мой ведомый Борис Кисляков оказался раненным: случайная пуля, пробив обшивку кабины, повредила ему правую руку, да так, что он еле посадил машину.

И вот мы с Филипповым несем боевое дежурство, ждем так называемого крайнего случая. Прослушиваем эфир. Вдруг улавливаем женский голос:

— Я — «Дрозд», я — «Дрозд», нужны «ястребы», ждем «ястребов».

«Дрозд» — передовой командный пункт. «Ястребы» — мы.

Тут же взлетает в воздух зеленая ракета — приказ стартовать.

У меня давняя привычка: на взлете не давать полностью газ, чтобы не отставал ведомый. Это имело смысл в обычной обстановке, но не тут. Филиппов обошел меня, оторвался от земли первым.

— Молодец! — передаю ведомому.— Продолжай взлет.

Сам двинул сектор газа полностью вперед, мощности мотору прибавил, но разбег получился слишком растянутым. Таким растянутым, что я успел услышать в наушниках чей-то голос и подумать о том, что он очень и очень мне знаком.

Уже в воздухе нажал кнопку передатчика:

— «Дрозд», я — Скоморох. Жду указаний.

«Дрозд» откликнулся:

— Коля, ты очень нужен, быстрее следуй в наш район, как можно быстрее.

Сомнений нет: это голос нашего бывшего начальника штаба Николая Михайловича Сергеева — сейчас он начальник оперативного отдела армии, находится на передовом командном пункте, где, по-видимому, не сладко. Позже мы узнаем, что там в это время находились В. А. Судец и Ф. И. Толбухин. Несемся с Филипповым на полных оборотах. Нам нужно преодолеть всего 18—20 километров, для чего достаточно двух с половиной минут. А «Дрозд» торопит: скорее, скорее, ждем.

Уточняю обстановку.

— Со стороны Апатина приближается большая группа «фоккеров», — говорит Сергеев.

Я уже видел эту группу. Она заходила для нанесения удара по шоссейной дороге Сомбор — Апатин, по которой двигались наши войска. Ясно!

Вот ведущий «фоккер» вошел в разворот. За ним — ведомый. Он сразу же вписался в мой прицел. И огненная трасса тут же полоснула его по «брюху». Он упал прямо у дороги, на виду у наших войск.

Строй «фоккеров» распался. Между ними, ведя непрерывный огонь, крутился Филиппов. Решительный, напористый хлопец, хорошо подучили его в школе: первый воздушный бой после столь длительного перерыва ведет довольно активно. Убедившись, что он сам за себя постоять может, я беру на прицел замыкающего «фоккера», даю очередь и сваливаю его на землю севернее Апатина.

Налет «фоккеров» сорван. Оставшиеся невредимыми вражеские летчики поспешили покинуть поле боя.

В знак победы выполняю две восходящие бочки и становлюсь в круг над передовым командным пунктом.

— Спасибо, Коля, — слышу голос,— вы свое сделали, можете идти домой.

За этот воздушный бой я был награжден орденом Александра Невского, Филиппов — Красного Знамени.

Вернулись мы на аэродром — там ЧП: еще одна машина перевернулась на взлете.

Полеты приостановлены.

Онуфриенко созвал совещание, чтобы решить, как быть дальше.

— С воздуха я видел аэродром под Сомбором. Правда, бетонированная полоса на нем местами взорвана, но воронки можно заделать, — сказал я.

— Пожалуй, это подойдет, — заметил Онуфриенко.

Только вот загвоздка: как туда перебраться? Пошли дожди, взлетать с нашей площадки стало рискованно даже одиночкам, не то что целому полку.

И тут слова попросил старший техник нашей эскадрильи офицер Скоробогатов.

— Я предлагаю перевезти самолеты на грузовиках.

— Как это?

— Очень просто: отделить крылья, установить самолеты хвостами в кузова автомашин...

— По-моему, предложение дельное. Никем и нигде, наверное, еще не испробованное, но дельное, — поддержал замполит полка майор Резников.

— Я — за! — сказал инженер полка капитан Мякота.

С ними все согласились.

Так наш «военный совет» в Станаре одобрил необычную операцию, которую полковые остряки тут же окрестили «хвостом вперед».

К вечеру все было готово. Водители заняли места в своих кабинах. Операция «хвостом вперед» началась — мы тронулись в тридцатикилометровый путь, к Сомбору.

...В кромешной тьме по раскисшей дороге медленно продвигаемся вперед. Надрывно гудят моторы, чавкают в грязи колеса. Если бы кто-то мог взглянуть со стороны на этот наш ночной рейс — немало бы удивился. Вряд ли кому приходилось видеть подобные «летные по-пешему» колонны.

К полуночи добрались наконец к новому аэродрому. Привести в порядок его своими силами трудно. Онуфриенко тут же отправляется в Сомбор, находит представителей местной власти, просит, чтобы прислали людей. Через несколько часов к нам прибыло много сомборцев. К утру все обломки бетонированной полосы были убраны, воронки засыпаны, грунт тщательно утрамбован: было приятно смотреть, как делали это югославы, взявшись за плечи, передвигаясь по кругу, весело подпевая в такт своим притаптываниям.

Пока местные жители приводили в порядок аэродром, мы собирали самолеты. И тут вдруг выяснилось, что не хватает одной машины. Еще раз пересчитали самолеты — да, одного недостает. Где же он? Может, случилось что с автомобилем и он отстал? Было решено — кто первым взлетит, пройдет над нашей ночной дорогой.

Но на рассвете отставшие сами явились. Оказалось, что водитель свернул не в ту сторону. Наши товарищи в темноте въехали в Сомбор и долго петляли по его улицам, пытаясь разузнать, куда им следует ехать. Летчик несколько раз поднимал с постелей жителей, расспрашивал у них дорогу, а те спросонья, да еще при виде столь странного транспорта, терялись, не сразу соображали, что от них хотят, а поняв, наперебой начинали что-то объяснять, вступали в спор между собой, а водитель и летчик, так ничего и не добившись, вежливо благодарили горожан и следовали дальше, сами не зная куда. Короче говоря, первый способ восстановления ориентировки летчиком — путем опроса местного населения, как потом острили наши шутники, — оказался ненадежным. «Экипаж» проблуждал всю ночь, и лишь с рассветом ему удалось попасть на аэродром.

Где-то в двенадцатом часу командир полка, взлетев первым, лично опробовал аэродром. И с этого момента мы летали на батинский плацдарм, не зная отдыха. Не ошибусь, если скажу, что здесь мы в воздухе находились больше времени, чем на земле. Нам некогда было даже перекинуться словцом, почитать газеты. Даже когда почтальон принес мне письмо от Марии, я не смог выкроить минутку, чтобы прочесть. Лишь вечером наконец прочел и встревожился: Маша писала из Степного (теперь Элиста), где после окончания педагогического института преподавала физику и математику, что до нее дошел слух, будто бы меня смертельно ранило и неизвестно те-

перь, жив я или нет. «Я не верю этому, не верю, но душа моя разрывается», — заканчивала свое письмо Маша.

Я стал перебирать в памяти все. Вспомнил, как мне вручили посылку с припиской: «земляку-астраханцу». Открыл — там всякие сладости и бутылка янтарного виноградного вина. Раскупоривая бутылку, поранил руку. Мне ее быстро перевязали, и тут вдруг появился прибывший к нам фотокорреспондент:

— Посылка нашла своего адресата? Надо сообщить об этом астраханцам...— И он щелкнул «лейкой».

Неужели этот снимок мог сыграть такую роль? Так оно и оказалось. Каким-то образом фото попало в Астрахань.

Все это я узнал после того, как сообщил родителям и Маше, что жив-здоров, ни одна пуля пока что не коснулась ни меня, ни моего истребителя.

...Целыми днями буквально висим над батинским плацдармом. Сюда, в Задунайскую равнину, гитлеровское командование перебросило пять дивизий из Южной Сербии, Северной Италии, Австрии и из-под Будапешта с единой целью: уничтожить советские войска, форсировавшие полноводный Дунай.

Наши наземные части оказались в крайне сложной обстановке, она усложнилась тем, что приходилось продвигаться буквально по колено в грязи. Автомобили буксовали, тяжелая техника застревала. Конечно, у царицы полей — пехоты был громадный опыт преодоления всевозможных препятствий на пути от Волги до Дуная. Но тут ведь незнакомая земля Венгрии...

Более двух недель длились ожесточенные бои за батинский плацдарм. В небе над ним выполняли свои задачи не только мы, но и летчики других полков, в том числе и моего родного 164-го, который нашим же методом — «хвостом вперед» — перебазировался на аэродром Чанад, преодолев около 55 километров.

В конце ноября произошел памятный для всех нас бой десятки наших истребителей во главе с Героем Советского Союза капитаном Петром Якубовским против значительно превосходящих сил противника.

Дело было так.

Наша авиационная группа прикрывала войска в районе Апатина — Батина. И вот в воздухе появилось с одного направления четыре ФВ-190, с другого — пятнадцать Ю-87 под прикрытием десяти Ме-109.

— Артем, свяжи боем «фоккеры»! — приказал ведущий паре младшего лейтенанта Алексея Артемова. Четверке лейтенанта Михаила Савченко велел атаковать «мессеров». А сам со своей четверкой ринулся в гущу «юнкерсов».

Закрутилась невообразимая карусель, из которой через несколько минут один за другим посыпались на землю фашистские самолеты, подожженные Артемовым, Савченко, Валерием Панютиным. И как бы в завершение сбил «юнкерса» младший лейтенант Анатолий Яковлев.

Десять против тридцати! И полная победа! Гитлеровцы не смогли нанести нашим войскам и истребителям ни малейшего урона, сами же потеряли четыре самолета.

Сейчас, анализируя этот бой, проведенный с высочайшим тактическим мастерством, я попробовал вспомнить хотя бы одну схватку, в которой бы расстановка сил была иной: скажем, наших самолетов тридцать, вражеских — десять. И как ни старался — не мог припомнить ничего подобного.

В чем же дело? Некоторые пытаются объяснить это немецкими педантизмом и расчетливостью, с которыми риск редко уживается. Возможно. Только нам все это было чуждо. Случалось, и нередко, что один истребитель врывался в колонну фашистских бомбардировщиков и кромсал их налево и направо, не задумываясь над тем, что такая дерзость может стоить ему жизни. Лучшее подтверждение тому — бессмертный подвиг Александра Горовца, сбившего в одном бою девять фашистских бомбардировщиков, о чем я уже упоминал в одной из предыдущих глав.

Совершенно очевидно, что в бою верх берет тот, у кого лучше выучка, больше хитрости, тверже воля.

Подвиг рождается там, где его требует обстановка, и совершает его тот, кто ясно сознает это требование и не уклоняется от него.

Так было с Александром Горовцом, так было с Петром Якубовским, так было со многими другими героями сурового военного неба.

...В свои права властно вступала сырая европейская зима. Она принесла нашим войскам победу на батинском плацдарме, она же в декабре перебросила нас на венгерский аэродром Мадоче.

Отныне наш путь шел на Будапешт.

Под крыльями — территория новой страны. Страны Лайоша Кошута, Мате Залки, чепельского революционного пролетариата, страны, где в 1919 году несколько месяцев существовала Советская республика...

Глава XI

ПОД КРЫЛОМ — ВЕНГРИЯ!

Свободу Венгрии! И загремела битва. Позже историки отнесут ее к числу крупнейших сражений Великой Отечественной войны.

На правом берегу Дуная войскам двух Украинских фронтов противостояли отборные группы армий вермахта — «Юг» и «Ф», руководство которыми осуществлял сам фюрер.

Что касается нашей 17-й воздушной армии, то ей пришлось здесь столкнуться с фашистским 4-м воздушным флотом, он имел 850 самолетов — на 100 машин меньше, чем мы. Однако этот перевес в технике нами подчас не мог быть использован из-за того, что полки нашей армии базировались на совершенно неподготовленных полевых аэродромах, были растянуты в тылу на расстояние до 300 километров, что очень сковывало их боевую активность.

Но, с другой стороны, мы ощущали громадное моральное превосходство над противником. За нами лежал победный путь от Волги до Дуная, мы уже били врага на ближайших подступах к Германии и горели желанием довести наше справедливое дело до конца.

А гитлеровцы? Они дрались с отчаянием загнанного зверя, со злобной тупостью и обреченностью. Правда, фюрер обещал им чудо, которое повернет колесо войны вспять. Но, как признавались взятые в плен немцы, охотников верить в это чудо оставалось все меньше и меньше. И все же сопротивление врага с каждым днем возрастало: приказ фюрера сражаться до последнего вздоха пока еще действовал.

В этих условиях в наших частях и подразделениях требовалось усилить партийно-политическую работу. Мы стали проводить ее под девизом: «Выведем последнего

сателлита Германии — Венгрию из войны против СССР и повернем ее против Гитлера!»

Политотдел армии снабдил нас воззваниями к жителям венгерских сел и городов. Армейская газета, партийные активисты, агитаторы разъясняли авиаторам историю венгерского революционного движения, рассказывали о борьбе Коммунистической партии и патриотических сил Венгрии против фашизма.

Парторг лейтенант Прожеев провел в эскадрилье специальное занятие, на котором выступил с кратким рассказом о Венгрии. Мы снова оказались как бы за школьными партами. Сравнительно небольшое по площади Венгерское государство возникло в начале XI века, но уже в первой половине XVI века потеряло свою самостоятельность: большая его часть была завоевана турками, меньшая подпала под власть австрийских королей, которые в XVII веке полностью подчинили себе эту страну.

В 1867 году образовалось государство Австро-Венгрия, которое распалось только в 1918 году. Тогда-то и возродилась самостоятельная Венгрия. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в стране возникла новая форма государственного устройства — Советская республика. Народная власть героически продержалась несколько месяцев и была свергнута иностранной интервенцией. Установившийся здесь со временем фашистский режим постепенно превратил Венгрию в сателлита, а затем в союзника гитлеровской Германии.

Реакционное венгерское правительство почти до самого конца своего существования оставалось верным Гитлеру. Политика этого правительства не могла не сказаться на психологии, а следовательно, и поведении населения страны, тем более что оно долгие годы находилось под воздействием фашистской пропаганды. В Мадоче мы замечали: бедняки тянутся к нам, ищут общения с нами, но делают все это с оглядкой на зажиточных односельчан, которые относились к нам подчеркнуто сдержанно.

Было ясно, что все изменится, если Венгрия будет освобождена и ее профашистское правительство свергнуто. Это хорошо понимали наши летчики.

На открытом партийном собрании эскадрильи коммунист Кирилюк дал слово сражаться с утроенной энергией, увеличить счет сбитых стервятников. Его поддержали и другие члены партии. Техники и механики вызвались

без задержек готовить самолеты к боевым вылетам, в самые сжатые сроки восстанавливать и вводить в строй поврежденные машины. Все это свидетельствовало о высоком боевом духе личного состава. Было приятно сознавать, что в эскадрилье сложился спаянный коллектив, в котором царит атмосфера дружбы, теплоты, сердечности, взаимопонимания и товарищеской выручки. Мы прошли с боями добрую часть Украины, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию. На этом длинном пути по-разному складывались обстоятельства, были всякие ситуации, встречались всевозможные соблазны, но ни один человек не сбился с правильного пути, не стал на путь нарушения присяги, уставов и приказов. Правда, был неприятный случай с младшим лейтенантом Кодольским, который объясняется не отсутствием дисциплины, а причинами психологического свойства. Не было у нас «персональных дел», мы никого не привлекали к ответственности. Таков результат ежедневной индивидуальной работы с людьми, партийного влияния на них. Конечно, большую роль играли и те значительные задачи, которые приходилось нам решать. А важность цели рождает великую силу.

...Мадоча недалеко от Дуная. Само село на возвышенности, а вот аэродром — в низинке. Он сырой и ненадежный.

Наша эскадрилья приземлилась здесь первой. Затем привел своих орлов Кравцов. Из БАО здесь оказалось всего несколько человек, мы сами рассредоточили самолеты и организовали их охрану.

Наступил вечер. Никто из местных жителей к нам не пришел. Пришлось выбрать старинное пустующее помещение с метровыми стенами, устроиться в нем на ночлег, продумав на всякий случай систему круговой обороны. В третьем часу ночи нас подняла на ноги вспыхнувшая где-то рядом перестрелка. Мы схватились за оружие, приготовились к бою. Смотрю, к нашему дому подкатывают машины с вооруженными людьми в кузовах. Остановились. Люди поспрыгивали на землю, стали закуривать: крутить самокрутки, высекать кресалами огонь. Стало ясно: наши. Никто другой кресалами не пользовался, этот прадедовский способ добывания огня надежно прижился среди наших солдат, они не отказывались от него даже сейчас, когда у каждого имелись новейших образцов зарубежные зажигалки.

По этому поводу ходил тогда такой анекдот. Сошлись как-то немецкий и советский солдаты, стали спорить, кто из них ловчее. Был сильный ветер. Наш солдат угостил фрица самосадом, сказал:

— Прикури сам.

Немец чиркал-чиркал спичками — все гаснут. Вытащил зажигалку — тоже без толку.

Тогда Иван извлек из кармана кремень, кресало, фитиль. Чирк — заалел огонек, от ветра еще больше стал разгораться. Вот так дал наш солдат фрицу прикурить...

Мы вышли на улицу, разговорились: оказалось — это прибыла комендатура, да в темноте наткнулась на расставленных нами часовых, что и вызвало перестрелку.

Все хорошо, что хорошо кончается. Мы улеглись досыпать.

Утром приняли остальную часть полка и сразу же приступили к решению боевых задач.

В небе нам часто стали встречаться «мессершмитты» с желтыми коками. Ходили они, как правило, парами, появлялись всегда неожиданно в разгар боя, стремительно, на больших скоростях производили атаки и быстро исчезали, чтобы тут же вновь появиться с выгодной для них стороны.

Нам не удавалось помериться силами с ними в схватке — они ловко увертывались. На земле мы часто обсуждали их коварную тактику, вырабатывали свою.

Вносилось много предложений — серьезных, дельных и таких, что сразу начисто отметались.

У нас наметился свой план действий. Направляясь к новому месту базирования — в Кишкунлацхазу, мы этот план «проиграли». Вначале все шло вроде бы нормально. Затем мы так увлеклись, что даже не заметили, как ревущим клубком повисли над новым аэродромом.

— Прекратите ваши забавы,— загремел по радио голос Онуфриенко, — на подходе вторая эскадрилья...

После посадки командир полка спросил:

— Что, опять эксперименты? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Быстрее заправляйтесь — и на задание. Там продолжите...

В Кишкунлацхазе снова занялись своим обычным делом. Но однажды, возвратясь из полета, Петр Якубовский сказал мне:

— Коля, привет от «желтых коков»...

— И тут объявились? Ну что ж, придется заняться ими...

— Да, придется.

Вскоре, сопровождая штурмовиков, я столкнулся с «желтыми коками». Обычно, пока штурмовики обрабатывают передний край противника, ведущий прикрытия находится там, откуда ему все видно, удобно мгновенно, с большим запасом скорости появляться в нужном месте. Так было и на этот раз: мы с ведомым находились сверху, в районе выхода штурмовиков из атаки, а пара Горькова замыкала их строй.

Вдруг из-за облаков выскакивает пара «желтых коков», устремляется к Горькову, с ходу открывает огонь. Борис ныряет под трассы, а «мессеры», не сворачивая, бьют по «илам». Гриценюк заградительной очередью отсекает их, и они тут же снова ныряют в облака.

Пара Горькова занимает свое место в строю, идет домой.

Молодцы ребята, не дали «желтым кокам» сделать свое черное дело. Было бы, конечно, еще лучше, если бы сразили хоть одного «мессера». Но это не так просто — машинами управляют опытные асы.

После посадки обсуждаем подробности боя. Ребята в один голос твердят:

— У «желтых коков» бортовые радиолокаторы.

Действительно, ничем иным нельзя было объяснить их внезапное появление из-за облаков в самый невыгодный для нас момент.

Ладно, поживем — увидим, чья возьмет.

Рано или поздно генеральная схватка должна была состояться. И она состоялась севернее Секешфехервара.

Было это так. Кирилюк, Калашонок, Маслов, Горьков и я вылетели для прикрытия наступающих войск. На станции наведения в это время находился Гриша Онискевич. При нашем подходе к заданному району он сообщил:

— Будьте внимательны — впереди «фоккеры» и «мессеры».

Через несколько минут сталкиваемся с группой в 10—15 самолетов, Кирилюк вступает в бой. Мы с Горьковым — наверх, связываем боем «мессеров». И тут-то я проморгал: не заметил, что к Маслову уже пристраивается «желтый кок». И откуда он, черт, только взялся! Кричу Маслову:

— Берегись, сзади «желтый кок»!

Маслов вильнул в сторону, но «желтый кок» не таков, чтобы упустить добычу. По всему чувствовалось: хватка у него мертвая.

Бросаюсь на выручку к Маслову. До «мессера» далеко, его не сбить, но пугнуть можно. Даю очередь по ведущему, он взмывает вверх, ведомый — за ним, но через некоторое время плавно отходит вправо вниз.

Приманка! Шалишь, брат, не те времена...

— Горьков, преследуй ведомого! — сказал я, а сам пошел за ведущим пары «желтых коков».

Поняв, что поймать меня на удочку не удалось, тот взмыл свечой вверх. Но просчитался — между нами не такое уж большое расстояние. Оценив обстановку, «желтый кок» совершает левый переворот. Чтобы его не потерять, ложусь на спину, иду за ним. Его ведомый, описав круг, крутой восходящей спиралью пытается зайти мне в хвост. Горьков тянется за ним. Его навскидку обстреливает «желтый кок», а я в это время иду ему наперерез. Чтобы атаковать наверняка, вхожу в боевой разворот, смотрю — «желтый кок» проскальзывает мимо меня. Неужели уйдет? «Карусель» длится минут десять, поднимается все выше, вот мы уже на высоте более девяти тысяч метров, где маневрировать нелегко — разреженный воздух. «Желтый кок» тоже стремится занять исходное положение для атаки. Но это ему, как и мне, не удается.

Дважды сходились в лобовых — безрезультатно. Снаряды прошли мимо. И вот третья лобовая. Прицеливаюсь — перед глазами два самолета. Встрепенулся, встряхнул головой — один. Через мгновенье — снова два. Это наступило кислородное голодание: у меня во рту был мундштук, но разве в такой горячке сумеешь дышать чистым кислородом? А противник мой в маске. Ему хорошо. Мне стало ясно: если я сейчас, собрав все свои силы, не собью «желтого кока», он сразит меня. В лобовой атаке у меня был излюбленный прием. Я и прибегнул к нему: плавно, еле заметно пошел вниз. Фашист решил, что я ухожу. Потянулся за мной. Я перехожу в горизонтальный полет. Иду со скольжением: почти без крена, не выпуская противника из прицела. А ему трудно взять меня в перекрестие: моя машина все время как бы ускользает в сторону, хотя глазом заметить это почти невозможно. Он начинает доворачивать. Чувствую, сейчас придет решающее мгновение. А тут нехватка кислорода...

Сердце чуть не выскакивает, кровь стучит в висках, дыхание учащается.

Давно не испытывал такого напряжения. Но надо выдержать. И главное, не упустить момент: раньше открою огонь — бесполезно, между нами большая дистанция, чуть позже — вражеские снаряды прошьют меня. Сработать точно, в свое время — в этом весь фокус.

То и дело встряхиваю головой, чтобы избавиться от «второго» самолета. Вижу — «мессер» еще ближе подворачивает, стремясь лучше прицелиться.

Расстояние между нами сокращается. Еще, еще, чуть-чуть еще. А вот теперь — палец на гашетку!

Последний кадр, запечатлевшийся в моей памяти: «желтый кок» как-то неестественно вильнул и пошел вниз. А я как будто сквозь сон слышу: «Лавочкин», выводи, выводи машину!» С огромным трудом открываю глаза. И вижу, как головокружительно мелькает земля — самолет в штопоре. Быстро выхожу из него. Снова слышу:

— Кто штопорил?

— «Чайка-19», я — Скоморох!

— Отлично. Смотри: внизу догорает сбитый «желтый кок», а справа спускается на парашюте фашистский летчик.

— Понял. А где остальные? Где Керим (Кирилюк), Горкин (Горьков), Калаш (Калашонок)?

— Иди на юг, они там барражируют.

Лечу туда и думаю: что со мной приключилось? Знал, что кислородное голодание приводит к заболеванию так называемой эйфорией (буквально означает «хорошо переношу»). Не думал, что болезнь эта настолько коварна — погружает тебя в сладкий сон, с которым невозможно бороться.

На земле узнал: взятый в плен пилот «желтого кока» — майор, воевал в Польше, во Франции, в нашей стране, имел на счету 50 сбитых самолетов.

В Кишкунлацхазе у нас настоящий бетонированный аэродром. До чего надоели нам размокшие полевые площадки! Там и машины вечно грязные, обувь и обмундирование — сырые. Другое дело стационарный аэродром — кругом сухо и чисто.

Здесь мы встретились с летчиками генерала И. Д. Подгорного, летавшими на «яках» с красными носами. Это придавало машинам особый шик. Летчики нашей эскадрильи тут же последовали этой моде — покрыли красной

краской переднюю часть капотов Ла-5. Строй наших истребителей стал выглядеть на земле и в воздухе наряднее и внушительнее. Это заметили летчики других эскадрилий и сейчас же последовали нашему примеру. Но, оказалось, маленькое новшество ко многому обязывало. Фашистские летчики, встречая самолеты с красными кольцами на носу, настораживались и обходили их стороной. Такое поведение противника психологически объясняется просто: все необычное сначала отпугивает, а на войне — тем более. Потом гитлеровцы осмелели, попытались прощупать «красные носы». Несколько раз они получили хороший отпор, а потом им повезло — напали на одного из молодых, малоопытных летчиков и клевали его до самого аэродрома. Всем нам было очень неприятно наблюдать эту картину: коль уж покрасил нос своему истребителю, так держись на высоте, не подводи. Этот случай заставил некоторых товарищей смыть с капотов красные кольца, ставшие как бы символом особой бойцовской выучки...

Утром 20 декабря началось новое наступление войск 3-го Украинского фронта с целью прорвать сильно укрепленную фашистскую линию «Маргарита», овладеть городом Секешфехервар и, обойдя с запада Будапешт, соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Наступление поддерживали свыше 800 самолетов — весь действующий парк 17-й воздушной армии.

Это были дни исключительно напряженной боевой работы. Мы буквально висели над черным передним краем и возвращались на забеленную сырым снегом землю лишь для того, чтобы заправиться горючим и пополнить боеприпасы.

Мы беспрерывно обрушивали шквал смертоносного огня на артиллерийские позиции, оборонительные сооружения врага. И тут начались ожесточенные воздушные схватки.

В разгар напряженной боевой работы в полк прибыли давние наши знакомые — журналист Юрий Казьмин и фотокорреспондент Николай Гаврилов, оба капитаны. У них было задание сфотографировать летчиков, отличившихся над батинским плацдармом, рассказать о них в армейской газете.

Пока беседовали, все шло хорошо. Григорию Денисовичу льстило внимание армейской прессы, он охотно рассказывал о каждом из нас.

Но вот пришло время фотографироваться.

Некоторые летчики считали это плохой приметой. Они начали избегать капитана Гаврилова. Заметив это, Онуфриенко сказал:

— Ребята, уже пятый час, дело к вечеру, вылеты вряд ли будут, так что можно запечатлеть себя на пленке.

Прибывший с газетчиками летчик-инспектор майор Н. Ковалев сказал:

— Становитесь, товарищи, становитесь.

Мы быстро выстроились. Гаврилов раз-другой щелкнул «лейкой»:

— Готово!

И тут Онуфриенко зовут к телефону. Он бежит — и возвращается злой:

— Скоморох, твоя эскадрилья дежурная — надо пару отправить на задание.

Выстраиваю эскадрилью, спрашиваю:

— Кто пойдет?

В ответ — молчание. Такого еще никогда не было.

— Ну, так есть добровольцы?

Молчание. Прошелся вдоль строя, пытаясь заглянуть каждому в глаза, но все опускали их.

Черт бы побрал эти проклятые приметы — как они действуют на психику!

Но не могут же они быть сильнее здравого смысла! Я вспомнил, как когда-то в Адлере сел стричься, уверенный, что в воздух подниматься в этот день больше не придется. Только парикмахер Оля прошлась раз-другой машинкой — зеленая ракета.

— Ну, Оля, достригут меня, наверное, гитлеровцы, — сказал я и помчался к самолету.

Был тогда бой очень тяжелый для меня. Но все обошлось.

На земле я сказал хлопцам:

— Все эти приметы — чепуха!

А они мне в ответ:

— А ты не постригся полностью.

Нет, как видно, с этой «традицией» бороться трудно. Вот и число «13». В нашем, да и в других полках я не видел самолетов с таким номером. Казалось бы, чепуха, ерунда все это, а вот на тебе — имеет силу...

— Значит, добровольцев нет? Ну ладно, кто полетит со мной?

Вперед шагнула вся эскадрилья.

— Полетит Филиппов.

Выбрал я Филиппова не случайно. На его машине — добротный новый мотор. К тому же он мой ведомый.

Мы устремились к самолетам, и я услышал голос Ковалева:

— Скоморох, возьми машину Романова.

Новенький Ла-7 недавно пригнан штурманом дивизии майором Николаем Романовым из учебного центра, где он повышал свое летное мастерство. Управление дивизии находилось рядом с полком, поэтому самолет был у нас на стоянке.

Механик старшина Данило Матвеенко, сменивший Петра Мартюшева, быстро перенес мой парашют в самолет Романова. После Нижней Дуванки я стал с уважением относиться к парашюту, всегда присутствовал при его переукладке, проверял крепление шпилек. Я сел в кабину, ознакомился с ее особенностями.

И вот мы с Филипповым в воздухе. Я выполнил несколько бочек, восходящих свечей. Машина — зверь! На том и закончилось мое переучивание. Станция наведения вывела нас в район Капошвар-Ниека. Мы думали, рядовой вылет. А случилось необычное.

Впереди показалась десятка ФВ-190. Она стала разворачиваться для удара по позициям наших войск. Медлить нельзя. Врезаюсь в строй и первой же очередью сбиваю замыкавшую его машину. И сразу открываю огонь по другой. Среди «фоккеров» паника, они рассыпались в разные стороны, снизились до бреющего полета и стали уходить на свою территорию.

Но тут появилась новая восьмерка ФВ-190. Она попыталась с ходу отбомбиться. Только ничего у нее не вышло — мы с Филипповым неожиданно свалились на фашистов и молниеносными ударами подожгли по одному самолету. Они рухнули на землю прямо возле станции наведения, чуть было не накрыв ее.

Шестерка «фоккеров» еще пытается прорваться к цели. Откуда такое нахальство? Надо проучить. Подхожу снизу к следующей паре и с короткой дистанции сбиваю еще одного фашиста. Теперь врагу не до бомбежки — по газам и — восвояси.

Все? Конец! Ан нет — появилась еще одна группа ФВ-190. Снова восьмерка.

Мы не позволили ей даже близко подойти к месту бомбометания — стремительно атаковали, заставили куда

попало сбросить свой смертоносный груз. Я поджигаю еще одну машину. Потянув за собой шлейф густого черного дыма, она уходит. Но Филиппов бросается в погоню и короткой очередью добивает ее.

— Молодцы, «ястребки», объявляю вам благодарность! — услышали мы в наушниках голос командира корпуса. Оказывается, он находился на станции наведения, наблюдал за боем.

На земле мы сразу попали в объятия Онуфриенко и всех наших товарищей летчиков: они поздравляли нас с высокой наградой — орденом Красного Знамени.

— Недаром я вас сфотографировал! — воскликнул капитан Гаврилов. — Все как надо!

— Выходит, что так, — сказал я и подумал: «Тут уж не скажешь, что не до конца подстригся, все, как говорится, чисто».

Опасная и коварная штука — самовнушение. Скольких летчиков оно подвело и погубило! Вот простой пример. Немецкая «рама» по сути самая обыкновенная, малоскоростная, неуклюжая машина. Но утвердилось мнение, что с ней трудно справиться, — и все побаивались ее, из-за чего нередко страдали.

А сила слова в воздушном бою? Ее невозможно переоценить. Помню, когда я стал водить группы, вначале давал такую команду:

— Справа — «мессеры», слева — «фоккеры». Будьте осторожны!

И мои ребята начинали терять уверенность в себе — отставать, выскакивать вперед, беспорядочно маневрировать, — на них действовала фраза «Будьте осторожны!».

Поняв эту психологическую особенность, я отказался от предостерегающих команд, взял на вооружение только зовущие к действию: «Атакуем, прикройте!» — и поведение летчиков изменилось.

Итак, парой сбили пять фашистов в одном бою.

Филиппов был возбужден, много говорил. Что касается меня, то я уже научился сдерживать свои эмоции. Это тоже искусство. Как и когда оно приходит — понял при одной удивительной встрече, оставившей глубокий след в душе.

Вблизи аэродрома находилась кузница. Оттуда целый день доносились удары молота о наковальню. Как-то на досуге мы с Кирилюком решили заглянуть туда. Кузнец — пожилой мадьяр — как раз подковывал чью-то ло-

щадь. Работал размеренно, сосредоточенно, не отвлекаясь, но и, как нам казалось, без особой увлеченности: во всяком случае, на его морщинистом лице трудно было заметить признаки удовлетворения своим трудом. Но зато как он работал! На него любо было смотреть. Четкость, точность, ни одного лишнего движения. Удар — ухналь вбит. Еще удар — ухналь вбит. Артист!

С невозмутимым видом кузнец подковал три ноги, принялся за четвертую, но, взглянув на нас, улыбнулся и предложил нам закончить начатую им работу. Подобным делом мне никогда не приходилось заниматься, однако руки, с детства знавшие всякие инструменты, сами потянулись к молотку. Поплевал я по-крестьянски на ладони, решил показать, что и сам не лыком шит. Да не тут-то было: удар — ухналь на полу, второй — ухналь согнулся, пришлось его вытаскивать щипцами.

— К любому делу привыкнуть надо,— сказал на ломаном русском языке старый мадьяр и дружески мне улыбнулся. Ему не хватало русских слов, зато я нашел их: привыкнуть, приспособиться, приноровиться.

Война приучила, приспособила, приноровила меня к моему ремеслу, она, с ее жестоким и неумолимым законом — выживает сильный и опытный, — заставила хорошенько изучить секреты боевого мастерства.

Любопытно, что раньше, вернувшись с задания, мы, бывало, возбужденно рассказывали о полете.

А сейчас? На второй день после нашего с Филипповым боя встречаю побывавшего со своей шестеркой над передним краем Митю Кравцова.

— Ну, что там?— спрашиваю.

— Да ничего особенного,— спокойно ответил он.

А чуть позже узнаю, что наша шестерка встретила сорок «фоккеров», разогнала их, заставила повернуть вспять. А на земле догорали три вражеские машины.

«К любому делу привыкнуть надо» — вспоминали мы слова старого мадьяра-кузнеца. За этими словами — многолетний опыт труженика-мастера.

...А напряжение боев растет.

Если совсем недавно мы вели бой с двадцатью шестью стервятниками, шестерка Кравцова — с сорока, то 24 декабря восьмерке Петра Якубовского пришлось иметь дело с пятьюдесятью ФВ-190. Финал был тот же: три «фоккера» уничтожены, остальные ушли, не выполнив своей задачи.

Наши действия вызвали, естественно, одобрение со стороны вышестоящего начальства. И не только одобрение. Некоторые летчики управления дивизии захотели принять участие в воздушных схватках. Был в их числе и майор Ковалев. Он обладал отличной техникой пилотирования, но в боях участвовал редко, опыт растерял.

Попросился Ковалев в нашу эскадрилью.

Мы не особенно радовались, когда у нас появлялся человек, летающий от случая к случаю. А Ковалев — инспектор-летчик. Он, конечно, считает, что больше нашего все знает и все умеет, претендует на самостоятельность в действиях. А мы вынуждены посылать на его прикрытие своих лучших бойцов.

Помнится, как однажды командир дивизии полковник Селиверстов тоже решил испытать себя в бою. До этого он длительное время не летал. И вот, несмотря на то что раньше комдив был превосходным летчиком-истребителем, его поразили несколько раз. Потом он захотел действовать в нашей эскадрилье охотников. Мы прямо ахнули: этого чудесного человека надо было сберечь любой ценой. Мы выделили для комдива лучшего ведомого — Василия Калашонка и еще пару для прикрытия и тем самым ослабили боеспособность эскадрильи.

Теперь Ковалев...

Я без энтузиазма отнесся к его желанию. Чувствовал, что со мной согласны и мой заместитель Виктор Кирилюк, и командиры звеньев Василий Калашонок, Борис Горьков. Мы не были уверены, захочет ли он в дальнейшем летать с нами. Это не то что Маслов, Козлов, Кисляков, Филиппов, Гриценюк, еще в Югославии вернувшийся в строй после ранения... Для них эскадрилья — дом родной. В ней они выросли, закалились, возмужали.

Вот даже Чебаков заметно подтянулся. Он постепенно приобретал необходимые бойцовские качества. Правда, с ним пришлось крепко поработать. Мы с Кирилюком всем уделяли много внимания, работая с каждым летчиком отдельно. В этом нам помогали партийная и комсомольская организации, заботившиеся о том, чтобы в эскадрилье все стали мастерами маневра и огня. Но особенно много пришлось заниматься с Чебаковым. В авиацию он пришел в двадцать семь лет — человеком со сложившимся характером, устойчивыми привычками. Воздушная круговерть поначалу была ему просто не по нутру. Пришлось терпеливо внушать ему то, что нами было основательно

усвоено в девятнадцать-двадцать лет. Мы знали, что начинающий истребитель остро переживает первые боевые вылеты. Тут выручает только собственный опыт.

Много раз мне, Кирилюку, Горькову, Калашонку приходилось беседовать с Чебаковым, разбирать его боевые вылеты. Летали с ним вместе и на задания, где, обеспечив надежное прикрытие, давали ему возможность полностью проявить себя. В конце концов он, как говорится, втянулся в наше дело, в нем пробудились активность, инициатива; развивая их, мы помогали ему стать настоящим летчиком-истребителем.

Не хотелось нам брать в эскадрилью Ковалева — и неспроста.

Назначили к нему ведомым Калашонка. Это был наш самый надежный щит. Если прикрывает Калаш — можно ничего не бояться, смело вступать в бой.

Но такому ведомому нужен был и ведущий под стать. А вот этого обстоятельства мы не учли, о чем потом горько сожалели.

Ушли мы на прикрытие наших войск. Патрулировали тремя ярусами: внизу Кирилюк с четверкой, над ним — моя пара, надо мной — Ковалев с Калашонком.

Вначале все шло спокойно. Но вот пронеслась парочка «мессеров», вслед за ними — четверка. Я дал очередь, четверка ушла вниз, где был Кирилюк и его ведомые, тот сразу же устремился за ней.

— Керим, отставить! Это приманка! — передал я по радио, увидев вдали многочисленные точки — сюда шла армада «фоккеров».

И тут взволнованно закричал Ковалев:

— «Мессеры», «мессеры»!

Я ничего не успел ему ответить, смотрю — он уже ввязался в бой, стал пристраиваться в хвост «мессершмитту», тянуться за ним. Калашонок видит: все выходит неладно, их пару враг уводит в сторону, а сделать ничего не может — командир есть командир.

Ковалев, еще не догнав «мессер», кричит:

— Атакую, прикрой!

Где Ковалев — неизвестно, ушел куда-то в сторону, клюнул на приманку.

Наша шестерка вынуждена встретить грудью в несколько раз превосходящую нас группу «фоккеров» и «мессеров». Ребята дерутся смело. Кирилюк поджигает «мессер», от чьей-то меткой очереди задымил «фоккер»,

а у меня не выходят из головы Ковалев и Калашонок. Где они, что с ними?

А попали они в ловушку. Пока гнались за одним фашистом, их атаковали сзади два других. Калашонок стал отбиваться, а на Ковалева в это время набросилась еще одна пара. Ее увидел ведомый, крикнул:

— Коваль, сзади «мессер»!

А тот и ухом не ведет — стреляет по «своему» фашисту, который, поняв, видимо, с кем имеет дело, просто-напросто играет с ним в кошки-мышки.

Стреляет Ковалев, а сзади к нему тихо, без огня, подкрадывается коварный фашист. Еще мгновение — и сразит командира. Верный Калашонок молнией устремляется к ведущему и, не имея возможности атаковать врага, становится между ним и машиной Ковалева, весь заряд «мессершмитта» принимает на себя. Его «ястребок» заштопорил, пошел к земле. Ковалев, не разобравшись в чем дело, закричал:

— Сбил, сби-и-ил!

А раненый Калашонок с большим трудом поставил машину «в горизонт», как говорят летчики, и поковылял домой.

Ковалев осмотрелся — нет ведомого. Бросился его искать, нашел, пристроился. Они пошли на свой аэродром. С пулей в правом бедре, истекая кровью, Калаш кое-как приземлился. Когда мы вернулись, его уже увозила санитарная машина. Вечером навестили Василия, узнали все подробности их злополучного боя, вызвавшего у нас много раздумий.

Все, что случилось с Ковалевым, даже отдаленно не напоминало мне действия наших ребят в Адлере. Они были зелеными, неопытными, легко увлекающимися. Но и тогда уже больше всего боялись допустить, чтобы кто-то из-за них пострадал. Они всегда думали о тех, кто был рядом.

Как же мог такой бывалый летчик-инспектор забыть об этом? Объяснение найти было трудно.

Зато в действиях Калашонка узнавалась хватка наших лучших летчиков. Вот уж молодчина — не думал о себе, бросился на выручку ведущему. Не впервые он так поступает. Он много раз был ранен, когда прикрывал еще майора Краснова. Но тогда было совсем иное дело: оба мастера воздушного боя стоили друг друга.

Слава летчику-истребителю дается не легко. Видимо,

Николай Ковалев сразу и окончательно убедился в этом. Он ушел от нас, и больше мы его не видели. Человек признал свою слабость, это, как известно, тоже требует мужества. Мы надолго лишились Калашонка. Но не испытывали зла к Ковалеву. Так уж несуразно все получилось у него...

К нам в Кишкунлацхазу прибыл новый заместитель командира дивизии — бывший командир 866-го полка подполковник Степан Никифорович Кузин.

Мы сразу заметили в нем много общего с Онуфриенко: такой же простой, доступный, человечный, любит побалагурить, но умеет и делу научить.

Во время беседы со мной о том о сем подполковник Кузин вдруг спохватился:

— Да, чуть не забыл, тебе привет передавал Саша Колдунов. Кстати, на его счету уже двадцать девять сбитых. А у тебя сколько?

— Двадцать семь...

— Вот видишь, отстаешь... Подтягивайся, к следующему моему приезду должен обогнать Александра...

Разговор закончился, но в душе моей вспыхнула искра соперничества. Мне захотелось к новому приезду Кузина иметь больший счет, чем у Колдунова.

Через неделю подполковник Кузин снова появляется у нас:

— Как дела, Скоморох?

— Двадцать девять сбил — догнал Колдунова.

— Эге, у него уже тридцать три...

Такие разговоры вел он и с Колдуновым, как бы вызывая нас на соревнование. И постепенно так «завел» нас, что мы стали ревностно следить за боевыми успехами друг друга, что невольно подтягивало, мобилизовывало.

Может быть, этим и объясняется тот любопытный факт, что к концу войны на счету каждого из нас будет ровно по 46 лично сбитых фашистских самолетов.

В конце декабря развернулись ожесточенные бои за Эстергом. На этом направлении действовал и 4-й механизированный корпус генерала В. И. Жданова. В районе Бички продвижение корпуса затормозилось. Меня с Филипповым послали на разведку. Погода пасмурная. Местность под нами разнородная — лощины, овраги, лесистые взгорья.

Мы подошли к переднему краю, связались с КП корпуса. В ответ слышим:

— Скоморох, Скоморох, я — Жданов, пройдись в глубину немецкой обороны, посмотри, что там.

А мы с Филипповым тем временем обнаружили в лощинах немецкие танки.

— Я — Скоморох, впереди нас, километрах в трех,— вражеские танки.

— Много их?

— Более двадцати в одном месте, столько же в другом да около пятидесяти пушек.

— Вас понял. — Но в голосе нет прежней твердости: неужели сомневается в достоверности донесения?

Решили с Филипповым пройтись на бреющем. По нас дали дружный залп вражеские зенитчики. Ну какие могут быть тут сомнения?

В это время слышу по радио голос генерала Толстикова:

— Скоморох, следуйте на аэродром, заправьте баки и повторите все сначала.

Через некоторое время мы снова были над тем же местом. Уже наступило утро, и стали видны как на ладони танки, орудия и другая боевая техника. Все — в боевой готовности.

Доложил Толстикову.

— Штурмуйте артиллерию! — последовал приказ.

Мы устремились вниз, но гитлеровцы успели дать мощный залп по нашим войскам. Это разозлило меня и Филиппова, мы один за другим произвели три захода, обрушив на головы врага весь наш боезапас.

Снова слышим голос Толстикова:

— Скоморох, сможете навести штурмовиков?

Скосил глаз на топливомер — стрелка приближается к нулю.

— Я — Скоморох, горючего маловато.

— Постарайтесь помочь штурмовикам.

И тут слышу голос Георгия Ковалева:

— Я — «Лев-3», скоро будем.

Мы встретили их, навели на цели и кое-как успели добраться домой. В баках моего истребителя бензин закончился на выравнивании.

Штурмовики прекрасно справились со своим делом, помогли механизированному корпусу обойти вражескую группировку с флангов и разгромить ее.

Когда мы с Филипповым вылетели в третий раз и прошлись над теми же лощинами — увидели настоящее кладбище разбитой боевой техники.

Генерал В. И. Жданов, знавший меня еще с той поры, когда на выручку мне пришел Онуфриенко, поблагодарил нас с Филипповым. После войны мы встречались с ним много раз. И всегда генерал Жданов, обращаясь ко мне, говорил. «Скоморох», это напоминало ему, да и мне, дни нашего боевого взаимодействия в годину грозных испытаний.

...С напряженными боями войска 3-го Украинского фронта вышли к Дунаю севернее и северо-западнее Будапешта, это привело к окружению 188-тысячной группировки фашистских войск. Венгерское правительство во главе с Ф. Салаши, прячась от своего народа, перебралось в Австрию.

Советское командование, стремясь избежать кровопролития и предотвратить разрушение Будапешта, 29 декабря направило в расположение окруженных вражеских войск парламентеров — капитанов И. А. Остапенко и Миклоша Штейнмеца.

Гитлеровские изверги совершили гнусный акт — расстреляли обоих парламентеров. Еще ничего не зная об этом преступлении, летчики нашего корпуса старшие лейтенанты Н. Шмелев и П. Орлов пять раз прошли на бреющем над городом, сбросив около полутора миллионов листовок, в которых были изложены условия капитуляции.

Враг не внял разумным предложениям нашего командования. Он не терял надежды вырваться из окружения. Гитлер планировал контрудары, чтобы спасти попавшую в западню группировку.

Всем было ясно: Будапешт придется брать штурмом.

Приближающийся новый, 1945 год предвещал нам жестокие и упорные бои.

В связи со злодейским убийством фашистами советских парламентеров во всех частях, в том числе и авиационных, состоялись митинги. У нас митинг открыл замполит майор А. Резников. Говорил он страстно и убежденно, каждое его слово глубоко западало в наши сердца. Авраам Иосифович пользовался большим авторитетом, к нему все охотно шли для решения различных вопросов и выслушивали советы, которые высоко ценили. Наш

замполит был воплощением честности, скромности и душевности.

Под стать ему был и секретарь комсомольской организации полка младший лейтенант Виктор Соколов, умевший и личным примером, и словом зажигать сердца не только молодежи, но и всех авиаторов.

— Земля Венгрии станет могилой для многих фашистских стервятников, — сказал на митинге Виктор Кирилюк.

Через день — Новый год. На фронте наступило затишье. Почему-то меня снова потянуло к старому кузнецу-мадьяру. Мы здесь все еще мало общались с местным населением, а очень хотелось почувствовать, как оно настроено, чем дышит. Кузнец как-никак уже мой знакомый. А знакомых, как известно, поздравляют с Новым годом. С этим я и отправился в кузницу, из которой по-прежнему доносились звонкие удары молота.

Когда я вошел в мрачноватое, черное от сажи помещение, пожилой мадьяр ритмично расклепывал прут, который держал клещами черноволосый мальчуган.

— С Новым годом, с новым счастьем! — сказал я громко, переступив порог.

Увидев меня, оба заулыбались, прекратили работу, вытерли о фартуки руки, пошли навстречу. Стало ясно, что о нашем предыдущем визите был в семье разговор, моему появлению рады.

— Спасибо. Будем знакомы, — протянул руку кузнец. — Шандор Далаши, а это, — он показал на мальчишку, — мой внук Ласло.

Шандор предложил мне присесть на скамеечку. Мы закурили.

— Скоро конец Гитлеру? — спросил он.

— Думаем, все кончится в наступающем году...

— И больше это не вернется?

— Как же оно может вернуться?

— Да вот вы разобьете Гитлера, а потом домой уйдете, а фашизм снова голову поднимет. Вы — далеко, а нам что делать? Наш народ напуган. Выжидает. Я вот тоже был в свое время среди поднявших революцию чепельских рабочих. Маркса и Ленина читал. Тогда и русскому немного научился — нужной литературы на нашем языке почти не было. А вот потом нас всех в такие тиски зажали, что мы и жизни рады не были. Особенно хортисты лютовали. Вот с тех пор и живем с оглядкой.

Я понял: это исповедь. Долго и терпеливо ждал старый мадьяр этой минуты, чтобы наконец высказать то, что тревожило, терзало его душу.

Почувствовав в нем товарища по духу, по настроению, я крепко сжал его руку:

— Друг мой Шандор, можете ходить с высоко поднятой головой — фашизм не вернется.

Старик сделал глубокую затяжку, задумался. Я заглянул в угол, где примостился мальчишка, заметил, что он читает какую-то книгу. Меня очень заинтересовало: какую? Поднялся, пошел к нему, потрепал за волосы, взял в руки книгу. И прямо-таки обомлел: Николай Островский! Не поверил своим глазам, открыл титульный лист. «Как закалялась сталь»? Неужели?! Лихорадочно листаю страницы, нахожу в тексте дорогое, родное имя: Павка Корчагин.

У меня, видимо, был такой взволнованный вид, что мальчик испугался: он-то еще не все понимал. Подошел Шандор, заулыбался:

— Это очень редкая книга. Она еще до войны у нас появилась. Издана в СССР на венгерском языке. Появилась тайно — хортисты любого могли расстрелять за нее. Мне удалось раздобыть. Прочел и спрятал. И только недавно вот извлек ее на свет — пусть внук читает.

Мы с Шандором пристально посмотрели друг другу в глаза и прочли одно и то же: фашизму не бывать на венгерской земле!

А я порадовался поразительной судьбе книги Николая Островского. Второй раз встречаюсь с этим удивительным советским писателем и второй раз вижу, как становится властителем дум Павка Корчагин и влияет на ход различных событий. Мне вспомнился Адлер, и вот теперь — внук мадьяра-кузнеца... А сколько тысяч и тысяч таких же других, о которых мне ничего не известно. Невозможно переоценить то, что сделал для людей Николай Островский своей жизнью, своей книгой.

Долго-долго находился я под впечатлением нахлынувших чувств в дымной кузнице старого революционера-мадьяра. А после войны, посетив Дом-музей Николая Островского в Сочи, узнал, что Мате Залка был первым венгром, с которым еще в 1934 году познакомился автор волнующих книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». А за два года до этого оба «встретились» на страницах журнала «Молодая гвардия», в котором публикова-

лись первая часть «Как закалялась сталь» и роман Мате Залки «Кометы возвращаются». Точно так же, как в образе Павки Корчагина узнавался сам Островский, в образе командира кавалерийского полка интернационалистов Виктора Гара угадывался Мате Залка — участник испанских событий, под именем генерала Лукача командовавший Двенадцатой интернациональной бригадой. В то время, когда Мате Залка сражался в Испании, в хортистскую Венгрию начал тайно проникать Павка Корчагин, с которым так неожиданно свела меня судьба в кузнице Шандора. Я очень жалел, что не попросил тогда у Шандора книгу — она стала бы уникальным экспонатом в Доме-музее любимого всеми советского писателя.

Вот какое необычное событие сопутствовало мне в предпоследний день уходящего 1944 года. Событие волнующее, незабываемое, по-своему знаменательное.

...Еще один год войны уходил. Встретил я его на Днепре Славутиче, а расстаюсь с ним на Дунае. Еще двенадцать невероятно трудных фронтовых месяцев остались позади. На моем счету более тридцати сбитых фашистских самолетов. Я стал старше еще на год, но повзрослел на много лет. Окончательно ушли в прошлое переживания и все страхи перед опасностью. На смену им пришли точный расчет, выдержка, хладнокровие. Все повадки врага хорошо изучены, приемы и методы воздушного боя до тонкостей отработаны и освоены. Правда, каждая новая схватка по-прежнему оставалась для нас непрочитанной книгой, но тем не менее, имея за плечами большой фронтовой опыт летчика-истребителя, можно было рассчитывать на исход поединка в свою пользу.

Подобное можно было сказать о большинстве летчиков полка. В ночь под новый, 1945 год мы собрались в летной столовой, и я впервые за долгое время смог в спокойной обстановке посмотреть на наших ребят. И тут только заметил: у одного преждевременно поседели виски, у другого упрямая складка на лбу появилась, у третьего на лице не свойственное ему ранее жестокое выражение... А в глазах у всех — огоньки сознания своей силы, решимость сокрушить любого врага.

Вот только жаль, не было за общим столом Василия Калашонка и Бориса Кислякова. Первый только что попал в госпиталь, второй уже вышел из него, но находился в доме отдыха для выздоравливающих. Фашисты не дадут ему пробыть там положенное время, придется Борису

досрочно явиться в полк и с еще не совсем зажившей раной приступить к боевой работе.

Новогодний вечер открыл Григорий Онуфриенко.

Статный, подтянутый, тщательно выбритый, весь праздничный, сияющий, наш командир предложил первый тост за наших отцов и матерей, за жен и детей, за любимых невест, которые ждут нашего возвращения с победой.

Вслушиваясь в эти слова, я мысленно побывал на Волге, заглянул в Астрахань, Саратов, в родное село Лапоть, увидел родителей, сестру, Машу. Как давно мы расстались с Машей! В моей памяти даже стали стираться черты ее лица. И только в душе сохранялся, жил, все больше разгорался зажженный ею огонь любви и надежды.

Полковой вечер был недолгим. Вспоминали свою довоенную жизнь, все этапы пройденного нами пути, помянули погибших друзей и товарищей.

Вася Гриценюк, как всегда, пел о Волге и Днепре, о землянке и дивчине-красе... Мы слушали его затаив дыхание, и каждый думал о своем — самом дорогом и сокровенном...

Глава XII

НАД БУДАПЕШТОМ

Занималась заря первого дня нового, 1945 года.

Вместе с нею вставали на битву пехотинцы, артиллеристы, танкисты, летчики — поднимался весь 3-й Украинский фронт.

Окруженный в столице Венгрии враг отказался капитулировать.

И вот — сигнал на вылет. Шестеркой выруливаем, дружно стартуем. Мы сопровождаем группы Ил-2 в район Будапешта и ведем разведку противника.

С высоты орлиного полета рассматриваю этот живописный, своеобразный по своей архитектуре город. Узкие улицы, широкие магистрали, трамвайные перекрестки... На площадях многочисленные памятники... Мосты через широкий, но далеко не голубой в эту пору Дунай.

Грозно несутся штурмовики. Приказано без крайней

необходимости не делать новых разрушений в городе. Можно уничтожать только вражескую технику и живую силу, а в условиях большого города это далеко не простое дело.

Штурмовикам удалось обнаружить на одной из широких магистралей фашистскую автоколонну. Они подожгли несколько машин. Мы, став в вираж, тщательно следили за воздухом. Ни одного немецкого самолета не появилось. Когда «илы» закончили свое дело, мы, оставив пару вверху, четверкой прошлись на малой высоте вдоль пылающей колонны.

Вместе с нами на прикрытие войск западнее Будапешта ходила четверка под командованием Миши Куклина. Она успешно выполнила задание, вернулась без потерь.

Первый день нового года прошел для нас, летчиков, благополучно. Но это благополучие таило в себе взрывную силу. В ночь на 2 января гитлеровцы, стремясь вырвать из окружения группировку своих войск, предприняли мощный удар из района юго-восточнее Комарно, еще через пять суток ударили из района севернее Секешфехервара, а в середине января попытались пробиться к своим окруженным войскам южнее этого города.

Мы в те дни не покидали кабин своих истребителей. Сейчас, просматривая журнал боевых действий 31-го полка, я поражаюсь количеству боевых вылетов и разнообразию задач. И каждый раз, листая этот журнал, невольно задерживаю взгляд на первой странице: «2.1.1945 г. 12.45—13.40 4 Ла-5 Кравцов (младшие лейтенанты Цыкин, Попов, Калинин). Сопровождение Ил-2 в район Будапешта. Группу Ил-2 атаковали четыре пары ФВ-190. Сбили: младший лейтенант Попов — один ФВ-190, младший лейтенант Калинин — один ФВ-190, майор Кравцов — Ме-109 и ФВ-190.

Майор Кравцов с боевого задания не вернулся».

С боевого задания не вернулся... Что это значит? Погиб? Попал в плен? Где-нибудь раненным пробирается к своим? Нет ничего хуже неизвестности. Она всегда мучительна.

Возвращение Цыкина, Попова, Калинина без своего командира — исключительно скромного, честного человека, незаурядного бойца — было для нас ударом.

Два дня мы ничего не знали о судьбе Дмитрия. И только на третий пришло сообщение, что его в крайне

тяжелом состоянии подобрали пехотинцы и отправили в госпиталь.

Жив! Эта новость очень обрадовала нас. Жив, — значит, вернется в полк, полетает еще с нами. А пока что эскадрилью возглавил его заместитель Олег Смирнов.

Вскоре нам стали известны и подробности боя. После того как Дмитрий Кравцов сбил одного «фоккера», обстановка сложилась так, что ему пришлось драться сразу с шестью «мессерами». Одного он сразил, остальные набросились и подбили его.

На счету у Дмитрия Кравцова пятнадцать уничтоженных стервятников. За исключительное мужество, проявленное в воздушных боях, он удостоен звания Героя Советского Союза.

Пять «мессеров» расправились с нашим прекрасным летчиком и товарищем Дмитрием Кравцовым — это еще более ожесточило нас. Петр Якубовский сбил два самолета, Миша Куклин, Юра Бутенко — по одному. 4 января Иваном Филипповым, Анатолием Улитиным, Михаилом Савченко, Алексеем Артемовым уничтожено шесть стервятников. Мы жгли много вражеской боевой техники и на земле.

Гитлеровцы, стремясь достичь своей цели, не останавливались ни перед чем. За пять дней боев ценой огромных потерь им удалось продвинуться на 25—35 километров и занять город Эстергом.

Командование фронта прибегло к экстренным мерам. Одной из них явился массированный налет на передний край противника 244-й бомбардировочной дивизии, которую вел сам командарм — генерал-полковник авиации В. А. Судец. На прикрытие дивизии от каждого истребительного полка была выделена эскадрилья, в том числе и наша. Так мне удалось принять участие в грандиозном налете, который завершился могучим и эффективным бомбовым ударом, дополнившим решительные действия наземных войск. 6 января первый контрудар противника отбит. Но он не успокаивается и через сутки тремя танковыми дивизиями и одной кавалерийской бригадой обрушивается на наши войска и наступает в направлении Замоля.

Снова на земле и в воздухе разгорается битва.

В такой напряженный момент выход из строя любого летчика существенно снижал боеспособность полка. А мы уже лишились одного из лучших комэсков — Дмитрия

Кравцова. 4 января, когда нам удалось сразить четыре фашистских самолета, упавших прямо на окраине Будапешта, чуть было не пострадал и я. Один подбитый мною вражеский самолет задымил, я решил окончательно прикончить его, устремился за ним, а мои хлопцы вдруг забили тревогу:

— Скоморох, «мессер»!

Бросаю взгляд влево-вправо, осматриваю полусферу, в которой находятся Иван Филиппов и Миша Цыкин, — нигде не вижу противника.

«Почудилось хлопцам, наверное», — подумал про себя и продолжаю сближение.

И тут снова:

— Скоморох, сзади «мессер», «мессер» сзади!

Нажимаю кнопку передатчика:

— Ну что вы раскудахтались...

Сам же на всякий случай оглянулся и увидел «мессера» совсем рядом. Он был так близко, занимал такую выгодную позицию, что ему оставалось лишь открыть огонь. Время, время... Как возрастает ему цена в воздушном бою! Здесь любая секунда — это жизнь или смерть. С молниеносной быстротой меняется обстановка, как при ускоренной киносъемке, где каждый кадр — новая ситуация, иная расстановка сил.

Каждый бой — шахматный поединок, редко заканчивающийся вничью. В «матче» этом участвуют разные фигуры — есть среди них короли, ладьи, пешки. И очень важно быстро разобраться, кто есть кто. Такое умение дается нелегко, вырабатывается в огне сражений, приходит вместе с боевым мастерством.

Вражеский летчик, который преследовал меня, далеко не пешка. И его ход точно рассчитан. Следующий ход за мной. Он должен быть единственным и правильным. В моих руках мощная техника, отличное оружие, в моем распоряжении бескрайний воздушный океан. Разворачивайся, твори, ищи самый нужный, самый эффективный маневр. Но не медли. Сейчас может пригодиться каждый метр высоты, каждый километр скорости, любая выигранная даже сотая доля секунды. Кажется, все, висишь на пределе, но сумеешь воспользоваться даже ничтожным преимуществом — и ход конем. Уже ты навязываешь свою волю врагу.

Итак, комбинация разыгрывается. Я чувствую, как моя машина вписывается в перекрестие прицела «мессе-

ра», а в моем прицеле крутится подбитый «мессер». Что делать? Риск?

Как часто нас выручает случай!

Дымящийся впереди «мессер» вдруг начинает уклоняться влево — пытается увернуться от меня: тоже ведь жить хочет. В мгновение ока вписываюсь во внутрь его разворота, даю короткую очередь и скольжением ухожу влево. Выпущенные моим преследователем эрликоны прошли рядом со мною — я не видел их, но почувствовал характерный запах дыма в кабине.

Ход сделан! «Мессер» проскакивает мимо меня, и теперь я хозяин положения. Прицеливаюсь, открываю огонь. И тут вижу, что фашист попадает в «объятия» Филиппова и Цыкина. От них ему не уйти...

После посадки оба подошли ко мне расстроенные, с виноватым видом:

— Понимаешь, командир, мы с шеститысячной высоты увидели этого «мессера», ринулись на него, а в прицел никак не поймаем. А он сближается с тобой. Вот тогда мы и начали бить тревогу.

— Ничего, все закончилось хорошо, а урок есть, — сказал я ребятам. Они очень переволновались из-за меня, и я чувствовал себя неловко...

Половина января позади. Виктор Кирилюк за это время уничтожил одиннадцать вражеских машин, Олег Смирнов довел свой счет до девятнадцати, нескольких летчиков представили к званию Героя Советского Союза. Все это умножило наши силы, придало нам еще больше решительности и самоотверженности.

Мы перебазировались на аэродром Чаквар. Произошло это так быстро, что я даже не успел повидать кузнеца Шандора и попрощаться с ним.

В Чакваре устроились всем летным составом в особняке, хозяин которого бежал с гитлеровцами. Сразу же приступили к боевой работе. Соблюдая маскировку, при любом ветре взлетали на восток, а садились курсом на запад с бреющего полета.

И вот однажды возвращается на аэродром Петр Якубовский и приводит за собой «хвост». Якубовский выпустил шасси и не заметил, что ему грозит опасность. Смотрим — «мессер», не сделав ни единого выстрела, увеличивает обороты, вроде бы собирается уходить. Вот он уже проносится над «лавочкиным». Якубовский увидел его, убрал шасси, бросился вдогонку. «Мессер», уже спа-

саясь, прижался к самой земле. И тут происходит нечто невероятное. Старший техник-лейтенант Петр Трепашкин хватает трехлинейку, прицеливается — и «мессер» на земле. Он совершает пробежку, застывает на месте. Сразу никто не поверил в столь удачный выстрел. Решили, что гитлеровец прилетел сдаваться. Но оказалось, Трепашкину здорово повезло — пуля перебила бензопровод «мессера», и мотор заглох. Вскоре удивительный случай произошел в одном из штурмовых полков нашего корпуса: из горящего самолета выбросился стрелок, а парашют у него не раскрылся. Так и падали они на землю: впереди самолет, а за ним человек. Казалось, гибель неминуема. Но при ударе самолета о землю стрелка спасла взрывная волна. Мне лично довелось встретиться с этим человеком. Прыжок, конечно, даром ему не обошелся, однако чудо-то все-таки произошло!..

Между тем из кабины «мессера» вылез летчик и, увидев бегущих к нему людей, сразу же поднял руки.

Окружили мы его, стали выяснять, кто он. Немец мадьярского происхождения. Спрашиваем:

— Почему не стрелял?

— Ваш пилот был беззащитен. Я не хотел стрелять.

Подумать только — какое рыцарство! Так ли это? Лезем в кабину «мессера», проверяем систему вооружения. Эге, отказал электроспуск.

Вот тебе и фашист-гуманист... Не откажи пушка — несдобровать бы Петру.

Все-таки нельзя ни при каких обстоятельствах забывать золотое правило: осмотрительность нужна от посадки в кабину до выхода из нее.

На память об этом необычном случае Якубовский взял у немца новенький добротный шлемофон.

— Ему он уже не пригодится, отлетался...

Но на этом события не закончились.

Видимо, у сбитого «мессера» был ведомый, которого мы не заметили. Наверное, он и доложил, что в двух-трех километрах от переднего края расположился русский авиационный полк.

Поздним вечером, как только мы улеглись спать, где-то совсем рядом заухали разрывы снарядов. Все ближе, ближе. Скоро могут накрыть особняк. Вот снаряд врезался прямо в угол особняка, из окон повылетали стекла, что-то рухнуло с потолка.

Спокойным голосом Онуфриенко сказал:

— Хватит судьбу испытывать — все в подвал!

К рассвету стрельба утихла. Решили сходить в столовую чайку попить. Вылезли из подвала, пришли в столовую, а там прямым попаданием убита повариха, ранены официантки. Какой уж тут может быть чай...

Измученные тяжелой бессонной ночью, приступаем к полетам. К вечеру начинаем думать, где будем ночевать. Пришли к выводу, что лучше всего устроиться там, где расположились техники, — в небольшом поселке рядом с Чакваром.

На новом месте уснули как убитые, но в три часа ночи нас опять подняла на ноги стрельба.

В наш дом влетел встревоженный начальник штаба подполковник Горнов.

— Немцы наступают!

Я глянул в окно — действительно немцы.

Откуда они взялись? Онуфриенко приказал подготовиться к бою, мы вытащили из кобур пистолеты, ждем, что будет дальше.

Стрельба то затухает, то нарастает. Постепенно вся эта кутерьма улеглась.

Что же произошло?

Заблудилась немецкая маршевая рота и неожиданно столкнулась с нашими обозными, которые огнем ручных пулеметов встретили непрошеных гостей.

Утро тоже не принесло нам спокойствия. Где-то рядом с аэродромом грохотал бой за небольшую высотку, на летном поле то и дело с треском взрывались мины. Пришлось засыпать воронки.

Подполковник Горнов стал уговаривать Онуфриенко сменить аэродром. Один нажим, второй — Онуфриенко сдался, позвонил в штаб дивизии. Ему ответили: нечего дрейфить, надо воевать.

Мы остались на месте. Нас прикрывал специально приданный зенитно-артиллерийский полк. И когда на аэродром пошли танки, орудийные расчеты смело вступили с ними в бой, сумели подбить четыре машины. Мы помогали — взлетали, отсекали от танков пехоту. Общими усилиями сорвали вражескую атаку. Но воздушно-наземную борьбу вели еще несколько суток. Нам, летчикам, было нелегко: из-за многочисленных осколков от мин и снарядов одно за другим лопались колеса шасси при взлетах и посадках. Видя это, капитан Алексей Ка-

пустянский — летчик из эскадрильи Кравцова, лучший друг Василия Калашонка — быстро освоил трофейный самолет, стал на нем доставлять покрышки с основной базы.

Фашисты лютуют все больше и больше. Стали засыпать нас минами и снарядами. Самолеты, стоявшие в капонирах, то и дело выходили из строя, мы тут же восстанавливали их.

Пришлось основательно заняться охраной аэродрома. Мы разбили его на семь секторов, в каждом из них — тоже свои секторы наблюдения и обстрела. Отрыли щели, траншеи, наладили тесное взаимодействие с зенитчиками и пехотинцами.

Но, несмотря на все принятые меры, наступил день, когда нам стало совсем тяжело: аэродром весь в воронках, каждая посадка опасна, многие самолеты вышли из строя, остались без резины.

Тут уж Онуфриенко ничего не оставалось, как обратиться к командарму.

— Не паникуй, Онуфриенко, — был ответ, — не так страшен черт, как его малюют. Мне бы не хотелось менять свое мнение о вас.

Нам оставалось одно — стоять насмерть.

Стали думать, как облегчить наше положение. Надо сделать так, чтобы не мы находились под постоянным огневым воздействием противника, а его самого поставить в наши условия. Но как? С утра до вечера парами, сменяющими друг друга, штурмовать огневые позиции противника. Попробовали — получилось, фашисты приумолкли, расползлись по щелям. Зато они попытались взять реванш ночью — мы общими усилиями еле отбили их атаку. А с рассветом появились «фоккеры» и «мессеры», обрушили на нас удар с воздуха. Кто сумел взлететь — завязал бой с противником.

Под вечер над аэродромом появляется По-2. Вот он смело садится. Кто прилетел к нам в такое жаркое время? Владимир Александрович Судец. Мы давно слышали, что он часто бывает на самом переднем крае, там, где складываются критические ситуации. Фашисты открыли по аэродрому шквальный минометный огонь. Кто-то тут же свалил командарма на землю, и все мы поползли к командному пункту. В укрытии В. А. Судец стал отчитывать Онуфриенко:

— Почему не докладываете, что у вас такая тяжелая обстановка?

— Я вам докладывал, товарищ командующий...

— Что вокруг стреляют и у вас нет покрышек?

Онуфриенко переминался с ноги на ногу, не знал, что сказать.

— Так вот, слушайте, — строго сказал командарм, — самолеты разобрать — опыт у вас есть, — вывезти их на полевой аэродром, там собрать и перелететь в Текель. Вышедшие из строя и требующие основательного ремонта машины сжечь.

В. А. Судец улетел, оставив нас в глубоком раздумье.

До наступления темноты — тридцать минут. Для выполнения приказа времени почти нет.

Онуфриенко собрал командиров эскадрилий и инженеров.

— Что будем делать?

— Товарищ командир, — взял слово Олег Смирнов,— зачем разбирать машины? Летали же до сих пор? Так же можем перелететь и на новое место.

Онуфриенко явно по душе пришлось такое предложение.

— Как, комиссар? — обратился он к замполиту. — Поддержим Смирнова?

— Можно поддержать. Выполнение любого приказа обеспечивает прежде всего полезная инициатива со стороны исполнителей, — ответил подполковник Резников.

— Коль так, — закончил Онуфриенко, — будем взлетать. Только пойдем для начала не в Текель — в темноте его вряд ли найдем, а на наш прежний аэродром. По машинам!

Первая группа во главе с Онуфриенко сумела стартовать засветло, на прощание в последний раз с яростью проштурмовала вражеские позиции и взяла курс на Кишкунлацхазу...

Мне с несколькими летчиками довелось подняться в воздух последними, когда уже совсем стемнело.

Как будем садиться — загадка. Километров за десять до прежнего аэродрома видим фейерверк. Догадались: Онуфриенко приказал ракетами обозначить посадочную полосу, две трети которой было бетонировано, а остальной участок — щебеночный. Гитлеровцы готовили аэродром для реактивных самолетов, да не успели довести дело до конца.

Приземлились с трудом, но благополучно. Стали считать самолеты — одного не хватает. Встревожились: кто

же не прилетел? В темноте трудно установить. На всякий случай, еще выпустили ракеты и, убедившись, что ждать уже бесполезно, решили собраться вместе, выяснить, кого все-таки нет.

Только сошлись — слышим, шагает кто-то по бетонке. Подходит поближе — узнаем Алексея Артемова.

— Ты что, пешком притопал из Чаквара? — спрашивает его обрадованный Онуфриенко.

— Нет. Прилетел, «лавочкин» застрял в щебенке...

Итак, мы снова в Кишкунлацхазе. Я тотчас же вспомнил о знакомом кузнеце, подумал, что надо его обязательно навестить.

Здесь мы уже в ста километрах от фронта. Тишина, спокойствие. Доложили командарму о перебазировании. Он сначала удивился, но тут же обрадовался и всему личному составу полка объявил благодарность.

С рассветом мы с помощью нескольких техников и механиков, перелетевших с нами, приступили к обслуживанию самолетов. Во второй половине дня я четверкой отправился в первый вылет. После выполнения задания прошлись над островом Чепель. На нем находится известный Чепельский завод. Снизились, осмотрели аэродром — ни одного самолета, но уже расположился какой-то батальон, ждет, видимо, полк. Я отправил ведомых домой, а сам решил произвести посадку, чтобы убедиться в пригодности летного поля для боевой работы.

Через тридцать минут вернулся к своим и застал там Онуфриенко, распекающего моих ведомых.

— Как вы могли оставить Скомороха одного? Если с ним что-либо случится — не сносить вам всем головы,— гремел он.

— Товарищ командир, — войдя в комнату, сказал я,— ничего не случилось, ребята выполняли мой приказ. А аэродром Текель — отличный, можно туда перелететь хоть сейчас.

Онуфриенко на секунду растерялся, не зная, как поступить. Потом махнул рукой:

— Ладно, на этот раз всех прощаю. Но повторится подобное — пеняйте на себя.

Меня не покидало желание навестить кузнеца Шандора. Странное дело — перестали доноситься удары молота и перезвон наковальни. Уж не стряслось ли что со стариком? Улучив свободную минуту, я поспешил в кузницу. И ужаснулся тому, что увидел: от взрыва бомбы

кузница обвалилась. Нельзя было ни зайти, ни заглянуть. Где же Шандор? Пошел к ближайшему дому, увидел во дворе женщину, которая, по-видимому, наблюдала за мной.

— Немецкая бомба убила Шандора, нет у нас больше кузнеца, — сказала она.

— А Ласло?

— Живой, живой Ласло...

— Передайте ему привет, — ответил я и, опустив голову, пошел на аэродром. До слез жалко было трудягу-мадьяра. Он погиб на своем рабочем посту. Столько пережить, перенести, дождаться наконец светлых дней и умереть от случайной бомбы!

Было в этом что-то сверхжестокое, несправедливое.

...Остров Чепель — между старым и новым руслом Дуная, под самым Будапештом. Его аэродром — благоустроенный, с добротной бетонированной полосой. На нем базировались немецкие авиационные части.

Мы снова очутились в непосредственной близости к району боевых действий как раз в момент третьего контрудара противника западнее Будапешта.

Количество вылетов нарастало с каждым днем. Дело в том, что немцы попытались проложить воздушный мост к окруженной группировке, чтобы перебрасывать в Будапешт оружие, боеприпасы и продовольствие. «Мост» этот прикрывался большим количеством «мессеров» и «фоккеров». Над столицей Венгрии постоянно завязывались ожесточенные воздушные схватки. Горьков, Калашонок, Кирилюк, Маслов, Цыкин и другие почти каждый день увеличивали свои личные боевые счета. Но не обходилось без жертв и с нашей стороны. Дивизией в эти дни потеряно 24 самолета. Не вернулся с задания и мой ведомый — младший лейтенант Иван Филиппов.

Это была невероятно тяжелая для меня утрата. Тяжелая потому, что я успел всей душой привязаться к Филиппову и до этого не терял ни одного из ведомых — всегда берег их так же, как и они меня.

Что же случилось?

Мы с Филипповым вылетели по приказу Онуфриенко почти в тумане. В воздухе связались с Гришей Онискевичем, находившимся на станции наведения.

Онискевич — командир эскадрильи, Герой Советского

Союза. После тяжелого ранения, как и Митя Кравцов, летать временно не смог, отлично проявил себя на станции наведения — быстро ориентировался в воздушной обстановке, разбирался в тонкостях тактики наших действий, стал для нас надежным помощником.

Он сообщил, что навстречу нам идет большая группа вражеских самолетов. Вскоре и мы увидели ее на одной с нами высоте. Заламываю крутой разворот в сторону солнца, пропускаю гитлеровцев под собой, а затем устремляюсь вдогонку. Ведомый — за мной. Подхожу вплотную к замыкающему строй «юнкерсу», поджигаю правый мотор. Он держится в воздухе. Вхожу в левый разворот, переваливаюсь через крыло и бью по второму мотору.

«Юнкерс» пошел к земле, а меня попытался атаковать «мессер». Но мой верный страж Иван Филиппов был начеку. Длинной очередью он отогнал его.

Фашистская группа полностью расстроилась. Мы не переставали ее атаковать, когда увидели еще девятку Ю-52 под прикрытием не менее двадцати Ме-109. С ходу бросаюсь на первого же «юнкерса». И от снарядов он валится вниз. И тут меня берут в клещи два «мессершмитта». И снова Филиппов выручает — успешно отражая атаку вражеских истребителей, он поджигает один из них.

Что тут сказать? Молодчина! Можно совершенно не волноваться за свой тыл — он прикрыт непробиваемым щитом.

Онискевич с наблюдательного пункта все видит: и как мы крутимся, и что делается чуть в стороне. А там движутся к Будапешту одиннадцать Ю-52 в сопровождении пятнадцати «мессеров». Онискевич нацеливает нас на эту группу.

Снова с ходу бросаемся в атаку. Но гитлеровцы нас встретили дружным залпом. Кое-как увернулись от кинжальных трасс, завязали бой. Проходит пять минут — безрезультатно. «Мессеры» не дают развернуться, мешают нам. Переключаюсь на них, захожу в хвост одной паре, а другая тут же начинает подкрадываться ко мне. Филиппов открывает огонь, но и его атакуют. Я отгоняю от него «мессеров», кричу:

— Филипп, выходи!

Вижу — надо мной еще одна пара фашистов. Надо вывернуться из этого круговорота: у меня снарядов осталось только на самый крайний случай. Еще успеваю увертываться от вражеских трасс.

Настойчиво повторяю:

— Выходи, Филипп, выходи!

А сам прибегаю к хитрости: резко с кренами опускаю нос машины, быстро теряю высоту — пусть противник думает, что я подбит. Вокруг меня — огненные шнуры.

Слышу голос Филиппова, полный злости и ненависти:

— Я им, гадам, сейчас дам!

Ведомый принял все за чистую монету. Эх, как это некстати — он даст волю своему гневу, и его заклюют. В воздушном бою гнев не всегда надежный помощник, иной раз он ослепляет человека, лишает его возможности трезво оценивать обстановку.

У меня в запасе оставалось еще метров пятьсот высоты, когда я увидел, что за Филипповым увязались два «мессершмитта» и вот-вот откроют огонь. Я сейчас же вышел из пикирования, выпустил несколько снарядов. «Мессершмитты» шарахнулись в стороны, но я на фоне земли из-за густой дымки потерял Филиппова. Старательно осматриваюсь — нет ведомого.

— Филипп, где ты? Где?

Молчит.

«Ладно, — думаю,— «мессеров» я от него отогнал, теперь он сам дорогу домой найдет». Разворачиваюсь, иду к Будапешту и снова натыкаюсь на большую группу вражеских самолетов. Врезаюсь в строй, жму гашетку, даю несколько выстрелов, и увы — снарядов нет.

За всю войну это был второй такой случай. Сейчас бы только вот развернуться, но, как говорится, видит око, да зуб неймет.

Делать нечего, приходится уходить домой. А мозг сверлит одна мысль: где Филиппов, где Филиппов?

Неожиданно в наушники врывается голос дежурного аэродромной радиостанции:

— «Лавочкин», «лавочкин» с одной ногой, уходи на второй круг...

Я включаюсь в разговор:

— Это Филипп пришел?

— Да, самолет его, но сам он не отвечает...

— Все-таки пришел. Хорошо, — отвечаю обрадованно. — У меня нет боеприпасов, подготовьте второй самолет, чтобы я смог сразу взлететь,— много «мессеров» в воздухе.

— Мы выслали в ваш район еще одну пару. Вам самолет подготовим.

Ныряю в густую, как молоко, дымку, пронизываю мутно-белесую завесу, выскакиваю прямо на Дунай. И по зеркалу реки — на аэродром. Приземляюсь, спешу увидеть Филиппова.

Но больше увидеть его не довелось.

Он появился над аэродромом с выпущенной всего одной стойкой шасси. Посадку не рассчитал — ушел на второй круг. И ушел навсегда в неизвестность. Мы ждали его возвращения до самого позднего вечера, ждали на второй день, на третий. Мы вели активные поиски — осмотрели всю местность вокруг аэродрома, с помощью водолазов обследовали некоторые участки Дуная. Нашли обломки «лавочкина», установили его номер, но он не совпал с тем, что значился в формуляре истребителя Филиппова. Так до сих пор и не знаем, что же случилось, однако все склоняются к мысли, что младшего лейтенанта Ивана Филипповича Филиппова поглотили дунайские волны. И теперь стоит услышать мне ставшую популярной песню «Дунай, Дунай, а ну, узнай, где чей подарок...», как я тут же начинаю думать о моем верном ведомом, превосходном воздушном бойце, в короткий срок заслужившем два ордена Красного Знамени.

Свалившаяся беда острой болью отозвалась в моем сердце.

В тот день во второй полет я отправился четверкой — с Кирилюком, Горьковым, Гриценюком. Снова были схватки. И на обратном пути приключилась с нами любопытная история. Встретили мы Ю-52, его охраняла пара «мессеров».

— Керим, возьми на себя «пузатого», а я займусь «тощими».— И я ринулся в атаку.

Керим великолепно сделал свое дело: подбил «юнкерса», заставил его сесть на нашей территории недалеко от озера Веленце.

«Мессершмитты», увидев, что охранять им больше некого, на полном газу бросились уходить. Стали мы кружиться над «юнкерсом», наблюдаем, что дальше будет. Смотрим — к нему торопятся наши на машинах, спешат кавалеристы. Экипаж самолета сошел на землю. И вдруг откуда ни возьмись — немецкий легкомоторный «физлер-шторх». Фрицы начали размахивать руками, шлемофонами: приземлись, мол, забери. «Физлер-шторх» начинает снижаться. Я — к нему. Подхожу совсем близко, всматриваюсь в лицо летчика — так это же Леня Капустян-

ский! И как я не подумал о нем раньше?! У нас в полку был трофейный «физлер-шторх». Леня хорошо освоил его, иногда возил на нем людей и различные грузы. Сейчас он, как позже выяснилось, отвозил куда-то полкового врача капитана Владимира Антонюка. Надо же такому случиться! Ведь мы запросто могли его срубить.

Я указал рукой Капустянскому на «юнкерс». Он все понял. Сел, обезоружил онемевших от удивления немцев, передал их подоспевшим кавалеристам.

Потом Леня Капустянский будет часто с юморком рассказывать, как он на трофейном самолете пленил немецких летчиков. А его друг Вася Калашонок — подначивать:

— Чего же ты не говоришь, кто «юнкерс» сбил? Своей славы тебе мало, еще и чужой прихватить хочешь?

...Третий контрудар гитлеровцев. Наша оборона севернее Балатона прорвана. Фашисты снова вышли к Дунаю, устремились вдоль реки к Будапешту, не теряя надежды выручить окруженную группировку.

В те дни сложилась необычная и тяжелая обстановка для некоторых частей нашей воздушной армии. Четыре полка 262-й ночной бомбардировочной дивизии оказались на территории, занятой врагом. Им было приказано любой ценой продержаться до утра, причем не просто продержаться, а еще и помешать врагу переправляться по мостам через канал Шарвиз. И авиаторы блестяще справились с необычной задачей. Экипажи ночью взлетали, сбрасывали над мостами светящиеся бомбы, и враг не мог перебраться через канал, не попав под обстрел.

Ночная бомбардировочная дивизия... Это звучит весомо, но укомплектована-то она была тихоходными По-2. И сейчас нельзя не удивляться мужеству и беззаветной храбрости ее личного состава.

Тогда же прославился мастерством прицельных ударов по мостам старший лейтенант Николай Платонов — командир эскадрильи 672-го штурмового авиационного полка. Мост — точечная цель. Не всякому дано попасть в него с одного захода. Но Платонов никогда не заходил дважды. В марте 1945 года этот замечательный летчик стал Героем Советского Союза.

В эти дни мы узнали о беспримерной стойкости казаков-гвардейцев, вместе с танкистами успешно отразивших натиск врага юго-восточнее озера Веленце. В этот район каждый из нас вылетал с особым чувством — ведь там шли самые напряженные бои, насмерть стояли донские

казаки. Мы беспрерывно находились над позициями казаков, не давая фашистам сбросить ни одной бомбы. Линия фронта проходила почти рядом с аэродромом, на первом же развороте после взлета мы уже имели возможность наносить удары по вражеским позициям, помогая казакам выстоять в этой исключительно тяжелой обстановке. Они по достоинству оценивали наши старания — то и дело присылали нам свои благодарности.

Донские казаки — удивительный народ. У них фанатическая преданность кавалерии. Казак без коня — как птица без крыльев. Уже после войны мне довелось встретиться с командиром 12-й Донской кавалерийской дивизии генералом Григоровичем. Он с упоением рассказывал о своих храбрых конниках.

В районе озера Веленце воевать казакам приходилось больше в пешем строю. Однако мысль, что где-то в тылу их ждут боевые кони, на которых можно лихо промчаться с распахнутой буркой по освобожденному от фашистов городу, воодушевляла их. Атаки в конном строю в минувшей войне были в условиях города редкостью. Но в Венгрии при взятии Секешфехервара не обошлось без кавалерийского налета, и мой добрый друг, бывший ездовой Оки Ивановича Городовикова, подполковник Протопопов зарубил в уличном бою семь фашистов.

Гремят ожесточенные бои, лишая нас сна и отдыха, но тем не менее мы иногда умудряемся выкроить себе часок-другой для разрядки. Устраиваем импровизированные концерты, испытываем имеющиеся в полку трофейные самолеты. Порой без необходимой ответственности и тщательности.

Штурманом дивизии вместо Романова к нам прибыл майор Владимир Середин. Он часто бывал у нас в полку, знал о наших трофейных самолетах. И решил на досуге полетать. Решение его оказалось опрометчивым.

Однажды сидели мы с Онуфриенко в штабной комнате, разговаривали. Вдруг прибежал какой-то солдат, испуганно крикнул:

— Самолет упал!

Бежим на аэродром — там разбитая авиетка, а под ее обломками — Володя Середин. Стали выяснять причину аварии. И она оказалась довольно простой. Не зная хорошо тактико-технических данных незнакомой машины, Середин допустил при сильном боковом ветре ошибку в

ее управлении. И авиетка пошла к земле, а для устранения ошибки не хватило высоты.

Этот горький опыт научил нас многому. Нельзя в авиации действовать ухарски. Опасно садиться на необъезженную лошадь, еще опаснее — в кабину незнакомого самолета.

Твердая дисциплина на земле и в воздухе—лучшая гарантия от всякого рода происшествий.

...Кольцо вокруг Будапешта сжималось. Неминуемая развязка приближалась. Еще ожесточеннее становился враг. Он нес большие потери, но гибли и наши люди.

К нам пришла тяжелая весть о гибели Героя Советского Союза майора Николая Федоровича Краснова. Это известие меня буквально ошеломило. Взять хотя бы эскадрилью охотников. Ведь там под его началом я прошел прекрасную, неповторимую школу воздушного боя и командирского мастерства. А красновский боевой разворот с выходом в обратную сторону? Он вошел в арсенал наших тактических приемов и принес немало побед. Этот боевой разворот зажег в наших сердцах огонек творческого поиска.

И вот Николая Краснова нет.

В это трудно поверить: такой виртуоз, такой мастер — и вдруг не смог увернуться от вражеских трасс...

Нет, не от вражеского снаряда погиб наш славный ас. Он вылетел на задание. И случилось же такое — не убралась одна стойка шасси. Возвращаться на аэродром было не в правилах Краснова. Так с выпущенным колесом и вступил в бой с «мессершмиттами». Сбил одного, второго, а при схватке с третьим почувствовал, что мотор дает перебои — перегрелся. Вскоре он и вовсе остановился. Выход был один — идти на вынужденную. Краснов увидел под собой ровное поле, на котором уже сидел подбитый наш «бостон». При посадке «лавочкин» перевернулся, лег фонарем на землю. Потерявший от удара сознание Николай Федорович завис на ремнях. Его ведомый, вместо того чтобы сесть рядом на «живот», вернулся на аэродром, откуда выслали По-2, но тот заблудился. С «бостона» прибежал охранявший самолет техник, покрутился вокруг перевернутого истребителя, понял, что летчика можно вытащить, лишь разрубив фюзеляж, помчался в ближайшую деревню за топором.

Пока все это длилось, Краснов скончался. О том, что Краснов после посадки оставался еще жив, можно было судить по пальцам рук, сжатым в перчатках в кулаки: мороз донимал, он их грел.

Николая Краснова со всеми почестями похоронили в Одессе на городском кладбище. Там и сейчас стоит обелиск с фотографией Героя.

...А жизнь продолжалась.Дело шло к весне. Начал таять лед на Дунае. Теплее стали относиться к нам и венгры.

В Текеле мы расселились по квартирам местных жителей. Моим хозяином оказался пожилой инженер местного завода. Мы с ним очень быстро нашли общий язык — он неплохо говорил по-русски: был в плену в первую мировую войну.

Вскоре я сдружился со всей его семьей — женой и двумя дочерьми, которые стали учиться русскому языку, чтобы по утрам встречать меня словами «с добрым утром», а вечером желать «спокойной ночи».

Все это было трогательно и волнующе, свидетельствовало о том, что против нашей правды бессильна самая изощренная антисоветская пропаганда.

Особенно круто изменилось отношение к нам венгров, когда западнее Будапешта были обнаружены ямы, заполненные тысячами безвинно расстрелянных их соотечественников. Мне довелось видеть эти ямы — зрелище ужасающее: в них были трупы детей, женщин, стариков... Все это сделали гитлеровцы.

В окруженном Будапеште они по-бандитски грабили жителей, отнимали последний кусок хлеба.

Пришли наши воины — стали делиться с венграми всем, что имели.

Венгры увидели в советском воине своего настоящего освободителя, избавителя от коричневой чумы.

...Завязались бои в самом Будапеште. Перед нами, когда мы подлетали к столице Венгрии, открылась панорама огромного задымленного города, раскинувшего свои кварталы по обеим сторонам Дуная.

Немцы продолжали направлять тяжелогруженые Ю-52 к окруженной группировке до последнего дня ее су-

ществования. Посылали, несмотря на то что немногим удавалось прорваться к Будапешту. Окраины города были усеяны обломками фашистских транспортных самолетов. Помнится, в то время политотделом армии была выпущена листовка с призывом: «Бить врага так, как бьют его майор Кравцов, капитан Якубовский, старший лейтенант Смирнов, лейтенант Кирюлюк!»

В последние дни штурма Будапешта отличились многие летчики нашей дивизии. Фашистские самолеты стали появляться над городом в сплошной облачности. И бывало так, что все мы слышали гул транспортников, а поделать с ними ничего не могли. И вот летчик 116-го полка Павел Долгарев, который потом стал Героем Советского Союза, вместе со своим ведомым Иваном Антоновым приловчились сбивать «юнкерсов» из положения барражирования за облаками. Чтобы сбросить груз, фашистские летчики искали «окна» в небе. И как только показывались в них — встречались с нашими истребителями. В небе венгерской столицы П. Долгарев со своим напарником уничтожил четырнадцать самолетов, из них шесть «мессершмиттов». Что касается летчиков нашего полка, то ими за время самых активных воздушных боев под Будапештом сбито до шестидесяти вражеских машин. Шесть из них сразил Смирнов, семь — Кирилюк, девять — Цыкин...

13 февраля столица Венгрии была освобождена. Советские войска взяли в плен 110 тысяч фашистских солдат и офицеров. В результате успешного завершения Будапештской операции из войны вышла последняя союзница Германии в Европе. Это было событие большого значения.

Будапешт взят. Всем нам не терпится побыстрее побывать в нем, посмотреть, что там осталось после длительных, кровопролитных боев.

Мы уже собрались ехать в город, когда разнеслась весть: к нам прибыла делегация гвардейцев-казаков 5-го Донского кавалерийского корпуса генерала С. И. Горшкова.

Мы очень обрадовались дорогим гостям. Знали об их большом мужестве, исключительной стойкости, давно хотели встретиться.

Возглавлял делегацию полковник Н. И. Привалов. В ее составе был шестидесятипятилетний усатый капитан П. С. Куркин — кавалер четырех Георгиевских крестов и трех орденов Боевого Красного Знамени. Как мы узнали,

с ним вместе воевали его сыновья и зять — тоже офицеры.

У нас состоялся вечер боевого содружества. Содружества, родившегося в самых напряженных боях. Обстановка тогда сложилась для 3-го Украинского фронта угрожающая. Верховный Главнокомандующий разрешил Ф. И. Толбухину отвести войска на правый берег Дуная. Но командующий на это не пошел, понимая, чего может стоить такой маневр. И приказал казакам спешиться, грудью встать на пути остервеневших гитлеровцев.

Нашей 17-й воздушной было поручено обеспечение надежного прикрытия донских казаков. Мы, хорошо представляя себе, как тяжело приходится лихим рубакам, беспрестанно висели над передним краем, обрушивая на врага бомбы и снаряды. Ожесточенно отбивались казаки, показывая чудеса храбрости и героизма. Многие из них навсегда остались на поле боя, но ни один не дрогнул, не отступил. Девизом казаков было «Стоять насмерть!», и они отстояли свой рубеж, сдержали бешеный натиск врага.

И вот теперь они прибыли, чтобы поблагодарить нас за поддержку с воздуха. А мы без конца восхищались нашими гостями — людьми необычайного мужества. Особенно понравился всем капитан Парамон Самсонович Куркин. Он ярко рассказывал о боях, в которых участвовал еще в империалистическую, а затем в гражданскую войну. И шутил:

— Сын и зять — старшие офицеры, а я все капитан... За три войны на три ступени поднялся в звании...

Вспомнив наши совместные бои, попытались заглянуть в будущее. Было ясно: война идет к концу. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов успешно развивают Висло-Одерскую операцию, 2-й и 3-й Белорусские фронты — Восточно-Прусскую, 2-й и 3-й Украинские скоро полностью освободят Венгрию. Грандиозное сражение, развернувшееся на всем пространстве между Дунаем и Балтийским морем, несло фашизму возмездие за страдания и беды, причиненные народам многих стран.

О многом переговорили мы с нашими гостями, сфотографировались на память, расстались с ними как самые дорогие друзья.

И вот мы — в Будапеште. Город сильно разрушен. Но подавляющее большинство разрушений — дело рук гитлеровцев и их приспешников — хортистов, салашистов. Бу-

дапешт испытал и голод и холод, узнал, как рвутся снаряды и бомбы, увидел рукопашные схватки за каждый дом, перенес все жестокости нацистского режима.

Но он выстоял и сохранил свою радостную улыбку, с которой вышли на его улицы жители приветствовать советских воинов-освободителей.

Мы первым делом направились к знаменитому будапештскому парламенту. Он, к сожалению, значительно пострадал. Взглянули на мосты через Дунай: некоторые из них уцелели.

Жители Будапешта не дают нам сделать шага—заводят разговоры, благодарят, пожимают руки. Они могли бы и не делать этого — выражение их счастливых лиц само говорило за себя: кошмар закончился, начинается настоящая жизнь. Мы не могли отказаться от приглашения зайти в дом, посидеть с его жильцами, выпить по чашечке кофе. Нас пригласил средних лет интеллигентный мужчина. На пороге нас встретила миловидная, стройная женщина — оказалось, актриса, солистка Будапештского театра оперы и балета. Мне сразу вспомнилась Одесса; везет на встречи с людьми искусства!

Пока хозяйка готовила стол из своих скудных запасов и наших продуктов, предусмотрительно захваченных шофером, ее муж рассказал, что она училась в итальянском оперном театре Ла Скала. Я впервые слышал об этом театре. Приветливые хозяева этому не удивились, стали наперебой, с увлечением рассказывать о нем.

Мы говорили на тему, далекую от войны, и всем нам было хорошо, уютно, как бывает среди давних друзей. Актриса высказала свою заветную мечту: когда все окончательно уладится, побывать на гастролях в Советском Союзе. Мы с Кирилюком поддержали ее желание, выразили надежду, что оно обязательно сбудется.

Подобные теплые встречи проходили тогда по всему Будапешту. Жители города тянулись к нам, чтобы поближе узнать нас, выразить благодарность за обретенную свободу.

Радостно было узнавать о том, что многие венгерские патриоты, рискуя жизнью, партизанили, немало их сражалось и плечом к плечу с нашими воинами. А спустя некоторое время после войны ряд венгерских граждан, в том числе Лайош и Лайошне Сабо, Янош и Арпал Крейн и другие, будут награждены советскими орденами за спасе-

ние наших летчиков. Хорошо представляя себе обстановку в хортистской Венгрии, я понимаю всю значимость этого подвига.

В одну из наших поездок в Будапешт во время налета гитлеровской авиации мы потеряли Мишу Куклина — чудесного человека, отличного летчика. Случайный осколок сразил его наповал. Тяжелым было наше возвращение на аэродром. Выкопали могилу на Текельском кладбище, опустили Мишу в землю, с которой он столько раз взлетал в небо на своем самолете.

«Где ни побываешь в Венгрии,— скажет потом Янош Кадар,— всюду можно видеть могилы советских воинов. В них покоятся герои, советские солдаты, отдавшие жизнь за свободу нашего народа. Мы свято чтим их память и обещаем, что никогда не зарастет дорога к их могилам».

Эти слова — о Михаиле Куклине, о многих и многих наших товарищах по оружию, сложивших свои головы за освобождение Венгрии.

Венгерский народ свято чтит память о погибших советских воинах. У развилки дорог Вена — Белград высится памятник советским парламентерам, подло убитым фашистами.

А когда ранним утром над венгерской столицей занимается рассвет, первые лучи солнца освещают величественный монумент Свободы на горе Геллерт. У подножия скульптуры женщины с высоко поднятой пальмовой ветвью мира в руке — бронзовый советский солдат. «Освободителям — советским героям от благодарного венгерского народа»— гласит надпись...

Глава XIII

ВЕНСКИЙ ВАЛЬС

Февраль 1945 года ознаменовался исключительно важным событием — Ялтинской конференцией глав трех великих союзных держав: СССР, США, Англии.

Любопытной была обстановка, в которой проходила конференция: союзников постигла серьезная неудача в Арденнах, и советское командование, чтобы выручить их, раньше намеченного срока развернуло широкое наступле-

ние по всему фронту. Наши войска стали уверенно продвигаться к столице фашистской Германии — Берлину.

Во время ожесточенных боев за освобождение Будапешта мы не переставали пристально следить за ходом конференции, читали и перечитывали все газетные сообщения о ней, внимательно слушали беседы политработников, пропагандистов и агитаторов. Нам крайне важно было знать, что говорили по тому или иному вопросу Сталин, Рузвельт и Черчилль. Все понимали: каждое их слово, зафиксированное в решениях конференции, касается судьбы послевоенного мира. И мы с глубоким удовлетворением узнали о том, что ставка гитлеровской верхушки на раскол в лагере союзников потерпела полный провал: три великие державы начертали развернутую программу действий по устройству мира после окончательного разгрома фашистской Германии.

Работа и итоги конференции во многом предопределили решения, которые будут потом приняты в Потсдаме.

17 февраля 2-му и 3-му Украинским фронтам Верховное Главнокомандование поставило задачу: перегруппировать силы и развернуть дальнейшее наступление на запад с целью полного освобождения Венгрии, а затем — Австрии.

Вена... У каждого человека представление о ней связано с музыкой. Никто, пожалуй, не может назвать другого в прошлом столь же музыкального города. И потому многие из нас принялись напевать давно знакомую мелодию венского вальса.

Однако оказалось, что на лирический лад настраиваться еще рановато: пришлось десять дней вести ожесточенные оборонительные бои.

Нас то и дело посылали на разведку. Крупная группировка гитлеровских войск сосредоточивалась на сравнительно небольшом пространстве между озерами Балатон и Веленце. Что же собирается делать противник — обороняться? Или он нанесет еще один ответный удар?

Ясно одно: фашисты любой ценой постараются закрыть нам дорогу в Австрию и Германию, где сконцентрирована военная промышленность. Им крайне необходимо сохранить в своих руках и западные нефтеносные районы Венгрии — теперь уже единственный источник жидкого топлива для вермахта. После войны нам станут известны и другие причины упорного сопротивления гитлеровцев на нашем фронте: если бы им удалось закрепиться на Дунае,

они перебросили бы часть войск под Берлин, затянули войну, добивались бы сепаратного мира с западными державами. Вот что скрывалось за концентрацией немецких войск в межозерье.

Погода между тем становилась все хуже и хуже. Но, несмотря на это, мы отдельными экипажами вылетали не только на разведку, но и на штурмовку. Одновременно вели активную подготовку к предстоящим боям: накапливали боеприпасы, горючее, ремонтировали поврежденные самолеты, изучали район будущих действий, отрабатывали тактические приемы.

В эскадрилье мы тщательно проанализировали ход боев за Будапешт, отметили удачные моменты, разобрались в промахах. Как известно, на ошибках учатся — об этом мы не забывали и на фронте. Тут нам особенно помогало обостренное чувство партийности. «Главная черта коммуниста, — неоднократно напоминал Онуфриенко, — самокритичность». Он сам подавал нам в этом пример.

Разговор о поведении коммунистов в боевой обстановке постоянно велся на партийных собраниях эскадрильи. И не было случая, чтобы кто-нибудь обиделся на резкую критику; все знали, что в бою мы жизнь отдадим друг за друга. Это было настоящее боевое летное братство, с которым несовместимы малейшая фальшь, неискренность, непорядочность.

Основательно, всесторонне готовились мы к новым схваткам с фашистами.

23 февраля 1945 года.

В полку митинг. Командир зачитывает праздничный приказ Верховного Главнокомандующего, затем выступает замполит, за ним — летчики. Дают слово мне. Многое хочется сказать о товарищах. Однако коротким было мое выступление: когда выступаешь — волнуешься больше, чем в бою, с трудом подбираешь нужные слова. От имени всей эскадрильи я заверил командование полка, что будем сражаться не на жизнь, а на смерть, до полного уничтожения врага.

Митинг окончен. Все разошлись. И вдруг на всю стоянку гремит голос Онуфриенко:

— Где Скоморохов и Кирилюк? Ко мне их, качать их!!!

— Что случилось? Что?

Торопимся с Кирилюком к Онуфриенко. Он заключает нас в объятия, целует и взволнованно, громко, чтобы слышали все собравшиеся, говорит:

— Товарищи, Скоморох и Керим — Герои Советского Союза!

Не успели мы с Виктором опомниться, как очутились в воздухе. Нас так долго и рьяно качали, что я невольно подумал: жаль, что не могу вырваться и закрыться фонарем в кабине самолета, как это сделал в свое время Лев Шиманчик.

Герой Советского Союза!

Когда весь мир облетели имена первых Героев Советского Союза М. Водопьянова, И. Доронина, Н. Каманина, С. Леваневского, А. Ляпидевского, В. Молокова и М. Слепнева, эти люди рисовались в моем воображении исключительными.

Потом судьба свела меня с замечательными людьми — Героями Советского Союза Н. Ф. Балановым, Григорием Онуфриенко и Николаем Красновым. Крыло в крыло ходил я с ними на врага, но даже в мыслях не смел сравнивать себя с ними, потому что считал их людьми самого безграничного мужества.

И вот я тоже вливаюсь в когорту тех, кого Советская Родина удостоила высшей воинской награды.

Верилось и не верилось в это.

Мы с Кирилюком ходили именинниками, хмельные от большого счастья, то и дело принимали поздравления друзей, с наших лиц не сходила улыбка. Никогда раньше не приходилось мне испытывать ничего подобного: на душе легко, сердце поет, за спиной словно выросли крылья.

К вечеру у входа в столовую была вывешена пахнущая свежей краской картина: Якубовский, Кирилюк и я в доспехах древнерусских воинов, на могучих конях. Три богатыря! Картину нарисовал кто-то из солдат по просьбе заместителя начальника штаба полка майора Валентина Павлова. Она не блистала художественными достоинствами, но всем нам была очень дорога.

...После праздника выпало несколько сравнительно спокойных дней, и мы имели возможность как следует подготовиться к предстоящим боям.

5 марта — как раз выдалась отвратительная погода — меня вызвали на КП полка.

— Скоморох, важное задание — пойдешь на разведку в район Секешфехервара, — говорит Онуфриенко. — Это личное распоряжение генерала Толстикова...

Вылетаем в паре с Кирилюком. Облака прижимают нас к самой земле. Моросит дождь. Попадаем в туман.

— Если случайно оторвешься — иди домой, меня не ищи, — предупреждаю по радио Виктора.

Но он цепкий, идет рядышком.

Долгое время ничего обнаружить не удается.

И вдруг ударили зенитки. Откуда? Снизившись, присматриваемся — ого-го! — немецкие танки! И в таком количестве, как на Курской дуге. Сначала глазам своим не поверили. Еще заход — действительно, все дороги, ведущие к линии фронта, забиты танками и бронемашинами.

Скорей назад, скорей! Торопимся домой, докладываем. Нам не верят, снова посылают на разведку. Мы снова в воздухе. Картина та же. На этот раз наши сведения передаются в вышестоящий штаб.

А на следующий день все вокруг вздыбилось, загрохотало — гитлеровцы ринулись в контрнаступление, нанося главный удар в районе озер Веленце и Балатон.

Прорвав первую полосу нашей обороны сильными бронированными кулаками, они устремились к Дунаю. Началась последняя в минувшей войне оборонительная операция советских войск, получившая название Балатонской.

Чтобы сдержать натиск врага, командующий фронтом бросил в бой все имевшиеся в его распоряжении силы, даже дивизию тихоходных ночных бомбардировщиков По-2. Нам, летчикам, приходилось сражаться круглые сутки.

В это время к войскам обратился с призывом Военный совет фронта: «...Бешеным атакам гитлеровцев противопоставим нашу несгибаемую стойкость и упорство в бою, измотаем, обескровим врага, а затем разгромим его всесокрушающим ударом... Родина ждет от нас победы!»

Сражения приобретали все более ожесточенный характер. В эти дни и на мою долю выпало испытание, от которого на висках появилась седина.

Вылетели мы шестеркой — Калашонок, Маслов, Горьков, Кирилюк, Кисляков и я — на прикрытие войск.

Над передним краем увидели «мессершмиттов».

Я обычно не спешил ввязываться в бой с первой группой. Мы с ведомым, как правило, находились вверху, оберегая наши атакующие пары от всяких неожиданностей.

А тут не удержался и сразу пошел в атаку, приказав паре Кирилюка находиться вверху.

Началась схватка. Одного «мессера» я уже взял было на прицел, вот-вот сражу его. Он скользнул вниз. Я за ним. Выходя из пикирования, снова начинаю накладывать на него перекрестие прицела. И тут чувствую удар, скорее резкий толчок, от которого машина сама по себе рванулась вверх. Обуздать ее никак не удается. Она упрямо лезет ввысь, теряя скорость, а затем клюет носом и камнем летит к земле. Стараюсь справиться с непокорным самолетом. Но все мои усилия ни к чему не приводят. Земля приближается с невероятной быстротой. Что делать? Прыгать!

— Керим, я покидаю самолет, бери управление боем на себя...

И тут на какое-то мгновение в эфире воцарилась тишина. Видно, товарищи не поняли, что со мной случилось. Ведь мне еще ни разу не приходилось пользоваться парашютом. Даже когда зениткой была разворочена плоскость, отбито одно колесо, я все же сумел благополучно приземлиться.

Когда все увидели, что мой «лавочкин» действительно неуправляем, посыпались всевозможные советы. Только мне было не до них, я уже начал отстегивать привязные ремни. И вдруг слышу крайне встревоженный голос:

— Скоморох, Скоморох, внизу немцы, немцы внизу!

Это подполковник Александр Самохин — заместитель командира штурмовой дивизии. Хотя он часто бывал на НП, мы никогда с ним не встречались, но почти каждый день переговаривались по радио и прониклись друг к другу уважением.

Меня будто током ударило. Попасть в плен?! Нет, только не это!

— Скоморох, внизу немцы, ты слышишь меня? — спрашивает Самохин.

— Вас слышу, все понял, — ответил я, а про себя подумал: «Спасибо, друг!»

В считанные секунды промелькнула вся моя недолгая жизнь... Мысленно представил встречу с фашистами...

А земля все ближе, ближе... Конец?! Из последних сил борюсь с неповинующейся машиной.

Внезапно замечаю, что самолет уменьшает угол пикирования. Ручку — на себя. Сектор газа — вперед. Обороты — максимальные. Истребитель начинает переходить в горизонт. Ура! Еще не все потеряно.

— Ребята, прикройте, еще есть шанс! — передаю по радио.

Когда самолет снова стал набирать высоту, я убрал газ, ручку управления подал вперед. В какой-то точке, потеряв скорость, самолет снова переходит в пикирование. Повторяется все сначала, но уже с меньшей, более пологой амплитудой. Отлично! Правду говорят, что безвыходных положений не бывает.

Приноровился управлять машиной — амплитуда становится все более пологой. В окружении боевых друзей держу курс домой.

Самохин предупреждает ребят:

— «Мессерами» не увлекайтесь, надежно прикрывайте ведущего!

А внизу Дунай. Вот он уже остается позади. Тут наши войска. Можно бы и покинуть самолет, да жалко. Он меня не подвел, считай, выручил из беды. Как же я его брошу? Нет, этому не бывать. «Ковыляю» дальше. Вот и аэродром. Выпускаю шасси.

Снижаюсь до двухсот метров. Машинально, по привычке, выпустил щитки — «лавочкин» сразу как бы вспух. Я похолодел. Но тут же взял себя в руки, добавил газку. На большой скорости прохожу над летным полем, потихоньку уменьшаю обороты, проскакиваю почти весь аэродром, шлепаюсь на краю бетонки, вкатываюсь прямо в кювет, становлюсь «на попа». Машина стоит на лопастях и коке, не качается. Что же делать? Вылезти не решаюсь — «лавочкин» непременно завалится, может произойти беда. Нет, буду ждать.

Казалось, прошла вечность. Наконец прибежал техник, приехала полуторка. В кузов, выложенный матрацами, осторожно опустили хвост самолета.

На аэродроме я вылез из кабины и долго не мог прийти в себя — не верилось, что остался жив и невредим.

Что же случилось? Оказалось, зенитный снаряд попал прямо в хвостовое оперение, отбил левую часть руля глубины, повредил правую. Я летел, как поется в американской песенке, «на честном слове и на одном крыле».

Техники и механики быстро отремонтировали мой самолет. Я поднялся в воздух, проверил — хорош. Неужели это из-за его непослушания я чуть не попал в руки врага? Спасибо Самохину — вовремя подсказал, что внизу вражеские позиции. После войны я встречусь с ним в нашем полку и выражу сердечную признательность за товарищескую помощь.

А пока бои продолжаются. С Горьковым, Кисляковым, Цыкиным отправляемся сопровождать группу штурмовиков во главе с Героем Советского Союза старшим лейтенантом К. Прохоровым. Звание Героя было присвоено ему и мне одним указом, и это как-то сблизило нас.

Задание выполнено, штурмовики хорошо поработали. Идем назад, пересекаем Дунай, скоро и аэродром.

Слышу голос Прохорова:

— Скоморох, благодарю за прикрытие, мы уже дома; до новой встречи в воздухе!

— Рады служить славным боевым труженикам.

Я осматриваю четкий строй «илов» — идут красиво, крыло в крыло. Никто им не угрожает, можно и уходить. Но что-то удерживает меня, хочется еще немного пройти рядом с «горбатыми», перекинуться словцом-другим с Прохоровым — славным, веселым парнем.

Только начали переговариваться, вдруг слышу: «Мессеры», «мессеры»!

Осматриваюсь — «мессершмитты» подкрадываются к штурмовикам снизу. А мы сверху, километрах в трех. Ближе всех к противнику — Цыкин.

— «Горбатые», убирайте шасси. Цыкин, атакуй! — передаю по радио и тоже спешу наперерез вражеским истребителям. Издалека открываю навесной заградительный огонь — не действует, немец идет прямо к «илам». Я подхожу поближе, снова даю очередь — «мессершмитт» уходит. Цыкин сорвал атаку второго. Подоспел Горьков. Враг стал уходить. Мы устремились в погоню. Зло нас взяло: обнаглели фашисты, прямо над аэродромом нападают, надо их проучить.

За Дунаем настигаю «мессершмитта», сваливаю его одной очередью. За вторым идет Цыкин, да что-то торопится.

— Миша, спокойнее, прикрою, помогу!

Слова эти ободрили Цыкина, придали ему уверенности.

Я тут же услышал:

— Ну, держись, покажу тебе!

Миша Цыкин по всем правилам провел атаку, от выпущенной им трассы «мессершмитт» клюнул носом и взорвался.

Мне вспомнились слова Героя Советского Союза полковника Н. Ф. Баланова, сказанные нам, молодым летчикам, в Адлере:

— Ведомый не только прикрывает, но и атакует, когда нужно.

Сейчас это вошло в нашу повседневную практику.

Да, сложная штука воздушный бой. Трудно предусмотреть все его перипетии, нюансы. Но нужно. Для этого требуется незаурядное мастерство, отработанная точность действий, пунктуальная исполнительность и одновременно высокая бдительность, боевая активность и безграничная храбрость. Воздушный бой только непосвященному может показаться стихийным, неуправляемым. Он развивается согласно своим внутренним законам, познав которые ты становишься хозяином положения, а если ты еще и командир — настоящим организатором боя. Умение понимать обстановку, мгновенно оценивать ее, быстро принимать решения, проявлять тактическую гибкость, находчивость, не теряться при неожиданных осложнениях, находить правильный выход из них — вот что определяет мастерство воздушного бойца. Горе тому, кто в каждом отдельном случае станет пользоваться заученным когда-то приемом. Настоящее боевое искусство проявляется тогда, когда, зная сто способов борьбы, ты применяешь свой собственный, сто первый.

Командир организует бой, стремясь с максимальной эффективностью использовать имеющиеся в его распоряжении силы и средства. Свой личный пример, опыт, знания и мастерство он направляет на достижение главной цели — уничтожение врага.

В воздухе он один в ответе за свои решения. Они должны быть продуманны, целесообразны, обоснованны, чтобы у подчиненных не возникало ни малейшего сомнения в их разумности!

К сожалению, в первое время к искусству организации и ведения воздушного боя не все командиры относились с должным вниманием, и молодые летчики нередко обретали мастерство ценой ошибок и неудач, отчего терялось многое.

...На аэродроме я поздравил Мишу Цыкина с очередной, четырнадцатой по счету победой. Мне тогда и в голову не могло прийти, что это наш последний совместный воздушный бой.

Миша вновь отправился на задание. Встретил «мессершмиттов», вступил с ними в схватку. Потом переключился на подошедших «фоккеров», одного из них сбил.

Но и в его кабине разорвался снаряд.

Раненный в живот, Миша продолжал отбиваться от «мессершмиттов». На помощь ему выслали группу истребителей.

Мой самолет как раз заправили горючим. Я занял место в кабине, включил радио. Слышу голос Цыкина:

— Ранен вторично, выхожу из боя.

Быстро взлетаем, идем в район боя, а Миша уже заходит на посадку.

Не встретив в воздухе ни единого фашиста, возвращаемся. Спешу узнать, что с Мишей. Его уже увозит санитарная машина. В сторонке стоит подбитый самолет. Бросаюсь к нему, заглядываю в кабину — она вся в крови.

Отправили Мишу во фронтовой госпиталь. Состояние у него крайне тяжелое. Мы — к начальнику госпиталя, просим, чтобы Мишу быстрее оперировали.

В тревоге ждем часа три. Наконец к нам вышел хирург.

— Слишком много в нем осколков, — сказал он. — Уезжайте, дело долгое и сложное.

Мы вернулись в полк, охваченные тревогой: Миша на грани смерти. К счастью, его крепкий организм победил. Цыкин вернулся к нам весной, попробовал летать на истребителе, но на высоте свыше семи тысяч почувствовал острые боли в животе — что-то там не так срослось. Вскоре его перевели в транспортную авиацию.

В марте все летчики пересели на Ла-7. Это сразу резко повысило боеспособность эскадрильи, полка: двигатель нового «лавочкина» более мощный, обзор лучше.

Очень часто меняем аэродромы. Это объясняется тем, что, остановив и обескровив гитлеровскую группировку у Балатона, войска 3-го Украинского фронта 16 марта перешли в решительное и успешное наступление, очищая венгерскую землю от захватчиков. Главный удар наносился в направлении Варпалота — Веспрем.

В эти дни снова отличились штурмовики во главе с Героем Советского Союза капитаном Г. Сивковым и молодым, но уже прославившимся летчиком старшим лейтенантом Н. Шмелевым.

Командир звена штурмовиков коммунист лейтенант Петр Иванович Орлов повторил подвиг Николая Гастелло. Его самолет подбили зенитки, но он продолжал вести бой. В машину попал еще один снаряд, она загорелась. Орлов мог дотянуть к своим, в крайнем случае — покинуть самолет. Но все видели, как он решительно перевел бронированный «ил» в пикирование и врезался в скопление вражеских эшелонов на железнодорожной станции Чаковец. Когда наши войска ее освободили, увидели десять сгоревших эшелонов с танками и артиллерией. Такой ценой заплатили фашисты за героическую смерть нашего товарища. П. И. Орлову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

И вот 4 апреля 1945 года последний гитлеровец вышвырнут за пределы Венгрии. Над страной Лайоша Кошута и Шандора Петефи взвилось знамя свободы. Позднее в ознаменование этого исторического события правительством Венгерской Народной Республики день 4 апреля был объявлен национальным праздником. В указе говорилось: «...4 апреля — праздник вечной благодарности, горячей любви, дружеской и союзнической верности венгерского народа своему освободителю, защитнику независимости Венгрии, главному стражу и могучей опоре — Советскому Союзу, доблестной Советской Армии».

...Последнюю ставку нацисты делали на свои оборонительные рубежи вдоль восточных границ Австрии. Но тщетными оказались их надежды. Советские танкисты решительным натиском преодолели сопротивление фашистов и уже 5 апреля вышли к окраинам Вены. Здесь снова завязались ожесточенные бои.

К этому времени мы перебазировались на аэродром вблизи города Шапрона, расположенного у самой границы с Австрией, возле озера с таким же названием, большая часть которого — австрийская, меньшая — венгерская. Сам город — древний, со своеобразной архитектурой, с узкими улочками, сумрачными замками, от которых так и веяло средневековьем.

Итак, перед нами лежала Австрия — еще одна оккупированная гитлеровцами страна.

Мы тогда еще не знали, что здесь будет обнаружен

гитлеровский лагерь смерти — Маутхаузен, где истреблены тысячи ни в чем не повинных людей. Здесь погибли генерал-лейтенант Дмитрий Карбышев, командир 306-й штурмовой авиационной дивизии полковник А. Ф. Исупов.

Перед первым полетом над территорией новой для нас страны мы, по обыкновению, припомнили ее историю. В 1938 году фашистская Германия беспрепятственно оккупировала Австрию. И вот теперь советский воин пришел сюда, чтобы навсегда избавить трудолюбивый, жизнерадостный австрийский народ от нацистской чумы.

Итак, под крылом — Австрия. Сначала равнинная, слегка всхолмленная местность, там и сям мелькают небольшие хуторки. Чем ближе к Альпам, тем все более волнист рельеф. Справа — Дунай. Слева — знаменитые Австрийские Альпы. Я вижу их заснеженные, сверкающие под лучами весеннего солнца вершины, и мое сердце начинает учащенно биться. Мог ли я подумать, летая над седым Кавказом, что боевая дорога летчика-истребителя приведет меня к другим горам — Австрийским! Теперь доведется летать над теми самыми суровыми перевалами, ущельями, пропастями, которые в свое время мужественно преодолевали отважные суворовские войска.

Альпы!

Увертываясь от разрывов зенитных снарядов, идем к столице Австрии — Вене.

Она проплывает внизу, серая, в мрачных развалинах. А ведь мы не бомбили Вену. Это поработала американская авиация.

Вена широко раскинулась на правом берегу Дуная. Снизились, рассмотрели ее получше.

В хорошем настроении вернулись мы из того первого разведывательного полета. А вот на земле оно испортилось. Летчики-штурмовики, с которыми я очень дружил, встретили меня с холодком.

— Что случилось? — спрашиваю у Олега Смирнова.

Он протягивает мне свежий номер газеты «Защитник Отечества».

— Почитай статью «Дело нашей чести» — все поймешь.

Недоумевая, беру в руки газету. Вижу: статья написана капитаном Юрием Казьминым, моим другом, которого я уважал как оперативного корреспондента. Пробегаю статью глазами.

В ней рассказывается об одном вылете штурмовиков

под прикрытием возглавляемых мной истребителей. После выполнения задания, написал автор, командир попросил меня оценить действия штурмовиков.

— Бомбили не метко, — будто бы ответил я.

Далее в статье было написано, что в моем голосе звучала горечь и я справедливо критиковал товарищей по оружию.

Заканчивался материал такими словами: «Мы прошли много, теперь недалеко до Берлина, близка победа. Но она не придет сама собой. Дело нашей чести — метким огнем и точным бомбовым залпом беспощадно истреблять немецких бандитов».

Статья как статья. Появление ее в газете было вызвано тем, что в период Будапештской операции командарм потребовал от нас повысить эффективность ударов, поменьше расходовать боеприпасов впустую.

Однако эта статья поставила меня в неудобное положение перед штурмовиками, мастерство которых я высоко ценил. Видимо, все сведения Казьмин взял из третьих рук, чьи-то мысли перепутал с моими и приписал мне слова, которые я не мог сказать.

После этого случая Юра Казьмин долго не появлялся в полку. Очевидно, он чувствовал неловкость перед нами за допущенную ошибку.

Но у меня довольно быстро прошла обида. Я простил его, когда понял, какое это тонкое дело — газетная работа.

Говорят, газета живет один день. Это не совсем так. Участники войны хранят как самые дорогие реликвии вырезки из фронтовых и армейских газет. Много их и у меня. В том числе и статья Юрия Казьмина. Теперь я ее перечитываю с улыбкой.

А вообще труд военных журналистов в боевой обстановке заслуживает самой высокой оценки. Они всегда были там, где всего опаснее и напряженнее. Благодаря им все мы быстро узнавали о героях и совершенных ими подвигах. Яркие, броские материалы об отличившихся в боях, об умелом обслуживании техники читались в подразделениях с большим интересом, использовались в политинформациях, беседах.

Мы особенно приветствовали каждый приезд к нам фотокорреспондента Николая Гаврилова. Ему было около сорока, но его подвижности можно было только зави-

довать. Любили его за то, что он, снимая людей для газеты, обязательно высылал им по нескольку фотографий на память. Где находил он для этого время и средства — неизвестно, но сейчас многие из нас, листая фронтовые альбомы, испытывают к нему искреннюю благодарность.

...4 апреля мы с Николаем Козловым провели над Веной первый воздушный бой, в котором мне не довелось сделать ни единого выстрела — отказало оружие. Козлов сбил одного «мессера». А я только пугал фашистов, имитируя атаки.

Почему же не сработали пушки? На обратном пути разобрался, в чем дело.

Кое-какое оборудование в кабине Ла-7 расположено иначе, чем в Ла-5. Это и сбило меня с толку.

Через три дня перебрались на первый наш аэродром на территории Австрии — в 25—30 километрах от Бадена. И сразу же начали искать помещение, в котором могли бы разместиться всем полком.

Нашли бывший женский монастырь. Расселились в его кельях по два-три человека.

Вечером собрались на «трапезу». Кто-то нашел в подвале несколько бутылок хорошего вина, — видно, монашки скрашивали им свое одиночество.

За ужином Капустянский и Кирилюк стали подначивать друг друга.

— Не пей вина, Леня, а то привидение увидишь.

— И ты, Витя, остерегись, а то еще, чего доброго, живую монашку узришь.

Шутки шутками, а ночью в монастыре начало твориться что-то необычное: то послышатся чьи-то легкие шаги, то что-то загремит; а потом прибежал солдат и закричал:

— Тревога! Во дворе какие-то привидения! Тревога!

Мы чуть не лопнули от смеха. Но тревога есть тревога. Выскочили во двор — нигде никого нет, тишина. Только улеглись — снова какие-то скрипы, кто-то ходит...

Ночь прошла беспокойно и тревожно.

Чуть свет взяли фонари, начали заглядывать во все уголки монастыря, забрались на чердак. Он забит шкафами, церковной утварью, а в самом конце — черные шторы. И между ними виден огонек. Потихоньку подходим, раздвигаем шторы — там молодые монахини. Кое-как они объяснили, что отказались уйти вместе с гитлеровцами.

Вот тебе и привидения! Оказывается, днем монахини тихо отсиживались, а ночью решили взять спрятанные продукты. Они хорошо знали все многочисленные ходы и выходы.

...Внизу зеленеет земля. Наши «илы» отработали, поворачиваем с Горьковым обратно и тут встречаем еще одну группу штурмовиков — одиннадцать самолетов под прикрытием Калашонка, Козлова, Маслова.

«Илы» возглавляет «Лев-3» — командир эскадрильи 672-го штурмового полка Георгий Ковалев.

Посмотрел я на «горбатых» и «лавочкиных» — туговато им будет, если подойдут немцы. Решаю вернуться. Крутой разворот на сто восемьдесят градусов — и мы вместе с боевыми друзьями. Пятерка — не тройка, в чем мы убедились через несколько минут.

Горьков первым заметил несущиеся на максимальной скорости пять групп ФВ-190.

— Калаш, атакуем всей группой, — говорю я, и мы идем на «фоккеров». Одного из них мне удалось сразить с ходу короткой прицельной очередью. Проскочив вниз, резко меняю траекторию полета — на девяносто градусов вверх — и бью по «брюху» второго «фоккера». Он тоже горит. Первая восьмерка рассыпалась. Второй занят Калашонок. Мы с Горьковым переключились на следующую. А в это время один из «фоккеров» стал поливать меня огнем. Горьков меткой очередью сражает его. «Фоккеры» продолжают бой. Откуда такое упорство? Ага, ясно — ждали «мессершмиттов», вот те уже появились. Нам с Горьковым становится туго. Однако продолжаем атаковать, сбиваем еще по одному самолету.

Вдруг слышу голос Калашонка:

— «Фоккеры» атакуют «горбатых»!

— Горкин, за мной! — передаю ведомому, и мы спешим выручать наших штурмовиков.

Потеряв восемь самолетов, фашисты вынуждены выйти из боя. Правда, одного «горбатого» они подбили, но ему удалось дотянуть до аэродрома, произвести посадку. Проводив «илы» домой, мы приземлились в Бад-Веслау.

Так прошел воздушный бой над Австрийскими Альпами. Как не похож он на тот, над горами Кавказа, который был моим боевым крещением! Там против нашей шестерки была одна «рама». Здесь пятерка дралась против тридцати «фоккеров» и четырех «мессершмиттов». Тогда мы с трудом сбили свою единственную цель. Сейчас вогнали

в землю восемь стервятников. В первом бою я смог выпустить лишь одну пробную очередь. В этом — уничтожил три вражеских самолета.

Первый адлерский бой... Я тогда неотступно шел за ведущим и больше всего на свете боялся его потерять. Ни о чем другом не думал, ничего вокруг не видел. Не могло быть и речи о том, чтобы оценивать обстановку и анализировать ее. Но все же адлерский воздушный бой, длившийся всего восемь минут, многому научил. С него-то и начался счет боевым вылетам, которых к концу войны было более шестисот, с сорока шестью личными победами и восемью — в группе.

Хозяин неба! Это как награда за все пережитое и выстраданное.

13 апреля штурмом взята Вена. Война явно подходит к концу. Поступают сообщения об успешном развитии Берлинской операции войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

С нами рядом базировался мой бывший 164-й полк. И, конечно, радость по поводу взятия Вены мы разделили с его летчиками, техниками, механиками. Всеобщий любимец Ваня Калишенко тут же растянул мехи своей гармони, и полилась над летным полем волшебная мелодия венского вальса. Начались танцы, которым очень обрадовались наши девчонки — в последнее время мы не баловали их веселыми вечерами, не до этого было.

В полку митинг. Зачитан приказ о поощрении отличившихся в боях за Вену и благодарственные письма, отправляемые на Родину командованием. Послано такое письмо и моим родителям на Волгу. В нем сообщалось, что меня представили к званию дважды Героя Советского Союза. «Как будут счастливы отец и мать!» — подумал я. Давно не видел их, соскучился, истосковался по ним и по Маше. Одно утешало — скоро войне конец.

Благодарственное письмо, отпечатанное на машинке, за подписью Онуфриенко, Якубовского, Резникова, Прожеева я и сейчас бережно храню. Это последний дорогой для меня документ, подписанный Григорием Денисовичем Онуфриенко.

Случилось то, чего никто не ожидал...

Кравцов, Якубовский и я обратились к Онуфриенко с просьбой разрешить нам съездить в Вену. День был пасмурный, но теплый, вылетов, кроме как на разведку, не намечалось. Командир полка сказал:

— Хорошо, вы это заслужили. Поеду и я с вами.

На трофейном «хорьхе» за двадцать минут добрались до Вены. Прокатились по ее улицам, прошлись пешком. Город еще дымился, было много руин. Затем побывали в нашей комендатуре.

На этом осмотр Вены закончился. Мы затратили на него всего три часа. Но в полку ждал нас разгневанный командир дивизии подполковник Ф. С. Шатилин. Он сразу наговорил Онуфриенко немало обидных слов и в нашем присутствии объявил, что за самовольное оставление полка отстраняет его от командования.

Мы не поверили своим ушам. Думали, что комдив, отойдя, откажется от столь скоропалительного решения. Однако вскоре Онуфриенко оставил полк.

Тяжким было прощание с Онуфриенко. А для меня — особенно. Расставаясь, мы крепко обнялись и расцеловались.

— Держись, Скоморох, война кончается, но впереди у нас еще много дел, — сказал он, и я вновь подивился его оптимизму и крепости духа.

— Прощай, отец Онуфрий, спасибо тебе за все... за все...

После ухода Онуфриенко полк как будто осиротел. Кто мог заменить нам «отца Онуфрия», с которым мы прошли самые трудные версты войны?

...Враг появляется в небе редко и только большими группами. Мы добились разрешения на свободную охоту — искать и бить противника в тылу, на его аэродромах. И вот с Горьковым отправились в такой полет. По пути заметили вражеский аэродром. Один самолет подожгли на стоянке, второй — на разбеге. Пошли на другой аэродром. Применяем хитрый прием: на бреющем подходим к летному полю, делаем крутую горку, потом выходим как бы на петлю — и прицельно бьем по крестоносным машинам. Один заход, второй. Вдруг видим — вокруг нас «мессершмитты».

Увеличиваем интервал и, отбиваясь, отходим, всячески уклоняясь от снарядных трасс.

— Горкин, как с горючим? — спрашиваю.

— На пределе.

Ну что ж, ничего не поделаешь, надо выходить из боя. Затяжеляю винт, полный газ — и камнем бросаюсь

вниз. Горьков за мной. У самой земли переходим на бреющий. А «мессеры», немного поотстав, продолжают преследование. Выскочили к Дунаю, идем, почти касаясь винтами волн. Вижу, пара «мессеров» пристраивается к Горькову. Развернулся, дал очередь — отстали.

К Вене подошли — бензин на нуле. Но все-таки дотянули до аэродрома. У Горькова мотор остановился на планировании, у меня — при заруливании.

Вылезли мы из кабин и неожиданно громко рассмеялись. Это была своеобразная разрядка после столь длительного состояния напряженности, вызванного и уходом Онуфриенко, и неудачей в последнем вылете: ведь в самом конце войны чуть не сложили крылья...

Через день представилась возможность взять реванш. Шестеркой вылетели на прикрытие войск. С земли нас предупредили: впереди до двадцати пяти «фоккеров».

Пока все идет нормально, вдруг слышу голос Бутенко, летчика из соседней эскадрильи Якубовского, с которым сейчас действуем вместе.

— Вижу «фоккеров», атакую!

Горьков ему внушает:

— Не лезь поперед батьки в пекло...

Я передаю:

— Бутенко, займи свое место в строю!

Вот ведь — один полк, соседние эскадрильи, вместе летаем, а порядки разные. Из моих подчиненных никто не рискнул бы в подобной ситуации действовать по своему усмотрению, как Бутенко. В групповом бою успех обеспечивает прежде всего железная дисциплина строя.

Бутенко занял свое место выше группы. Я крутым левым разворотом приблизился к цели и короткой очередью свалил стервятника на землю. Ребята взяли в оборот остальных. Летчик сбитого самолета выбросился на парашюте, его взяли в плен. Оказался он инструктором высшей школы воздушного боя.

Наша эскадрилья пополнилась новичками — младшими лейтенантами Алексеем Бесединым, Николаем Бобковым, Дмитрием Сохой. Крепкие, задорные, рвущиеся в бой ребята. В запасных полках они истомились по настоящему делу. Но боевого опыта у них мало. Надо подучить.

За нами — «старожилами» — громадный боевой путь. Кавказ, Кубань, Белгород, Днепр, Кишинев, Бухарест, Белград, Будапешт, Вена...

Собрав эскадрилью, я рассказал новичкам о каждом из наших летчиков, о том, кто, где, когда и чем отличился, за что получил боевые награды. О том, что превыше всего мы ценим скромность, честность, взаимовыручку, мужество и мастерство. Вспомнил о самых памятных воздушных боях. Новички слушали затаив дыхание. О чем они думали? О том, что самое важное и интересное уже стало историей? Или мысленно прикидывали, долго ли еще придется добивать Гитлера, успеют ли проявить себя?

Прежде чем взять их с собой на задание, к каждому прикрепили надежных, умелых летчиков: к Беседину — Горькова, к Бобкову — Калашонка. Над Сохой шефство взял я.

Учили их технике пилотирования, приемам воздушного боя прямо над аэродромом, а затем стали осторожно вводить в бой: мы не простили бы себе, если бы сейчас, под конец войны, потеряли хоть одного из молодых.

Волнующими для меня были полеты с новичками над Альпами — все здесь живо напоминало Адлер, Кавказские горы. Я как бы заново переживал свою боевую молодость. Перед глазами вставали мои учителя — Микитченко, Евтодиенко, боевые друзья — Шахбазян, Лаптев, Девкин, Мартынов, Липатов...

Всем нам — и учителям, и ученикам — тогда было во сто крат труднее. Настоящей науки боя ведь почти никто не знал.

Сейчас совсем иное дело. И наши молодые это чувствуют — не так волнуются, знают: и научим, и защитим.

Каждый из нас щедро делился с новичками всем, что знал и умел, раскрывал им свои «секреты».

Когда мы занимались с молодыми, произошло одно запомнившееся событие: на нашем аэродроме случайно приземлился американский истребитель дальнего сопровождения. Нам интересно было встретиться с американцем: как-никак союзник.

Он оказался одних с нами лет. За обедом разговорились, американец сожалел о смерти Рузвельта, неодобрительно отозвался о Трумэне, поделился своими планами послевоенной жизни — стать фермером, делать бизнес.

— Давно вы на фронте? — спросили мы.

— Год...

— Сколько у вас боевых вылетов?

— Тридцать.

Мы переглянулись. 30 вылетов! У каждого из нас за такое время набралось 150—200, а то и 300.

После обеда обменялись сувенирами. Я подарил ему мундштук из слоновой кости в золотой оправе, он мне — знак летчика и расческу. Потом мы с Горьковым сопроводили его километров двести пятьдесят и расстались навсегда.

...Приближается 1 мая 1945 года. Весна победы! Долгожданной, добытой нами с невероятными трудностями.

Идет штурм Берлина. Мы с нетерпением ждем вестей о его падении.

Нас неожиданно перебрасывают в Фишемендорф — восточнее Вены. Это населенный пункт на берегу Дуная, рядом — отлично оборудованный аэродром.

Отсюда стали летать на прикрытие наших войск, действовавших в Чехословакии, под Брно. Именно здесь на наших картах был проложен последний боевой маршрут. Именно на этом маршруте я закрою свой счет сбитым фашистским самолетам. Мы с Дмитрием Сохой сопровождали штурмовики. Недалеко от Брно нас встретила группа ФВ-190, попыталась помешать «илам» выполнить задание. А снизу к «горбатым» стали подбираться «мессеры». Ими занялась ударная группа, а мы с Сохой набросились на «фоккеры». Они — вниз, переходят на бреющий, ища спасения, входят в лощину. Мы за ними. Вот между нами 100—150 метров. Впереди — небольшая возвышенность. Ведущий «фоккер» стал огибать ее, ведомый — следом.

— Смотри, Усы (так мы звали Соху — обладателя густых усов), сейчас открою огонь.

Как только ведомый стал набирать высоту, я дал короткую очередь, «фоккер» врезался в возвышенность, взорвался.

Дал я и Сохе возможность испробовать свое умение. Он долго пристраивался к цели, невпопад выпускал очереди.

Неужели и я когда-то был таким?

Конечно, был. Ведь били меня, еще как били! Разве это можно забыть?

Зато теперь я могу позволить начинающему воздушному бойцу пройти огневое крещение, не опасаясь за исход поединка, за его жизнь.

— Смелее, Дмитрий, решительнее, за прикрытие не беспокойся!

Ободренный Соха, увидя, что я никого к нему не подпускаю, стал действовать споровистее, энергичнее и в конце концов одержал первую победу.

Я сбил последний, сорок шестой самолет, Соха — первый. Я закрыл свой боевой счет, он открыл его.

Это было символично.

Вступающее в жизнь новое поколение воздушных бойцов как бы подхватывало эстафету боевых дел ветеранов-фронтовиков.

...Все войны кончаются миром. Даже самые жестокие и кровопролитные. Так было и на сей раз. 9 мая на рассвете нас подняла на ноги стрельба. Мы быстро одеваемся, хватаем оружие, выбегаем на улицу. Смотрим — кругом светло от ракет.

— Товарищ командир, победа! — радостно кричат летчики. — Победа!

Мы тоже начинаем стрелять в воздух, качать друг друга, обниматься.

Если бы в этот час кто-нибудь пролетел над всем фронтом — увидел бы совершенно одинаковую картину ликования.

Мы были абсолютно уверены в том, что все кончилось, как вдруг в десять утра поступил приказ — срочно идти на штурмовку отступающих в Альпах вражеских войск.

Отправились мы с Калашонком. Где искать фашистов — точно никто не знал. Нам сказали: увидите колонны, идущие на запад, — штурмуйте, пока не повернут обратно.

Взлетели. В эфире — тишина. Наверное, в этом районе, кроме нас, в воздухе никого нет. Благодать! Никто не мешает, никого не нужно опасаться. Мирное небо... Как же все-таки оно прекрасно!

Ходим над отрогами Восточных Альп — неповторимых по своей красоте в эту майскую пору. Полюбовались величественной панорамой заснеженных вершин, снизились, стали просматривать дороги. Видим колонну, движущуюся на запад. Предупредили огнем, заставили остановиться. Вернулись на аэродром, потом снова взлетели, уже четверкой — Горьков, Калашонок, Маслов и я. А вражеская колонна спешно продолжает путь на запад. Опять остановили ее... В третий раз пришли сюда восьмеркой —

и повернули-таки колонну обратно. Потом ее конвоировали подоспевшие штурмовики.

10 мая нас подняли в три часа ночи. Задача та же: поворачивать обратно отступающие колонны противника.

Наконец-то наша боевая деятельность завершилась. Война окончилась, показав всему миру мощь и несокрушимость первого в мире социалистического государства.

Наш 31-й истребительный авиационный Нижнеднестровский Краснознаменный, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого полк за годы войны произвел 17 301 боевой вылет, 608 групповых воздушных боев, уничтожил 350 фашистских самолетов.

Боевые потери полка — 54 летчика и 175 самолетов.

Победа досталась очень дорогой ценой.

Но кровь лучших сыновей нашей любимой Родины была пролита не зря: мы отстояли право людей на мирную и счастливую жизнь.

Мирная жизнь пришла и к нам. Многим казалось странным, что теперь наша главная забота — взлет, посадка, маршруты, зона. А ведь мы всегда говорили:

— Боем живет истребитель!

Газеты опубликовали приказ Верховного Главнокомандующего: «В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы...»

Вместе с Героями Советского Союза П. Я. Якубовским, Г. Ф. Сивковым, Н. Е. Платоновым и другими товарищами отправляюсь в Москву и я для участия в Параде Победы...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и закончена повесть — ответ на письмо, полученное мной от курсантов — будущих летчиков-истребителей.

С волнением перелистываю ее страницы и вновь переживаю весь свой трудный боевой путь. И оживают обра-

зы людей, окрылявших меня, навсегда вошедших в мою жизнь. Я как будто наяву слышу их голоса:

Алексей Мелентьев. Сражайтесь так, дорогие друзья, чтобы Кавказские горы навсегда запомнили советских воздушных бойцов, помните: «адлер» — это значит «орел»!

Владимир Евтодиенко. Ну вот, Коля, ты уже не только отбиваешься, но и сам нападаешь...

Яков Микитченко. Негоже боевому летчику унывать. Тем более комсомольцу. Посмотри на наших коммунистов: от неудач только мужают.

Варвара Лященко. Скоморох, подойди поближе — надежнее будет прикрытие...

Григорий Онуфриенко. Самокритичность — первая черта коммуниста...

Николай Краснов. Ведущий — творец боя! Взаимодействие пары — обоюдная забота друг о друге, иначе успеха не видать.

Авраам Резников. В работе с людьми, как и в воздушном бою, нет рецептов на все случаи...

Шандор Далаши. К любому делу привыкнуть надо...

Летчики эскадрильи. Товарищ командир, победа!

В памяти оживают многие фронтовые события. И каждый эпизод, каждая подробность дороги мне. В них мои горести и радости, по-своему неповторимая часть моей жизни.

Когда осенью 1945 года я приехал вместе с Машей в мое родное село Лапоть, отец и мать верили и не верили, что я, дважды Герой Советского Союза, вернулся с войны живым и невредимым.

— Как же тебе, сынок, удалось благополучно вырваться из такого пекла? — спрашивала сквозь слезы мать...

— Я, мама, не вырывался, я воевал...

А потом я долго-долго стоял на берегу Волги, стараясь осмыслить все пережитое за годы войны.

Могучая река величаво несла свои чистые воды. В прибрежных камнях плескалась волна, как бы приглашая вступить с ней в разговор.

Волга, Волга... Вот я снова вернулся к тебе...

Здесь родился величайший гений человечества — Владимир Ильич Ленин. На твоих берегах жили люди, умножившие славу нашей Отчизны, — Н. Г. Чернышев-

ский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. И. Лобачевский, П. Н. Яблочков, Ф. И. Шаляпин, А. М. Горький, В. П. Чкалов...

И вот загремела над миром самая жестокая война. И снова Волга вошла в историю как рубеж жизни и смерти. Сталинград! Он стал символом непоколебимой стойкости, величайшего мужества и силы духа народа.

Волга, Волга... Только из числа уроженцев Саратовской области Героями Советского Союза стали около двухсот пятидесяти человек, но восемьдесят из них остались на поле брани. В том числе и погибшие под Москвой прославленный генерал И. В. Панфилов, и политрук одной из рот его дивизии Василий Клочков, возглавивший бой 28 гвардейцев-панфиловцев с несколькими десятками танков противника у разъезда Дубосеково. Там же, под Москвой, сложил свои крылья и Виктор Талалихин, совершив первый в истории авиации ночной таран. Пал смертью храбрых, повторив подвиг Николая Гастелло, лейтенант Дмитрий Тарасов. Не вернулись с боевых заданий герои-летчики Василий Трубаченко и Иван Сытов...

А считал ли кто, сколько вообще волжан было на фронте, сколько стало героями, сколько полегло в боях?

Тихо плещется волжская волна... И в ее шуме слышится голос матери: «Как же тебе, сынок, удалось благополучно вырваться из такого пекла?»

Да, мама, пожалуй, то, что я остался жив, — моя удача. Война ведь не щадила никого. Там можно было погибнуть и совершенно случайно.

Удача удачей, но способность выстоять и победить в самой невероятной обстановке — это проблема из проблем для военного человека. И мне понятен тот интерес, который проявляют к ней сегодняшние курсанты, приславшие мне письмо.

«Подвиг — это высшее проявление мужества, — писали курсанты. — Но оно ведь не возникает из ничего — с чего-то начинается, имеет свои первоначальные истоки? Мы знаем, что есть Каспийское море. Но есть ведь и Волга, которая несет в него свои воды, и маленький родник, из которого она сама начинается...»

Действительно, все с чего-то начинается. Это относится и к боевому мастерству, и к мужеству.

Работая над повестью, мы одновременно искали ответы на все эти вопросы. Провели уроки мужества с курсантами Харьковского и Черниговского высших военных

авиационных училищ, с военными летчиками округа. В основе уроков лежало обсуждение документальной повести дважды Героя Советского Союза генерал-полковника авиации В. Д. Лавриненкова «Возвращение в небо» в литературной записи Анатолия Хорунжего. В этих уроках принимали участие автор повести и известные украинские писатели, ветераны минувшей войны, Василий Козаченко, Виктор Кондратенко, Анатолий Стась.

Курсанты, летчики и гости, разбирая и анализируя многочисленные примеры доблести и отваги наших летчиков, размышляли над тем, с чего, когда, при каких обстоятельствах начинается формирование тех высших нравственных качеств, благодаря которым человек совершает подвиг.

На уроках мужества я прочел множество записок. В них были любопытные вопросы:

— Можно ли мужество выработать в себе, или это качество врожденное?

— Страх и мужество... Взаимоисключающие ли это друг друга понятия?

— Расчет и мужество... Совместимы ли они?

— Всегда ли мужество «написано на лице»?

— Если мужество черта характера — при чем тогда боевое мастерство?

— Можно ли прожить без мужества?

Согласитесь, что над такими вопросами надо ломать и ломать голову. Вот и давайте дальше порассуждаем вместе.

Итак, с чего начинается мужество, где его истоки?

Наверное, многие согласятся со мной: какие-то особые, врожденные качества человека, доставшиеся ему в наследство от родителей, тут ни при чем. Не заложены в физиологии человеческого организма ни мужество, ни отвага, ни стойкость.

«Если это так, — пишут курсанты, — то нужно остановиться на том, что мужество может быть выработано в себе каждым и стать постоянным спутником в жизни».

С этим нельзя не согласиться. Но тогда встает новый вопрос: а как воспитывать в себе столь важное качество?

На мой взгляд, все начинается с обостренного чувства любви к своей Родине, ответственности перед народом и партией за ее судьбу. Это чувство, если оно пробудилось

и наполнило всего тебя, дает великую силу для преодоления любых трудностей.

Известный советский педагог А. С. Макаренко говорил, что нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, где бы он смог проявить мужество.

В такие условия человек должен уметь ставить себя сам. А сделать это нетрудно: нужно только не замыкаться в кругу узких интересов, а жить высокими целями и идеалами.

Есть понятия: убежденность в правоте своего дела, борьба за коммунизм...

За него отдали свою жизнь лучшие сыны Родины.

Вот что писал Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов, уходя на ответственное, последнее, как потом оказалось, задание:

«Я люблю жизнь, я еще молод! Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен советский патриот и большевик.

...Я представляю себе, как все на нашей земле расцветет через пять — десять лет после победы. Какая это будет жизнь!

Если со мной что случится — знайте, что я был счастливейшим человеком на свете, потому что боролся за эту жизнь».

Вот они, истоки мужества: стремление души и сердца все отдать во имя социалистической Родины, за дело Коммунистической партии.

Вряд ли кто станет возражать против того, что подвиги не совершаются неосознанно.

Человек, проявляющий героизм, руководствуется высшими идеалами, перед которыми меркнут все личные и второстепенные мотивы.

Нельзя ждать истинной отваги от того, кто в первую очередь думает о собственной выгоде и славе. Такой расчет с настоящим мужеством несовместим.

Но есть расчет другого порядка, когда свое «я» уходит на десятый план, а ты весь живешь тем, чтобы любой ценой выполнить приказ командира, боевое задание. Тут приемлемы все приемы и методы, которые могут принести тебе успех. Надо только их знать и уметь ими воспользоваться.

Таким образом, мы подошли к выводу о том, что мужество само по себе не может обеспечить победу, если человек не обладает высоким боевым мастерством. В этом случае можно лишь мужественно умереть, но нельзя мужественно сражаться и побеждать, что во сто крат важнее первого.

Однажды я услыхал такое оригинальное выражение: «Мужество с отрицательным знаком». Что под этим подразумевалось? Готовность иных принести себя в жертву, не задумываясь над тем, даст ли это какую-либо пользу. Можно идти на все, но только тогда, когда это оправдано, служит интересам общего дела.

Законы мужества — особые. Они не терпят полуправды, полуотдачи, не признают тех, кто действует с оглядкой. Им нужно от человека все: любовь к Родине, верность идеям партии, знания, умение, воля, стойкость, решительность, готовность к самопожертвованию. Короче говоря, учиться военному делу по-настоящему, как завещал великий Ленин, — это и есть азбука того мужества, которое в ответственный момент перерастает в героизм.

СОДЕРЖАНИЕ

Скоморохов Н. М.

С44 Боем живет истребитель: Документальная повесть. — М.: Военииздат, 1981. — 284 с., с портр.

В пер.: 75 к.

Автор книги «Боем живет истребитель» — дважды Герой Советского Союза, маршал авиации, заслуженный военный летчик СССР. Войну начал рядовым летчиком в декабре 1942 года, участвовал в 143 воздушных боях, лично сбил 46 вражеских самолетов и в группе — 8. В повести он рассказывает о яростных схватках в небе, о героизме и мужестве советских летчиков, дает яркие описания фронтового быта.

С $\frac{70302\text{-}192}{068(02)\text{-}81}$ БЗ—79—14.80.4702010200. БЗВ № 18—4—1980 г.

ББК 84Р7
Р2

Николай Михайлович Скоморохов

БОЕМ ЖИВЕТ ИСТРЕБИТЕЛЬ

Редактор *Т. И. Канищева*
Художник *И. В. Сайко*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *Т. В. Фатюхина*
Корректор *Н. М. Опрышко*

ИБ № 1907

Сдано в набор 28.07.80. Подписано в печать 29.05.81. Г-42763.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Тираж 65 000 экз.
Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12 + 1 вкл. 1/16 печ. л.
0,105 усл. печ. л. Усл. кр. отт. 15,37. Уч.-изд. л. 16,12.
Изд. № 4/7126. Зак. 533. Цена 75 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

